

*Моим детям
и их наследникам
посвящается...*

«С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. А нас, участников этих исторических событий, становится все меньше. Но я убежден: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну».

Г.К.Жуков
«Воспоминания и размышления»

Б.Н. Малиновский

ЧЕРЕЗ ОГОНЬ, ВОДУ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Воспоминания. Документы. Личности

55 ДИВИЗИЯ

УДК 27-67(045)

ББК 86.37я43

М61

Малиновский Б.Н.

М61 Через Огонь, Воду и Медные трубы / Б.Н. Малиновский — К., 2016
— 272 с. : ил.

Эта книга о военном пути 55-й стрелковой дивизии. Дивизия была сформирована в августе 1919 г. в приволжском г. Барыш. В Великой Отечественной войне ее многострадальный боевой путь начался на реке Щара в Белоруссии. Встав на смерть при защите государственной границы в первые дни вероломного нападения Германии на СССР 22-25 июня 1941 г., она совершила подвиг — впервые не пропустила гитлеровцев далее границы!

С 24 июня по 22 сентября 1941 г. с тяжелыми боями она отходила из района Бреста до Украины и почти полностью погибла на поле боя. 1 декабря 1941 г. — была заново сформирована и продолжала отважно сражаться все последующие четыре года Отечественной войны, пройдя почти тысячу километров сквозь — как говорят — Огонь, Воду и Медные трубы — в жестоких судьбоносных битвах (Курская дуга), при форсировании рек (Десна, Днепр) и непроходимых болот (Пинские и Припятские). День Победы она встретила в зените славы вместе с победителями, став Мозырьской Краснознаменной 1-й дивизией морской пехоты БФ, а ее знаменосные полки — названные Лунинецким, Пинским, Краснознаменным, ордена Суворова III степени полками морской пехоты КБФ.

После войны дивизия, много лет осуществляла боевую службу на КТФ, а затем стала 155-й Отдельной бригадой морской пехоты КТФ.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 27-67(045)

ББК 86.37я43

В издании использованы документы и фотографии
из личного архива Б.Н. Малиновского.

© Б.Н. Малиновский, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Завет однополчан	6
О книге и её авторе.....	11
Трагическое лето 1941 года.....	19
Курская Дуга. Решающий поворот в Отечественной и Второй Мировой войне.....	77
Первый Белорусский фронт. Начало операции «Багратион». Июнь-июль 1944 г.....	155
Возмездие неминуемо!	167
«Выполнили долг перед Историей».....	183
Командующие фронтами и армиями в составе которых воевала 55-я стрелковая дивизия.....	195
Артиллерийский шедевр.....	234
Все для фронта, все для победы! Сварка в годы войны.....	235
Командиры 55-й стрелковой дивизии	236
Морская пехота. Как это начиналось	254
Краткий обзор документальной повести “Особая папка «Барбаросса»” Л. Безыменского	258
«Мы многое поняли и простили...»	270

ЗАВЕТ ОДНОПОЛЧАН

В книге немецких историков Дэвида Гланца и Джонатана Хауза «Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны» о начале Великой Отечественной войны говорится: «...Красная армия совершила чудо уже тем, что просто выжила при германском вторжении, не говоря уже о том, чтобы его остановить.

...Что более удивительно, русские успевали быстрее выставлять новые дивизии, чем немцам удавалось их уничтожать. К 31 декабря 1941 года Красная армия создала 385 новых дивизий и 267 отдельных бригад, что более чем компенсировало потери в боях, эквивалентные 229 дивизиям. Если перед войной немецкая разведка оценивала силы противника примерно в 300 дивизий, к декабрю Советы выставили почти в три раза больше подобных соединений. Большинство этих единиц было плохо вооружено и обучено, но, ...упрямая стойкость советского солдата была значительным вкладом в провал немцев в 1941 г.

5 декабря 1941 г. Сталин начал контрнаступление, используя старательно припасенные резервы для удара по растянувшимся немецким боевым порядкам под Москвой.»

«...То, что Красная армия вообще была способна перейти в наступление, немцев потрясло. Сначала Гитлер запретил любой отход частей, и многие высшие командиры, включая Хайнца Гудериана, были отстранены за то, что настаивали на отступлении, дабы сберечь свои войска. Но в конце концов Гитлер был вынужден согласиться на то, чтобы кое-где отойти. Тем временем Сталин испытывал такой подъем от первоначальных успехов, что решил первоначальное контрнаступление превратить в стратегическое наступление по всему фронту.

На самом деле Красная армия была еще слишком слаба и неопытна для такой большой задачи. Немцы быстро восстановили боевой дух и подвижность и в боях остановили советское наступление к февралю 1942 г.»

Значительная часть из имеющихся и вновь созданных дивизий стали в дальнейшем, участниками величайших сражений на основных фронтах, где определялись, по существу, судьбы Мира, а не только двух воюющих стран: Северо-Западный, Сталинградский,

Западный, Центральный, Брянский, Воронежский, три Белорусских, три Украинских, три Прибалтийских. Большинство дивизий, обретя всесторонний боевой опыт, заслуженно получили высокие боевые награды, внесли решающий вклад в достижение Победы над фашистской Германией.

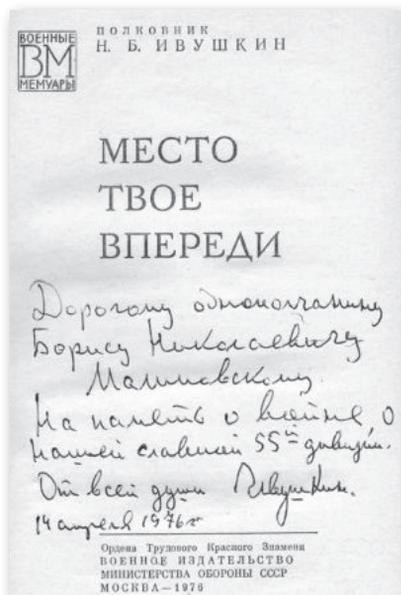
Предлагаемая книга, — попытка сохранить для истории, для последующих поколений людей, — бесценные воспоминания очевидцев-однопольчан одной из этих дивизий, — 55-й стрелковой дивизии, начавшей боевой путь еще в годы Гражданской войны, сумевшей затем в годы Великой Отечественной войны достойно пронести и сохранить номер и знамя части. На ее счету поражение СС дивизии «Мертвая голова», участие в ликвидации Демянского «котла» — по словам гитлеровского генерала — уменьшенного Вердена Первой Мировой войны, перемоловшего почти 100 тысяч немецких солдат и офицеров (Северо-Западный фронт); участие в разгроме за 50 дней задуманной Гитлером и считавшейся им неприступной «Цитадели» на Курской дуге, стремительное форсирование Десны и Днепра (Центральный фронт); уничтожение и пленение в операции «Багратион» основной части немецкой армии, загнанной в непроходимые и полупроходимые белорусские болота — припятские и пинские (1-й Белорусский фронт); участие в освобождении остальной части территории Белоруссии, Украины, Прибалтики.

Пройдя через «медные трубы» — получив заслуженную славу, дивизия сохранила свои боевые традиции, обеспечила ее существование в будущем как полноценной воинской части.

В Отечественную войну дивизией командовали:

Шевчук Иван Павлович, генерал-майор, в годы Гражданской войны организатор партизанского движения на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1941—1942 гг., Северо-Западный фронт. Тяжелейшие бои в «Рамушевском» коридоре. Первые успехи. Но привычное партизанское — только вперед — сказалось! Дивизия понесла неоправданные потери значительной части личного состава дивизии. Военный трибунал. Понижение в должности. Погиб в бою.

Зашюльев Николай Николаевич, полковник, Герой Советского Союза — 1942—1944 гг., Северо-Западный фронт. Затяжные бои на болоте Сучан, уничтожение СС дивизии «Мертвая голова». Участие в ликвидации «Демянского котла» — уменьшенного Вердена Первой Мировой войны; Центральный фронт. Курская дуга, участие в раз-

Дорогому однополчанину Борису Николаевичу Малиновскому. На память о войне, о нашей славной 55-й дивизии. От всей души. Ивушкин.

Мои однополчане-ветераны дивизии — полковник, начальник политодела дивизии Н.Б. Ивушкин, командир артиллерийского дивизиона, полковник П.Н. Кудинов, прошедшие в те годы, как и я «через Огонь, Воду и Медные трубы», в первые послевоенные годы написали и подарили мне первые экземпляры своих книг, сопроводив их автографами.

Время, к сожалению, не останавливается... Ни Николая Борисовича ни Петра Николаевича уже нет. Но книги, включающие огромный фактический материал остаются и существенно дополняют мои воспоминания.

Для меня, еще существующего (идет 95-й год), автографы дорогих однополчан стали заветом от имени всех однополчан дивизии — завершить единую историю многотрудного боевого пути 55-й стрелковой дивизии в годы войны и ее боевой службы в послевоенное время на основе моих книг и книг Н.Б. Ивушкина и П.Н. Кудинова.

громе гитлеровской, считавшейся им неприступной «Цитадели», 1-й Белорусский фронт. Освобождение Мозыря, северной части Белоруссии, участие в операции «Багратион» — разгром и плен сотен тысяч солдат и офицеров Вермахта с позором прошагавших по Минску и Москве. Освобождение восточной и северной части Украины. Бесстрашный и требовательный командир.

Андрусенко Корней Михайлович, полковник, Герой Советского Союза, 1944–1945 гг., 1-й Белорусский, 3-й Прибалтийский фронты. Участие в операции «Багратион». Освобождение городов: Петриков, Лунинец, Пинск, Цесиса, Гауена. «Батя» для личного состава дивизии.

В послевоенные годы возрожденной 55-й дивизией командовал *Шапранов Павел Тимофеевич*, генерал-майор.

Материалы из книг Н.Б. Ивушкина и П.Н. Кудинова отобранные и включенные в мою рукопись, сопровождаются примечаниями.

Это лишь малая толика того, «что мы пережили в войну» — скажем словами Г.К. Жукова в его известной, завершающей его жизнь, книге «Воспоминания и размышления». Воевали солдаты и офицеры не одной, а тысячи различных воинских частей. И то, что пережили они, — все поколение воевавших, а точнее — весь народ — неизмеримо. Значительную часть бесценного интеллектуального наследства войны время уносит с собой...

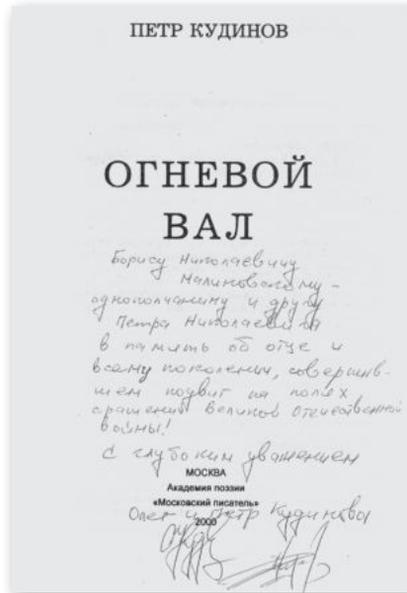
Величественные мемориалы и памятники Великой Отечественной войны, многие книги, архивы будут долго бессловесно говорить: «Мы остаемся с вами!»

Гитлер и его генералы задумали и пытались осуществить, судя по секретным документам «Барабара» и «Ост», планы о нападении и о последующем уничтожении Советского Союза, включая советских людей.

Об этом зловещем замысле говорится в одном из разделов книги. Прочитать его следует — в нем обрисовывается фашистский ад, а не наше будущее.

В последующих разделах на примере хотя бы одной из дивизий, читатели могут увидеть, какими огромными усилиями, великой самоотверженностью, ценою гибели миллионов жизней советского народа была достигнута Победа.

Что-то попытался включить в общечеловеческую Книгу Вечной памяти и я. Насколько мне удалось выполнить свой замысел и завет однополчан — пусть судят читатели.

*Борису Николаевичу Малиновскому — однополчанину и другу Петра Николаевича, в память об отце и всему поколению, совершившем подвиг на полях сражений Великой Отечественной войны!
С глубоким уважением Олег и Петр Кудиновы.*

«Борис, давай я тебя нарисую», — сказал мне капитан Семешков, командир огневого взвода 1-й батареи 1-го дивизиона 84 АП. Это было между боями под Ригой осенью 44-го.
3-й Прибалтийский фронт

О КНИГЕ И ЕЁ АВТОРЕ

С точки зрения высокой морали неизменная, от поколения к поколению передаваемая благодарность потомков своим предкам за достойные, героические деяния их есть показателем уровня нравственности общества, на что старинная русская пословица указывает: «Спасибо тому, кто поит и кормит, а более тому, кто хлеб-соль помнит». И наоборот — невысока культура жизни в том обществе, в котором власть предрержащие корректируют в угоду своим политическим интересам историческую память, прививают согражданам, превращая тех в мелкотравчатых обывателей, полное забвение лучших страниц своей истории, её выдающихся представителей.

Всё сказанное в полной мере относится к оценке событий сравнительно недавнего прошлого, к годам, в которые историческая общность, именовавшаяся «советский народ», защитила, уберегла свою великую страну от уничтожения и порабощения остатков её населения фашистскими захватчиками и, разгромив врага ненавистного, избавила от подобной участи европейские народы.

Подвиг этот — бессмертен и память о нём должна жить вечно в благодарных потомках победителей как этический стержень их бытия, как первейший воспитательный элемент для юношей, жизнь начинающих. Память эта обязана восполняться, активизироваться, благородной истиной своего содержания пресекать, отражать всякие попытки затуманить, принизить, исказить её суть.

Этой великой цели служат, в том числе, военные мемуары, новым прекрасным образцом которых является предлагаемая читателям книга Бориса Николаевича Малиновского «Через Огонь, Воду и Медные трубы». Прелесть её, прежде всего, в том, что написана она нашим современником, счастливо обережённым судьбой солдатом Великой Отечественной войны, представителем той когорты воинов-победителей, которые не сломились под чудовищными физическими и нервными нагрузками военных лет, не принизились в пору послевоенной психологической реабилитации, которые, пройдя все круги ада, увидев мерзкую изнанку человеческого бытия,

узнали цену человеческой жизни и, пережив глубокие личные потрясения, духовно очистились и возвысились. Пламя войны сделало их людьми сильного закала и особой духовной структуры — прямыми, честными, справедливыми, чуждыми злу, эгоизму, двурушничеству, лжи, презирающими пресмыкательство, лицемерие, подлость, зависть.

Все эти человеческие качества — в авторских чувствах и эмоциях выраженные — красной духовной нитью проходят через мемуарную книгу Бориса Николаевича. Со спокойной мудростью человека, много видевшего, знающего и пережившего выписал он своим искусным пером богатое литературное панно, ёмкое событиями, мыслями и переживаниями, дающее читателю полное представление о всех сторонах жизни и труда солдата на войне и в мирное время. На его страницах — смерть и увечья, нечеловеческие страдания товарищей по оружию, мирных жителей, сожженные города и сёла. В нём — проявления высокого и низкого, доброго и злого, колоссальные физические нагрузки солдата, постоянное — до полного нервного истощения — внешнее насилие над его психикой, превращение труда в страшную работу.

Боевой путь младшего офицера Малиновского связан с 55-ой стрелковой дивизией имени Ворошилова, принявшей в первые часы войны удар фашистов на белорусской границе и в дальнейших боях потерявшей практически весь личный состав. Заново сформированная, дивизия участвовала в тяжёлых боях на Северо-Западном фронте, в судьбоносной Курской битве, в форсировании Десны и Днепра, в боевом преодолении Пинских и Припятских болот. Так сложилась судьба этого воинского подразделения, что привелось ему сражаться с врагом в самых сложных боевых ситуациях, с существенными потерями бойцов и командиров, за что называли 55-ую дивизию «многострадальной».

По итогам первого года войны пережили солдаты и офицеры дивизии, как и все воины советской армии, состояние психологического шока, вызванного непрекращающимся — с большими потерями личного состава — отступлением наших вооружённых сил, после чего сталинским приказом №227 («Ни шагу назад!») были введены штрафные батальоны и заградительные отряды. Репрессивные меры в отношении своих солдат были беспощадно жестокими — вместе с реальными трусами и изменниками они

затронули многих безвинных бойцов, волей фронтовых обстоятельств оказавшихся в безысходном положении. Теперь в окружении, в неравном бою приходилось солдату выбирать не между жизнью и смертью, а только разновидностью последней — погибнуть в бою, сохранив человеческое достоинство, от пули заградительного отряда, быть расстрелянным как дезертир или умереть голодной смертью в плену.

С наступившим переломом в ходе войны изменилось психологическое состояние советских солдат и офицеров, и этот качественный внутренний скачок их психики очень точно отражён в книге. Наши бойцы научились побеждать, а следы разрушений и злодеяний на освобождаемых территориях добавляли ненависти к врагу, жажды мести, ускорляли боевое продвижение наших войск на запад. Война избавила командиров от лихости, шапкозакидательства и необдуманного риска, научила не высокими словами — личным примером утверждать командирский авторитет, реальную суть патриотизма и исполнения воинского долга, честь и стойкость солдата, научила профессионально готовить и выполнять поручаемые боевые задания, укреплять моральный дух подчинённых, проникаться их проблемами и переживаниями быть требовательным к ним. Жёсткая дисциплина отвечала жестоким реалиям войны. Повиновение, становившееся инстинктом, вырабатывало у бойцов автоматизм в действиях, который, суммируясь, увеличивал общую согласованность в бою, порождал воинскую солидарность. Фронтовая жизнь очень сближала людей, и боевое товарищество, коллективизм и взаимовыручка были основой фронтового братства.

Нелегко было солдату, обобщает автор, каждый раз вступая в бой, преодолевать внутреннюю боязнь, рисковать жизнью, однако — круг боевых товарищей, непосредственное управление и наблюдение командира, побудительные мотивы (честь, присяга, честолюбие, опасение упрёков в трусости, страх перед неотвратимостью наказаний) возбуждали, стимулировали к проявлению бесстрашия, отваги. Героизм же высшей пробы выявлялся тогда, когда солдат, что называется, с глазу на глаз оказывался с врагом и дрался до последней капли крови, дорого отдавал свою жизнь и, как просто погибший или без вести пропавший, не получал заслуженной посмертной оценки своего подвига.

Война для солдата — это борьба со страхом поражения или пленения, страхом быть раненым, искалеченным, быть убитым. Страх смерти мутил сознание впервые попавших под обстрел бойцов, проявлялся в их неадекватной реакции на происходящие события, вплоть до рвоты от нервного перенапряжения. Научиться не бояться на войне невозможно, бесстрашие — это не отсутствие страха, а его преодоление в определённый отрезок времени и в конкретной боевой обстановке. Страх смерти не оставлял бойца до уготованной ему роковой пули или, если суждено было ему выжить, до последнего залпа войны давил на него.

Страх неравномерно распределялся во временном цикле фронтовой жизни бойца. Постоянно и угнетающе воздействуя на его психику, он взлетал до своего максимума в целом ряде боевых ситуаций, одна из которых — оказаться под артиллерийским огнём противника, под бомбовым ударом его авиации. В смерчи огня и поражающего металла имел шанс выжить тот, кто вовремя укрывался в траншее, в окопе, кто успевал нырнуть в свежую воронку (вероятность вторичного попадания в неё снаряда или бомбы — мала), но неизбежно погибал тот, кто терялся в круговерти огня и осколков, суетился, куда-то бесцельно бежал. Очень ярко такая фронтовая ситуация представлена Борисом Николаевичем в эпизоде налёта фашистских «Юнкерсов», в котором он, действуя самым хладнокровным образом, сумел уцелеть.

Страх резко набирал силы в минуты предчувствия очередной опасности, ожидания стремительно надвигающейся беды, но он глушился у не впавшего в панику, вступившего в бой солдата силой сопротивления, борьбы, азартом схватки, жаждой победы. Для пехотинца на войне, наверное, самым страшным было ожидание атаки, когда нервы взвинчиваются до предела; когда голова раскалывается от боли, а язык прилипает к гортани; когда внутренне он прощается с жизнью и молит о спасении...

*«Я поднимаюсь.
Медленно.
В полфоста.
Я делаю свой первый трудный шаг.
Но оторваться от земли непосто:
Последний страх заныл в моих ушах».*

Все эти чувствования бойца рассыпаны по тексту книги, о них концентрированно пишет Борис Николаевич, пересказывая эпизоды летних, 1942 года, боёв на Левобережной Украине.

Война для солдата — это постоянное наблюдение гибели боевых товарищей, тех, кто дни и ночи, бок о бок с тобой, бились с врагом, в равной мере с тобой рисковали своими жизнями и избегали смерти. Но вот — их час пробил, они погибли, а ты продолжаешь жить. И мысль о том, что в их числе мог бы быть и ты, что, возможно, жизнями своими они продлили твоё земное бытие, буравит мозг солдата. И прощаясь с погибшими однополчанами, он не стыдится своих слёз — горя и благодарности. Так простился автор книги со старшим братом, Львом Николаевичем, танкистом, погибшим вдали от него в декабре 1943 года.

С каждым прожитым на фронте днём усиливается у солдата глубинная тоска от понимания беспощадного статистического факта — чем дольше он остаётся живым на передовой, тем больше у него вероятность погибнуть в каждый последующий миг своего неопределённого фронтового будущего. И одновременно — когда боевой стаж фронтовика становится заметно значительным, очередной, встреченный им в окопах рассвет укрепляет в нём почти мистическую надежду, в веру переходящую, что какая-то внешняя сила — судьба, молитва матери, любимой девушки — оберегает его, что доживёт он до победы.

Читая книгу, обращаешь внимание и на тот непреложный факт, что война для солдата — это воистину страшная, смертельно опасная работа, с редкими перерывами на отдых. Это запредельные физические нагрузки днём и ночью, в жару и в холод; это марш-броски, длительные переходы с полной выкладкой; это форсирование вплавь полузамёрзших рек и, с риском навсегда уйти в трясины, преодоление топких болот; это максимально ускоренное перемещение по горным кручам пехотинцев — с орудиями, миномётами, пулемётами, боеприпасами; это многочасовое нахождение на передовой — в лютый мороз, в испепеляющую жару, под ливневым дождём; это постоянные землеройные работы — траншеи, окопы, ходы сообщения, землянки; это подмена собой отказавшей — в сугробах, в весенне-осенних распутицах — конной или механизированной тяги... Этот труд адов отбирал у солдата все его силы и чуть больше, он был непрерывен и не давал

солдатскому организму отдыха. Организм истощался в бессоннице, требовал, наперекор воле солдата, сна и использовал всякую возможность, выхватывая каждую свободную минуту для отключения от внешнего мира и тогда — солдат спал сидя, стоя, на ходу; спал мертвецким сном даже под грохот канонады, но, повинувшись приобретённому на войне условному рефлексу, мгновенно просыпался, услышав своё имя.

*«Лицо застилает потом.
Дорога домой длинна.
Врезается в грунт пехота,
Ворочает глину рота
Четвёртую ночь без сна.
Такая у нас работа — война».*

Сильные эмоции при чтении книги вызывают эпизоды, сцены боевых будней, связанные с участием в них женщин, особенно те, в которых автор — чтобы ощутили и запомнили потомки — с беспощадным натурализмом в деталях повествует о ранениях, увечьях, гибели боевых подруг. Девочки-добровольцы появились на фронте уже в первые месяцы войны. Их было не так уж много, они внутренне были готовы к подвигу, к самопожертвованию, но не были готовы они — физиологически и психологически — к армии: к потере личной свободы и принудительному характеру поведения, к тяжёлым бытовым условиям, к грязи и вшам, к непосильным физическим нагрузкам, к крови и смерти, к постоянному стрессу, к неизбежному страху смерти. С сорок третьего года, когда Красная Армия перешла в общее наступление, женщин стали призывать на фронт по мобилизационному плану, и их, прямое или косвенное, участие в боевых действиях, стало значимым явлением войны. Женщины-бойцы служили связистами, радистами, снайперами, зенитчицами, были основой медицинского персонала, обеспечивали бытовое обслуживание личного состава.

Но был ещё и трудовой подвиг женщин тыла, вставших за станки, выращивавших хлеб, воспитывавших в одиночку детей. Был подвиг матерей, вдохновлявших сыновей, настраивавших их на победу, болевших за них, ожидавших и переживавших страшные

потери детей своих. Материнские письма, как и весточки от любимых девушек, жён, вдохновляли бойцов, бившихся за победу, надеявшихся дожить до неё. Словно своей кровью, из сердца истекающей, воспроизвёл и прокомментировал Борис Николаевич одно из писем своей мамы, небесный образ которой до сих пор живёт в его душе: *«В нескольких местах строчки письма, написанные красными чернилами, разбухли от слёз. Словно стекала на них капля за каплей мамина кровь...»*

Завершает книгу ряд биографий командующих фронтами и армиями, в составе которых воевала 55-ая стрелковая дивизия, её командиров, делается краткий обзор документальной повести Льва Безыменского «Особая папка «Барбаросса». Эта биографическая добавка очень органично вписывается в общий текст книги, делает её более полновесной, исторически значимой.

Много лет прошло и много перемен произошло в жизни Бориса Николаевича Малиновского. Перемен весьма значительных и чтобы перечислить (даже вкратце описать их), чтобы воспроизвести весь его научный титуларий (профессор, член — корреспондент АН УССР et cetera) требуется отдельная и немалая книжная глава. Могу сообщить только, что стал он выдающимся учёным, одним из тех титанов отечественной науки, которые свои теоретические разработки непременно доводили до их практической реализации. Для автора этих строк, некогда специализировавшегося на разработке компьютерных систем и программ к ним, наиболее звучащим из достижений Бориса Николаевича является разработка им, тогда заместителем директора Вычислительного центра АН УССР (позднее Института кибернетики), управляющей вычислительной машины «Днепр», опережавшей время по своей теоретической и практической новизне. В целом, весь послевоенный жизненный путь Бориса Николаевича — в его книгах, коих немало. Ныне же, в годы старения и досужества, решил он оглянуть ту часть своего жизненного пути, которая припала на самую страшную в истории человечества войну. И сделал он это, поверяя алгеброй логики гармонию чувств, прекрасно!

А.Л. Головцов,
кандидат технических наук

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

*Здесь птицы не поют,
деревья не растут.
И только мы, плечом к плечу,
встаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей Родиной дым.
И значит нам нужна одна победа,
одна на всех – мы за ценой не постоим.*

*Привет:
Нас ждёт огонь смертельный,
но все-ж бессилен он.
Сомнения прочь, уходит в ночь отдельный
десятый наш, десантный батальон.*

*Едва огонь угас, –
звучит другой приказ,
и почтальон сойдет с ума,
разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
бьет пулемет, неупоим...
Так значит, нам нужна одна победа,
одна на всех – мы за ценой не постоим.*

*От Курска и Орла
война нас довела
До самых вражеских ворот, –
также, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это, –
и не поверится самим...
А нынче нам нужна одна победа,
одна на всех – мы за ценой не постоим.*

Булат Окуджава

ТРАГИЧЕСКОЕ ЛЕТО 1941 ГОДА

ПОДВИГ 55-й ИМЕНИ ВОРОШИЛОВА ДИВИЗИИ В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Носившая до войны имя К.Е. Ворошилова, 55-я стрелковая дивизия была создана в августе 1919 года, в г. Барыш Приволжского военного округа и начала славный боевой путь еще в годы гражданской войны. В 1939 году дивизия участвовала в освобождении Западной Белоруссии. В 1941 году, на третий день вторжения гитлеровских армий, она вступила в бой с превосходившими силами врага в районе белорусского города Слоним — на реке Щара. Именно здесь, впервые на Западном фронте, противник встретил отлично организованную оборону, не давшую ему добиться ожидаемого успеха¹. За три дня боев 55-я дивизия причинила большой урон противнику, но и сама понесла тяжелые потери.

Писатель Константин Симонов оказался свидетелем подвига дивизии. В книге-дневнике «Разные дни войны» он записал: «Как я теперь вижу по документам, поехав в район Краснополя в переформировывавшуюся после выхода из окружения дивизию, мы оказались в 55-й стрелковой дивизии 4-й армии.

Я пишу в дневнике, что командира дивизии не было потому, что он еще выходил из окружения. На самом деле первый командир дивизии полковник Д.И. Иванов² к тому времени, когда мы приехали, уже погиб, но, очевидно, в штабе дивизии тогда еще не были уверены в этом.

¹ Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1961. С 120—122.

² Дмитрий Иванович Иванюк. Писатель неточно записал фамилию.

В статье «Части прикрытия», о которой я упоминаю в дневнике³, описывались действия 228-го полка 55-й дивизии «на реке Щ.» . Географические названия тогда зашифровывались — имелась в виду река Щара. Бой этот происходил с середины дня 24 июня до утра 25-го. В воспоминаниях начальника штаба 4-й армии генерала Сандалова именно об этом бое сказано, что немцы были остановлены вторым эшелонем 55-й стрелковой дивизии на реке Щара, и к исходу 24 июня им так и не удалось перешагнуть ее.

Я писал, что на рубеже Щ. полку (вместе с двумя дивизионами 141-го артиллерийского полка — это я добавляю уже теперь) удалось задержать немецкую дивизию на двенадцать часов и вывести у немцев из строя тридцать танков и восемнадцать орудий. Судя по документам, это близко к действительности.

228-м стрелковым полком в этом бою командовал Г.К. Чаганова и был ранен. Дальнейшее неизвестно. Я нашел его личное дело, в котором сказано, что подполковник Григорий Константинович Чаганова пропал без вести в 1941 году.

В конце статьи было сказано о том, в чем я видел тогда главный смысл происходивших событий: «К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками... Мы тоже понесли серьезные потери, но, как небыли они тяжелы, бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями... Бойцы знали: там, сзади, разворачиваются главные силы, используя эти 12 часов, выигранные ими в кровавом бою».

...Слова эти отражали страстную веру отходивших от границы и гибнувших в боях людей в то, что все жертвы не даром, что каждый выигранный ими час поможет нашим главным силам изготавиться и, наконец, нанести тот встречный удар, неотступное ожидание которого, несмотря ни на что, не покидало нас.

«НИЧЕГО ТЯЖЕЛЕЕ В ЖИЗНИ Я НЕ УВИЖУ»

Там же Симонов написал: «После всего виденного и пережитого за две недели — не в смысле физической опасности для меня самого, а в смысле моего душевного состояния — у меня было такое чувство, что уже ничего тяжелее в жизни я не увижу»⁴.

³ Статья не была опубликована по независящим от Симонова и редакции «Красная Звезда» обстоятельствам.

⁴ Там же.

И каждый выигранный час был действительно бесконечно дорог, пусть не для нанесения ответного и сокрушительного удара, на который мы тогда еще не были способны, а для более реальной цели — создания прочной линии обороны в тылу у отступавших армий нашего Западного фронта.

Армий, а не «частей прикрытия» — заголовок моей статьи был утешительной неправдой, в которую мне очень хотелось верить, но которая от этого не переставала быть неправдой»⁵.

И позднее, почти весь 1941 год полки 55-й дивизии не раз посылались на самые ответственные участки фронта и несли тяжелые потери. Не случайно, начальник штаба 4-й армии Л.М. Сандалов назвал дивизию «многострадальной».

ИСЧЕЗЛА НА ПОЛЕ БОЯ

В сентябре дивизия с боями отходила на Новозыбков, Злынку, Щорс и далее на юг. 17—22 сентября 1941 года в своем последнем бою в районе Пирятин, Оржица (в Украине) она, говоря словами одного из прославленных героев Отечественной войны 1812 года генерала Воронцова: «Исчезла на поле боя, но не с поля боя».

Подвиг дивизии не был забыт. О нем сказано в фильме «Стратегия победы», созданном к 40-летию победы в Великой Отечественной войне.

Боевой путь 55-й имени К.Е. Ворошилова стрелковой дивизии в начальный период Великой Отечественной войны отмечен памятником-обелиском на братской могиле в селе Завинье и курганом Славы на берегу реки Щара на рубеже ее первого боя 24 июня 1941 года, а также памятником-обелиском на братской могиле в деревне Леяки Пирятинского района в Украине на рубеже ее последнего боя 17—22 сентября 1941 года.

О том, как сражались бойцы и командиры стрелковой дивизии в тяжелые дни начального периода Великой Отечественной войны рассказано в книге Д.А. Морозова «О них не упоминалось в сводках», в книгах генерала-полковника в отставке Л.М. Сандалова «Пережитое», «На московском направлении» и «Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны».

⁵ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. М., 1977. С. 88.

Ветераны дивизии навсегда запомнили, что на первое сражение начавшейся войны 55-я стрелковая дивизия имени К.Е. Ворошилова вышла под маршевую музыку своего оркестра!

Во всех боях дивизии артиллеристы 84-го легкого артиллерийского полка (так тогда назывался полк), действуя в сложной обстановке почти непрерывных боев, до последнего боя 22-го сентября сохранили свою боеспособность.

Приведу хотя бы два эпизода из героического пути артиллеристов дивизии, которые мне довелось услышать от ее ветеранов⁶.

Расчет командира орудия Василия Николаевича Рассказова 24 июня — был оставлен вблизи шоссе за Слонимом с задачей задержать танки противника. Наших стрелковых подразделений впереди не было. К вечеру на шоссе появились 15 фашистских танков. Рассказов подпустил их как можно ближе и метким огнем поджег и подбил пять. Остальные повернули обратно, успев все-таки подбить орудие и ранить самого Рассказова.

Через 22 года после войны он узнал, что за этот подвиг награжден орденом Красного Знамени. Василий Николаевич прошел всю войну. В бою под Кенигсбергом получил тяжелое ранение в лоб, несколько месяцев лежал в госпитале без сознания... Об этом бое он рассказал мне сам на встрече ветеранов дивизии в Мозыре в 1979 году.

Награды 1941 года! Ко многим они приходили посмертно, других находили через много лет. Кроме Василия Николаевича школьники Минска нашли еще четырех награжденных (тоже не знавших об этом) ветеранов дивизии.

Командира 1-й батареи 84-го легкого артиллерийского полка лейтенанта-комсомольца Виктора Эрнстовича Шомоди за бой в районе реки Березина наградили орденом Красного Знамени. Его батарея стояла на прямой наводке прямо против моста через реку, который немцы безуспешно пытались захватить в течение 1 и 2 июля. «Стрельба велась осколочными гранатами попеременно со шрапнелью по плотным массам непрерывно атаковавших мост гитлеровцев с расстояния 150—200 метров, — вспоминает В.Э. Шомоди в одном из писем ко мне. — «Огонь был настолько интенсивным, что к орудийным стволам невозможно было приотронуться голой рукой, а река была буквально завалена трупами

⁶ Малиновский Б.Н. Участь свою не выбирали. К. «Украина». 1991. стр.199-203.

и покраснела от вражеской крови. Второго июля во второй половине дня враги зашли в нескольких километрах севернее брод и бросили туда свои танки. Создавалась реальная угроза выхода их в наш тыл. Тогда командир полка майор Воропаев приказал снять первую батарею с позиции, переместиться к броду и любой ценой не допустить врага на восточный берег реки. Артиллеристы успели как раз вовремя: когда батарея на карьере выскочила к реке, один танк противника уже подходил к нашему берегу, один был примерно посередине реки, а третий собирался входить в воду. Остальные были на опушке леса, который подходил почти к берегу реки. Выскочив к реке, батарея с ходу развернулась, мгновенно открыла огонь по переправлявшимся танкам и поразила их первыми же выстрелами. Затем огонь перенесен был на танки, скопившиеся на берегу. Враги были, по-видимому, настолько ошарашены неожиданным появлением батареи и гибелью части своих танков, что, сделав по батарее несколько безрезультатных выстрелов, отошли в глубь леса и в тот день уже не пытались воспользоваться бродом».

Виктор Эрнстович провоевал всю войну. После 55-й СД воевал в других частях, был награжден орденами Ленина, Александра Невского, двумя орденами Красного Знамени и многими медалями. Пройдя от Сталинграда до Берлина, он стал к концу войны командиром полка. В послевоенное время вырос до начальника ракетных войск и артиллерии округа, получил звание генерала и был награжден третьим орденом Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и четырнадцатью медалями, в том числе четырьмя иностранными. Проживал в Минске, активно участвовал в военно-патриотической работе. 10 июня 2009 года на 88 году ветеран Великой Отечественной войны генерал-майор Шомоди Виктор Эрнстович ушел из жизни.

Я написал так подробно о действиях 1-й батареи и ее командира потому, что в конце войны, в боях под Ригой, стал командовать этой батареей.

За зиму 1942 года дивизия была заново сформирована и отправлена на Северо-Западный фронт. В ее полках не оказалось ни одного человека из старого состава. Немногие, оставшиеся в живых и вынесшие с последнего поля боя знамя дивизии, были отправлены в другие части. Знамя было передано новой 55-й дивизии.

ПРОСТИТЕ ПЕХОТЕ

*Простите пехоте, что так неразумна бывает она.
Всегда мы уходим, когда над Землею бушует весна.
И шалом неверным, по лестничке шаткой, спасения нет.
Лишь белые вербы, как белые сестры мядят тебе вслед.
Лишь белые вербы, как белые сестры мядят тебе вслед.*

*Не верьте погоде, когда затяжные дожди она льет,
Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет,
Не верьте, не верьте, когда по садам закричат соловьи.
У жизни со смертью еще не окончены счёты свои.*

*Нас время учило, живи по привольному, дверь отворя.
Товарищ мужина, как все же заманлива должность твоя,
Всегда ты в походе, и только одно отрывает от сна -
Куда ж мы уходим, когда за спиною бушует весна?..*

Булат Окуджава

Заново сформированная 55-ая стрелковая дивизия по прежнему включала три стрелковых полка (107-й, 211-й, 228-й) и 84-й артиллерийский полк.

На Северо-Западном фронте на болоте Сучан в мае 1942 года началась дальнейшая многотрудная обратная дорога заново сформированной дивизии к западной границе, на белорусскую землю, которую она так самоотверженно защищала трагическим летом сорок первого.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ – НАЗВАННЫЙ СОЛДАТАМИ «БОЛОТНЫМ» – ФРОНТ. ПЕРВЫЕ ДНИ МАЯ 1942 Г.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 3 мая 1942 года

В течение 3 мая на фронте ничего существенного не произошло.

Из вечернего сообщения 4 мая 1942 года

В течение 4 мая на некоторых участках фронта наши войска вели наступательные бои и улучшили свои позиции.

Из вечернего сообщения 5 мая 1942 года

В течение 5 мая на фронте ничего существенного не произошло.

4 мая 1942 года в полдень наш артиллерийский дивизион⁷ маршем подошел к тылам 55-й стрелковой дивизии. Все последние дни и ночи непрерывно лил дождь. Плащ-палатки уже не могли защитить нас, и шинели и гимнастерки не просыхали. Казалось, мы сами разбухли от постоянного соприкосновения с водой. А тут еще страшная весенняя распутица, тылы не справлялись с подвозкой продуктов, и наш пищевой рацион сокращался по мере приближения к фронту. Начиная с 1 мая мы получали только маргарин и хлеб.

Воспользовавшись передышкой, я «нацарапал» родителям открытку:

«Вы, наверно, очень беспокоитесь, что долго не пишу. Я пере-езжаю на другое место, поэтому и задержался. Зато вчера получил письмо от Бориса. Он, оказывается, около Старой Руссы, пока еще не воюет, но вообще-то — это дело ближайших дней.

⁷ 84-й АП вступил в бой недоукомплектованным. — Авт.

Мне сейчас, в отличие от прошлых раз, приходится шагать пехтурой. Уже привык: «баллоны» мои не спускаются».

В большинстве случаев мои бесхитростные попытки заморочить голову военной цензуре, чтобы подсказать родителям, где я нахожусь, были безрезультатными. Но этой открытке повезло: слова о том, что Борис около Старой Руссы, остались не зачеркнутыми. Про «баллоны» же написал потому, что после госпиталя, где лежал после ранения под Москвой, вместо сапог получил армейские ботинки с обмотками и не сразу научился их прочно закручивать.

Время привала подходило к концу. Мы оказались рядом с медсанбатом дивизии. Несколько больших палаток не вмещали всех раненых. Остальные лежали, на парусиновых полотнищах, а большинство — просто на земле, прикрытой еловыми ветками. Мне впервые пришлось видеть огромное количество раненых вне госпиталя, а их подвозили и подвозили...

За полчаса привала мы наслушались стонов, посмотрелись на окровавленные бинты и лоскуты, которые то и дело выносили из палаток медицинские сестры.

На дорогу нам выдали немного маргарина, объявив, что это на сегодня все, хлеба не будет. Да если бы и был, ничто в рот не лезло. Даже когда отошли от медсанбата, в ушах все звучало: «Сестра, пить...» А навстречу шли и шли раненые, некоторых несли на носилках или просто на руках.

Впереди гремела канонада. 55-я дивизия, в которую я был направлен в составе пополнения, продолжала начатое вчера наступление...

Словно встречая нас, наперекор всему сквозь тучи пробилось солнышко. Идти стало веселее. Мы сделали еще один привал на лесной дороге и разделились на две части. Огневые взводы с орудиями остались, а остальные пошли вперед.

Пройдя несколько километров, вышли к ручью, протекавшему в неглубоком овраге. Наш взвод, человек 16, уже спустился в него, когда прилетели «юнкеры». Они сразу заметили нас — мы шли не маскируясь. Первый «юнкер» пошел стремительно вниз, издавая свистящий звук. Мы разбежались по оврагу и попадали на землю, кто куда. Я увидел, как от пикирующего бомбардировщика одна за другой стали отделяться черные точки

— бомбы, и следил за их полетом, стремясь определить — в нас или мимо. Страшный вой вдавил в землю. Разрыв, второй, третий... Колебалась стенка оврага, шипели осколки, летели комья земли. Я лежал неподвижно, подавленный неожиданным налетом и оглушительными взрывами. Но вот в пике пошел второй «юнкерс», и только что пережитый кромешный ад повторился сначала. Потом третий... Бомбардировщики сделали круг и снова полетели прямо на нас. Схватив карабин, я лихорадочно зарядил его и, лежа, выстрелил в первый «юнкерс», когда он с воем пикировал на наш овражек. Напрасная попытка! Снова и снова свистели бомбы, ухали разрывы, ходуном ходила земля. Тело и нервы напряглись до предела... Наконец бомбардировщики улетели. Потрясенные бомбежкой, мы бросились из спасшего нас овражка в лес, еще не веря до конца, что не поплатились за нарушение правил маскировки.

За леском на небольшой возвышенности находилась деревня Большие Дубовицы. Наш командир взвода сказал, что там расположен штаб артиллерийского дивизиона, в который мы должны явиться. Но теперь он уже не торопился выходить из леса: искал глазами — каким путем скрытно проскочить к домам. Наверное, у него, как и у нас, все еще стоял в ушах вой «юнкерсов», свист бомб и оглушительные звуки разрывов.

Да, здесь уже был фронт, а не тыловая обстановка. С нашей и немецкой стороны время от времени раздавались артиллерийские и минометные выстрелы. В деревне то там, то здесь слышались звуки разрывов. Еще дальше, за Большими Дубовицами, где проходила передовая, — воздух прорезали редкие автоматные и пулеметные очереди. Судя по всему, разгоревшийся утром бой стихал.

В одном из сараев, пристроенных прямо к деревенской избе, нашли начальника штаба дивизиона капитана Саксина. Он спокойно и деловито объяснил обстановку по карте и сообщил, что штаб дивизиона должен перейти на новое место. Указав новое место нахождение дивизиона на карте, капитан приказал нам идти туда, чтобы подготовить блиндаж и линию связи со штабом полка.

К вечеру, когда мы заканчивали подготовку блиндажа, туда пришли командир дивизиона майор Новиков Александр Данилович, начальник разведки старший лейтенант Манушкин, начальник штаба и несколько красноармейцев.

Ночь прошла спокойно, а рано утром, едва мы вышли из блиндажа, начался сильный минометный обстрел нашего участка леса. Первые мины разорвались совсем рядом и очень неожиданно: сперва мы инстинктивно бросились на землю, а потом побежали к блиндажу. В районе Больших Дубовиц застрекотали автоматные очереди. Наш блиндаж находился у перекрестка дорог, километрах в двух от деревни. За ночь связисты протянули линии связи па НП батарей, расположенных за Большими Дубовицами. Командир дивизиона пытался с ними связаться, чтобы узнать, что происходит на передовой. Но связь после обстрела оборвалась.

Между тем минометная и автоматная стрельба нарастала. Новиков распорядился, чтобы начальник разведки с разведчиком Алалыкиным отправились в штаб стрелкового полка, который поддерживался нашим дивизионом, и выяснили обстановку на месте. Через полчаса разведчик вернулся, таща на себе тело убитого начальника разведки. Недалеко от нашего блиндажа они попали под минометный обстрел.

Наконец восстановилась связь с командиром одной из батарей. Он сообщил, что немцы зашли с флангов и сейчас пехота отступает: артиллеристы уходят вместе с командиром батальона. Куда — еще не известно.

Бой, который начался впереди, теперь обтекал нас справа и слева. Гитлеровцы явно пытались взять в кольцо подразделения, находившиеся в прилегавшем к Большим Дубовицам районе.

Капитан Саксин достал из карманов убитого начальника разведки документы. Быстро и молча выкопали неглубокую яму и опустили в нее тело Манушкина. Через несколько минут над ней вырос холмик земли. На большее времени не было...

Опасаясь полного окружения, командир дивизиона решил отходить, приказал взять имущество и следовать за ним. Участок леса, где мы находились, по-прежнему обстреливался сильным минометным огнем. Один из связистов торопливо сунул мне катушку без провода. Мы пошли по линии связи, оставляя провод несобраным. Шли довольно долго, почти бежали, прислушиваясь ко все приближавшейся автоматной стрельбе. К разрывам мин добавилась шрапнель. Снаряды взрывались над лесом, а их начинка — сотни свинцовых шариков — со свистом врезались в верхушки деревьев, били по земле вокруг нас. Наконец вошли в мелколесье, затем перебежали не-

большой овраг; за ним начинался кустарник, а дальше — снова лес. Добравшись до первых деревьев, увидели красноармейцев, роющих окопы, и носом к носу столкнулись с командиром дивизии. Я его видел впервые, но то, что это он — понял сразу. Размахивая пистолетом перед лицом Новикова, он яростно кричал:

— Куда бежишь, артиллерист? Огня давай! Давай огня! Где твоя связь? Почему катушки пустые? А ну... — тут пошел крутой мат — собрать провод! Открыть огонь по гадам!

Я оказался ближе всех к Новикову. Обернувшись к нам и увидя на мне висящую катушку, Новиков тут же приказал:

— Старший сержант! Собери провод! Бегом вперед! Я схватил лежавшую на земле «нитку». Кто-то из подбежавших связистов перерезал ее ножом и закрепил провод на катушке. Я закрутил ручку барабана, и провод потянул меня обратно под шрапнель. Когда добежал до оврага, «заиграла» «катюша». Я впервые услышал ее сердитое «урчание». С ужасом почувствовав, что ее снаряды несутся в нейтральную зону, прямо на меня, упал ничком на землю. Почти одновременные многочисленные взрывы — справа, слева, впереди, сзади окружили со всех сторон. В ушах звенело и грохотало, в нос ударил противный пороховой запах, кругом свистели, яростно били по деревьям и земле осколки. Однако ж бывали чудеса на войне: в этом аду я остался жив...

Вскочив, снова побежал вперед, быстро наматывая провод. Сверху время от времени со свистом летела шрапнель, и я невольно вздрагивал и внутренне сжимался при разрывах в небе. За оврагом наткнулся на пожилого щедедушного красноармейца без винтовки. Без пилотки и поясного ремня, в расстегнутой шинели, с перекошенным, искажившим лицо ртом, он неуклюже топтался на одном месте. Налитые кровью глаза смотрели мимо меня, взгляд был лишен всякой мысли. Я понял: он сошел с ума или контужен взрывами снарядов «катюши», и побежал дальше — задерживаться не имел права, да и помочь ничем не мог.

В мелколесье, прежде чем выйти на поляну, глянул вперед. На поляну из леса выбегали немецкие солдаты в серо-зеленых мундирах с автоматами в руках. Одни перебежками, другие чуть согнувшись двигались прямо на меня. За несколько секунд отчаянным усилием, не щадя пальцы, оторвал провод от катушки и, сгибаясь, чтобы не заметили, изо всех сил побежал назад.

На опушке леса, где нас остановил командир дивизии, красноармейцы продолжали рыть окопы.

— Автоматчики подходят! — крикнул я и побежал искать командира дивизиона.

В полдень наши пушки и гаубицы уже вели огонь. Начались контратаки стрелковых подразделений. Первая, вторая, третья... До нас долетали нестройные крики «ура!», перемежавшиеся стрельбой из автоматов, винтовок и пулеметов. При каждой контратаке немцы открывали ураганный огонь из шестиствольных минометов и пулеметный огонь, а окопы еще не были готовы и прятаться от обстрела было негде. Мины рвались вокруг нашего НП, который находился в неглубокой ямке под кустом. Над нами шипели осколки, зловеще посвистывали пули.

При каждой контратаке крики «ура» слабели, а мимо проносили раненых. Некоторые шли сами. Запомнилось: быстро, во весь рост, не обращая внимания на обстрел, идет полураздетый рослый боец с мужественным и, как смерть, бледным лицом. Во все плечо и грудь — громадная, сплошь сочащаяся кровью повязка. Другой пробежал в горячке, вместо нижней челюсти сплошная кровавая рана...

Перед третьей контратакой Новикова, Саксина и командира взвода вызвали к командиру стрелкового полка, который находился метрах в двухстах в наспех построенном блиндаже. Первым вернулся командир взвода, крикнул срывающимся голосом:

— Но-овая контрата-а-ка! — Отвер-нись, стар-ший сер-жант! — На моих глазах едва успел снять поясной ремень и отскочить в сторону — от страха перед новым шквалом ответного немецкого огня напала на беднягу неукротимая медвежья болезнь⁸.

Подоспевший командир дивизиона Новиков уже передавал приказ командиру гаубичной батареи, крича в трубку:

— Бызов! «Карандаши» встают снова⁹! Начинай подготовку! По красной¹⁰ пойдут. Сразу дави шеститрубный¹¹! Чтобы совсем замолчал — не мешал «карандашам»! «Огурцов»¹² не жалеи! Выполни!

⁸ Фамилию я не называю. Бывает и такое.

⁹ Готовится новая контратака.

¹⁰ Ракета

¹¹ Шестиствольный немецкий миномет

¹² Снарядов

Эта контратака тоже оказалась безуспешной. В тот день она была последней.

Следующий день выдался спокойнее. Немцы не пытались наступать дальше, и мы использовали передышку, чтобы окопаться. Командир дивизиона приказал уточнить привязку огневых позиций, переведенных на новое место. Я пошел в район огневых один, а красноармейцы остались строить блиндаж. Шел напрямиком, по азимуту, так было короче, надеясь на свой опыт. Лес становился все гуще. В одном месте наткнулся на мертвого красноармейца. Лица уже почти не осталось, шинель разлезлась, видимо, он лежал здесь давно, еще с зимы. Рядом валялась покрытая ржавчиной винтовка, кругом — стреляные гильзы винтовочных патронов. Тогда я не смог заставить себя посмотреть его документы — таким отталкивающим был идущий от трупа запах. А теперь не могу себе этого простить. Вряд ли кто-нибудь смог сообщить его родным, что человек этот геройски погиб, а не просто «пропал без вести».

Наконец лес кончился, и пошло большое поле, огороженное забором из колючей проволоки в два ряда. Проволока была протянута достаточно высоко от земли, и под ней можно было пролезть. Но мне почему-то не захотелось нагибаться, и дойдя до угла изгороди, я пошел вдоль нее. На втором углу увидел прибитую к столбику фанерку с нарисованным черепом и надписью черной краской: «Мины». Выходит, правильно сделал, что полез под проволоку! Подорвался бы на нашем же минном заграждении.

Наконец нашел огневые позиции батарей. С большим трудом разобрался, где нахожусь: кругом лес, болота да редкие поляны при полном бездорожье. Отметил на карте, где поставлены батареи. Просто так, без привязки. Инструменты тут не помогли бы. Назад шел уже не по азимуту. Сделал крюк и вышел на дорогу. Хоть и много дальше, но спокойнее. Совсем не хотелось лежать, как тот, полуистлевший, в лесу...

Видно, я приглянулся командиру дивизиона. Ему понравилась схема расположения огневых позиций батарей, которую я начертил для донесения в штаб полка. Собравшись пойти на наблюдательный пункт одной из батарей, он взял меня с собой. По пути я все время сверялся с картой и компасом. Надо было поточнее определить координаты НП. В лесу это не так просто, но, как я

убедился, возможно. Шел машинально за Новиковым. Главное — не упустить ниточку пути на карте.

В мирное время на учениях командиру отделения вычислителей, кем меня назначили сейчас, было проще: ориентиры для привязки батарей и НП указывались штабом и времени для работы с топографическими приборами отводилось достаточно. Тут же только карта, компас и считанные секунды.

Новиков не придерживался линии связи и шагал, как ему удобнее. Новую передовую он, видимо, представлял плохо: вдруг прямо над нашими головами раздались свист пули и резкая трель близкой автоматной очереди. В это время мы шли через лесную вырубку, напоминавшую по форме квадрат, с редкими небольшими кустиками и одиночными деревьями. Пули жутко просвистели, когда мы уже приближались к окружавшему вырубку лесу. Мы инстинктивно бросились на землю. Однако это не спасло. Пули снова с громким стуком взрыли землю прямо перед нашими головами. Мы вскочили и что было сил бросились к спасительному лесу. Еще одна очередь, еще и еще... Не знаю, что страшнее — близкий разрыв бомбы либо снаряда или разящие и бьющие по земле рядом с тобой пули немецкого автоматчика. Пожалуй, одинаково. То падая на землю, то бросаясь вперед, когда отсвистят пули, мы преодолели оставшуюся до леса сотню метров. В лесу сразу увидели блиндаж с амбразурой в нашу сторону и бросились к нему. В блиндаже находились двое красноармейцев. Один, раненый, с перевязанной бинтом шеей, лежал без сознания, тяжело дыша с хрипом и бульканьем. Второй выругался:

— Кукушка проклятая, черти бы ее съели! Засела на дереве, не разгляжу на котором. Моего напарника, сволочь, зацепила, и вас чуть не порешила. Но я ее, гадюку фашистскую, выслежу! — И сердито добавил: — Вы поосторожнее. Нейтральная полоса — не бульвар!

Отдышавшись, мы двинулись дальше и наконец попали на батарейный НП. К вечеру без происшествий вернулись в штаб дивизиона. Штабной блиндаж был уже построен. Вырытую в сырой болотной земле яму, глубиной около метра, почти три метра в длину и два в ширину, бойцы покрыли сверху бревнами и забросали вынутой из ямы землей. Получился блиндаж в один накат. Стенки укрепили тонкими жердями, а пол настелили из кольев,

уложенных на толстые чурбаки. В одном из углов блиндажа выкопали ямку для стока воды. Вход в блиндаж закрыли палаткой. Немного отдохнув, я решил написать письмо домой. За эти дни мне «на собственной шкуре» довелось убедиться в разнице фронтальной обстановки полка артиллерии Резерва Главного Командования, в котором я был в 1941 году, и артиллерийского полка стрелковой дивизии, где находился сейчас. Тогда мы имели слабую связь со стрелковыми подразделениями и находились дальше от передовой. Здесь же все было жестче, обнаженней, опаснее. Только за прошедшие два дня меня могло много раз убить или ранить. Мой боевой опыт, пусть небольшой, помогал теперь справиться с новыми испытаниями.

Коптилка из консервной банки и ружейного масла едва освещала не очень ровные строчки письма, выходявшие из-под карандаша. Огонек ее нервно вздрагивал, когда где-то неподалеку рвались, сотрясая блиндаж, тяжелые снаряды, методически посылаемые друг за другом немецкой артиллерией. На листок то и дело капала вода, сочившаяся из набросанной сверху мокрой земли.

«Пишу письмо ночью. Немцы успокоились. В сводках за первые числа о нашем участке сообщалось: «Идут бои местного значения». Сегодня уже тише. За меня не беспокойтесь. Долго ли мы здесь пробудем — не знаю...»

«РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР»

Действительно, я тогда не знал, что пробуду на Северо-Западном фронте триста дней — почти год! Каждый из этих дней был иным, но всегда — трудным. Нашу дивизию, входившую в состав 11-й армии, несколько раз отводили в тыл для пополнения. А потом снова бросали на передовую, нередко на прежние места. Это было тяжелым психологическим испытанием: снова вступать в бой там, откуда едва вернулся живым. Поневоле думалось — а как будет на этот раз?

Чтобы было понятно, где шли бои, следует сказать несколько слов о Северо-Западном фронте. В то время он располагался между Волховским (с севера) и Калининским (с юга) фронтами — от озера Ильмень до озера Селигер, растянувшись более чем на 200 км. Еще зимой сорок первого войска этого фронта окружили в районе Демянска 16-ю немецкую армию в составе

семи дивизий. В истории Великой Отечественной войны Советского Союза об этом говорится так: «В ходе боев при окружении вражеских войск были разгромлены три немецкие дивизии. Противник оставил на поле боя до 12 тыс. трупов. Наши войска захватили 185 орудий, 135 минометов, 340 пулеметов, 450 автомашин, 125 вагонов с разными грузами, несколько складов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием и другое военное имущество»¹³. Однако фронт не сумел развить успех и уничтожить окруженную армию.

21 апреля 1942 года ценой больших потерь немцам удалось прорвать фронт советских войск и соединиться с окруженной группировкой в районе деревни Рамушево. «Попытки... ликвидировать образованный гитлеровцами так называемый «рамушевский коридор» успеха не принесли»¹⁴.

Через «коридор» длиной около 40 и шириной до 10 километров проходила дорога, соединявшая Старую Руссу с Демянском. Для окруженных немецких войск она была дорогой жизни и они ее защищали, не считаясь с потерями.

«ПОЖИВИ-КА, МИЛАЯ, КАК Я ЖИЛ!»

Условия боевых действий в районе «рамушевского коридора» были предельно суровыми. Бесчисленные болота не давали возможности построить ни настоящего окопа, ни прочного блиндажа. Наземные укрытия в виде невысоких двойных стенок из кольев, с набросанной между ними болотной грязью вперемешку со мхом не спасали от обстрела. Шедшие почти непрерывно майские ливни пропитали влагой всю землю даже на возвышенных местах. Почти во всех окопах и блиндажах под полом из кольев все время держалась вода, и ее надо было постоянно вычерпывать. Ночью в блиндаже для освещения чаще всего жгли немецкий телефонный провод. Он очень чадил, и утром бойцы долго откашливались, сплевывая противную черную слизь. Помню, сменивший Саксина начальник штаба, капитан Тириков, бывший учитель из Сибири, переспав ночь в нашем прокопченном блиндаже, основательно «прочистил» легкие и носоглотку, а потом пошутил:

¹³ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 337.

¹⁴ Там же

— У меня до войны корова была, так я ей хлев построил — светлый, высокий, чистил его каждый день. А теперь как вернусь после войны, построю такой же блиндаж и скажу ей: поживи-ка милая, как я жил!

В течение всего лета мы ни разу не мыслили и завшивели до предела. Изничтожить наших мучителей, находясь на передовой, было невозможно. И только к осени, когда в тылу дивизии построили бани, нам удалось от них избавиться. Однако ненадолго. Во время затяжных боев вши появлялись снова. И приходилось опять в дни передышки тщательно прожаривать одежду.

Осень сменилась зимой с сильными морозами. Но и морозы не сковали местные болота. Зная, что мы располагаемся в лесу, немцы обстреливали сильным минометно-артиллерийским огнем лесные островки, перешейки и настилы, проходившие прямо по болотам. Огонь не был прицельным, но из-за скученности бойцов на более сухих участках причинял большой урон.

Позднее мы научились делать укрытия в два и три наката и чувствовали себя в них более безопасно. И тем не менее, каждый раз, когда над блиндажом или где-то недалеко друг за другом со зловещим свистом проносились мины или снаряды, сердце тревожно сжималось... При каждом разрыве блиндаж вздрагивал, как живой, с наката и стенок сыпалась земля. Минует ли следующий? Сколько же вынесли за эти нескончаемые девять месяцев почти непрерывных боев солдатские сердца: ведь многие дни и ночи обстрел не прекращался...

С мая по июнь 1942 года войска Северо-Западного фронта трижды переходили в наступление с целью разгрома демянской группировки врага. Первая операция была проведена с 3 по 20 мая. Замысел ее состоял в том, чтобы силами 11-й и 1-й ударной армий нанести по «рамушевскому коридору» встречные удары с юга и севера, полностью перекрыть его и затем разгромить группировку противника.

«С поставленной задачей советские войска не справились,— напишут позднее военные историки. — Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать демянский плацдарм противника. Это объяснялось прежде всего тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было

слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же остальной фронт оставался пассивным. Неоднократно повторяющиеся удары следовали из одного и того же района, что значительно облегчало борьбу противника против советских войск»¹⁵.

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ВОЙНЕ НЕТ ПРОЩЕНИЯ!

Что происходило в эти дни мая в 55-й стрелковой дивизии?

По сводкам Совинформбюро — ничего существенного. А на самом деле?

3 мая 1942 года 55-я дивизия вместе с другими частями фронта была брошена в бой с задачей перерезать дорогу Старая Русса — Демянск, в районе деревень Васильевщина — Бяково. Командование фронта не посчиталось с тем, что дивизия была не подготовлена к наступлению.

При формировании 55-й дивизии в январе — марте 1942 года никакого вооружения в полках не имелось. «Обучение шло на изготовленных самими военнослужащими деревянных макетах винтовок, автоматов, артиллерийских орудий и минометов. Практического навыка в обращении с оружием не было, — вспоминает бывший начальник штаба 107-го полка ветеран дивизии Николай Степанович Локтионов. — Винтовки, автоматы и орудия стали поступать, когда, высадившись 14—17 апреля на станции Крестцы, дивизия в течение полумесяца подходила к линии фронта. Весенняя распутица, проливные дожди, дороги с непролазной топкой грязью не позволили вести обучение на ходу. Надо было строить гати, тащить на руках снаряды, вытаскивать постоянно застревающие в топких местах орудия. Многие дни питались впроголодь — подвоз продуктов постоянно задерживался».

1 и 2 мая части дивизии подходили к линии фронта. В ее составе были три укомплектованных по штатам военного времени стрелковых полка — 107-й, 111-й и 228-й, а также артиллерийский 84-й полк, который еще не был полностью обеспечен артиллерийским вооружением.

В ночь со 2-го на 3 мая дивизия сменила 74-ю бригаду морской пехоты и уже утром была брошена в наступление.

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. С. 474.

К большому сожалению, первоначальный успех не был своевременно закреплен. За несколько дней тяжелейших кровопролитных боев дивизия понесла огромные потери и оказалась на исходных позициях.

В памяти Николая Степановича Локтионова сохранились некоторые подробности этих трагических дней:

«107-й стрелковый полк должен был прорвать оборону противника и овладеть участком дороги Бяково — Васильевщина,— вспоминает он.— Наступление началось утром. Никаких средств усиления полку не было дано. Поддерживала его лишь артиллерия 84-го АП. Противник имел хорошо оборудованную систему дотов и дзотов, соединенных траншеями. Болото и заливные луга перед ними были заминированы в глубину до километра. За ними шли проволочные заграждения в три ряда. Укрепленные пункты в деревнях Бяково и Васильевщина были насыщены до предела пулеметами, пушками, особенно минометами. Противник имел и сильные резервы, которыми мог маневрировать по дороге Старая Русса — Демянск. У него имелись танковые части и авиация.

После артиллерийской подготовки подразделения 107-го полка, имея справа 228-й полк, атаковали противника. Было уничтожено много огневых точек на переднем крае вражеской обороны. Успешно продвигаясь вперед, подразделения 107-го полка перерезали дорогу на небольшом участке. Был получен приказ — продолжать наступление в направлении на Бяково. Противник упорно оборонялся. 228-й полк, наступавший справа, нужного успеха не имел. И тут противник перешел в контратаку.

В небе появилась бомбардировочная авиация. Находясь под бомбовыми ударами, подразделения полка все же продолжали вести бой. После окончания бомбежки противник, подтянув резервы — пехоту и танковые подразделения, снова пошел в контратаку, открыв сильный артиллерийский и минометный огонь. У нас не было ни одного истребителя, ни одного танка, а фланги в месте прорыва обороны противника не были должным образом прикрыты.

Для развития успеха наступления командир дивизии генерал-майор И.П. Шевчук направил в 107-й полк батальон 111-го полка, но в создавшихся условиях реальной помощи в развитии имевшегося успеха этот резерв оказать не мог. Сказались и боль-

шие потери личного состава полка. В бою были убиты два командира батальона, начальник штаба батальона, не говоря о больших потерях личного состава. Остатки полка оказывали упорное сопротивление. Шел бой и на флангах прорыва. Сил становилось все меньше. Многие легли героями на поле боя. Много раненых направлено в санчасть полка. Силы были неравны. Наши подразделения вынуждены были начать отход. Был получен приказ — не допустить противника за его прежнюю линию обороны. Этот приказ был выполнен. На этом закончился первый день боя.

Следующие два дня части дивизии переходили в наступление, но успеха не имели. 5 мая командир полка Мамин вызвал меня и поставил задачу — силами остатка взвода пешей разведки и пятнадцати автоматчиков сменить на переднем крае всех находившихся там солдат и офицеров и отправить их в тыл полка. Это было сделано, чтобы более точно установить, сколько бойцов осталось от личного состава части. Всех сняли с обороны и у походных кухонь разобрались с теми немногими, кто остался в живых. Утром 6 мая они возвратились обратно и сменили нас. Дальше начались боевые будни. Нам приходилось то безуспешно наступать, то отражать атаки наступавшего противника. Когда в начале июня подошла Сибирская бригада, то ей хватило лишь одного стрелкового взвода, чтобы сменить личный состав полка на участке его обороны...»

Врач санбата 55-й дивизии Георгий Артемович Газалов, вспоминая на одной из послевоенных встреч трагические дни в начале мая 1942 года, рассказывал: «Раненых было столько, что у меня, принимавшего их и делавшего первую обработку, к вечеру перестала разгибаться спина, руки покрылись коркой из высохшей крови, а пальцы с трудом сгибались. В ночь на 9 мая случился заморозок, выпал снег. Многие раненые, лежавшие прямо под открытым небом, к утру очоценились»...

Серафима Порфирьевна Рыжкова, в то время сестра медсанбата, многократно сопровождала раненых при отправке в эвакуационный госпиталь. «Мне поручали колонну машин, заполненных ранеными,— вспоминает она.— Почти сто километров дождливого и холодного весеннего бездорожья, ухабов, тряских настилов и гатей становились дорогой смерти для части раненых — я не успевала оказывать им помощь. В немногих деревнях, через которые про-

езжали, нас уже ждали жители, пытаюсь помочь, чем могли, — приносили еду, кормили раненых, выносили из машин скончавшихся. Помню, во время остановки в пути я увидела, что один из раненых вылез из кузова машины. Перед началом движения пошла проверить, вернулся ли он. Смотрю — молодой боец оперся на радиатор спиной, хотел, видимо, погреться, да так, стоя, и умер. Молчит и смотрит на меня остекленевшими глазами... Когда такое видишь в восемнадцать лет — это запоминается на всю жизнь!»

Еще тяжелее была обстановка в медсанротах, обслуживавших стрелковые полки.

«Наш 228-й стрелковый полк вступил в бой утром 5 мая, — рассказывает начальник аптеки санроты Галина Сергеевна Фёдко, тогда девятнадцатилетняя хрупкая девушка. — Погода сырая, неприятная, накануне шел дождь со снегом. А в медсанбате даже палатки не было. Вместо нее соорудили навес из сосновых и еловых веток, под ним — такой же настил. Мне было поручено встречать раненых и по указанию врача делать уколы морфия и противостолбнячной сыворотки. Необъяснимая нервная дрожь от предчувствия предстоящего терзала нас всех уже с утра. Часам к двенадцати начали поступать раненые. Среди первых привезли девятнадцатилетнего Васю Шепилова, командира санитарного взвода 2-го батальона, по виду совсем еще мальчишка. При взрыве мины рядом с ним был командир санроты А.В. Нинбург, но остался жив. Мы решили похоронить Васю тут же, на опушке леса. Яма, которую стали копать, сразу заполнялась водой. Вот уже прошло столько лет, а я как наяву вижу скорченное тело Васи, полузалитое болотной жижей.

Всю ночь и весь следующий день поступали раненые, их везли на повозках, а кто мог, приходил сам. За все годы войны я не могу припомнить дней, подобных этим первым дням мая 1942 года. Медики буквально валялись с ног, меня тошнило от стоявшего повсюду в воздухе запаха свежей крови, я не могла есть и не ложилась спать все эти дни... За первые три дня через медсанроту прошло 850 раненых. Это только те, кто был зарегистрирован».

Такие же жестокие потери понесли и остальные два стрелковых полка, вступившие в бой за Васильевщину двумя днями раньше. Деревня несколько раз переходила из рук в руки и все же осталась у фашистов. Артиллерийскому полку тоже пришлось

очень трудно. Не случайно командир дивизиона, в который я попал, был так рад пополнению.

Пишу и думаю — а надо ли ворошить трагическое прошлое и рассказывать о неудачном наступлении? Ведь виновные наказаны. Позднее за неподготовленность дивизии к наступлению и неумелое руководство боем ее командира генерал-майора И.П. Шевчука отдали под суд военного трибунала. А командиром дивизии стал Герой Советского Союза полковник Заиюльев Николай Николаевич.

Но каково бы ни было наказание, оно уже не вернет к жизни бессмысленно погубленных солдат и офицеров. Безответственность на войне страшна, ей нет прощения!

Не случайно бойцы и командиры Северо-Западного фронта зачитывали до дыр номера газеты «Правда» с пьесой А. Корнейчука «Фронт». Содержание этой пьесы во многом напоминало ситуацию, сложившуюся в районе «рамушевского коридора»: бойцы и командиры рот и батальонов, несмотря на жестокое сопротивление вражеских войск, выполняли свою задачу, а потом успех, добытый ценою больших человеческих жертв, сводился к нулю из-за плохой подготовки наступления и просчетов командования во время сражения.

Первый бой дивизии не был исключением.

Неорганизованность наступления, бессмысленность жертв сказались на боевом духе солдат. У более слабых появилось чувство безысходности, неизбежной гибели. «На третий день наступления, — рассказывает Газалов, — среди раненых появились «самострельщики». Их легко обнаруживали по пороховым пятнам на ране. Таких не обрабатывали и отправляли в штаб дивизии, а оттуда — в военный трибунал. Одного солдата я особенно запомнил. Сначала посчитал, что он обычный раненый — парню оторвало кисть руки. Перевязал его. Вдруг приходят из полка и спрашивают, не попадал ли к нам красноармеец с оторванной рукой. Оказывается, кто-то видел, как боец, спрятавшись за дерево, выдернул кольцо в гранате и занес руку с ней за ствол. Я хотел промолчать, было жалко парня — ведь расстреляют. Но получилось так, что боец сам себя выдал. Когда проходили мимо, он окликнул меня и помахал култей — спасибо, доктор!»

Воспользовавшись нашими неудачами, гитлеровцы забросали передовую листовками. На них был изображен красноармеец, повисший на заграждении из колючей проволоки и надпись: «Вы все погибнете в этих ужасных болотах! Перестреляйте комиссаров и командиров, которые гонят вас в бой, и сдавайтесь в плен!»

БОЛОТО СУЧАН

...К концу мая 1942 года наша дивизия наконец отбила деревню Большие Дубовицы и вышла на болото Сучан. Уверен, что каждый, кто служил в 55-й дивизии в те дни, запомнил это проклятое болото. Оно растянулось на два десятка километров и было почти непроходимым как летом, так и зимой. За болотом начинался лес, по его передней кромке проходила вражеская передовая. Наша передовая проходила по болоту. Среди болота попадались лесные островки и перешейки, но их было совсем немного. Мне запомнились их условные названия: Роцца-Круглая, Огурец, Лапоть и другие. Одни находились на нашей территории, другие были у врага, иные же делились пополам. Между островками и к передовой прокладывались настилы из жердей, веток, а то и целых бревен. Болото было заминировано как с нашей, так и с немецкой стороны.

Все лето и осень 1942 года три стрелковых и артиллерийский полки дивизии вели на Сучане ожесточенные наступательно-оборонительные бои. Нашей дивизии противостояла отборная фашистская дивизия «Мертвая голова». Навстречу нам рвались части 1-й ударной армии Северо-Западного фронта — мы уже слышали впереди далекую канонаду.

«ПОЗДРАВИЛ» НАГРАЖДАЕМЫХ!

Вскоре после присвоения мне прямо на фронте звания младшего лейтенанта я чуть было не натворил беды, и только по счастливой случайности все обошлось благополучно. Наш НП дивизиона вместе со штабом стрелкового полка находился на Огурце — небольшом продолговатом лесном островке. Впереди, примерно метрах в шестистах была Роцца-Круглая — такой же островок, но занятый противником. С утра к штабу полка стали подходить красноармейцы для получения наград. Потом из штабного блиндажа вышел командир полка, построил их и стал вручать ордена и

медали. В шеренге стояло человек пятнадцать. Еще вчера командир дивизиона сказал мне, что надо провести пристрелку по центру передней части Роши-Круглой. НП располагался на высокой ели, растущей возле штабного блиндажа. Я залез туда и, предварительно подсчитав угломер и прицел по заданному реперу, передал связисту команду: «Первому орудью, осколочным, заряд полный, прицел... угломер... один снаряд, огонь!» Снаряд свистнул совсем близко от меня и разорвался метрах в двухстах впереди шеренги награждаемых...

— Кто стреляет?! — раздался окрик командира полка, встревоженного разрывом явно «своего» снаряда. Я промолчал. Быстро опустившись вниз, позвонил на батарею и спросил, какой заряд был использован. Мне ответили, что «неполный». У нас в то время были «полные» и «неполные» заряды, последние летели на полкилометра ближе. Я дал команду использовать полный заряд, а заряжающий ошибся. На свое счастье, в этот раз я вел стрельбу не шрапнелью, а осколочным снарядом. И хоть все обошлось и награжденные благополучно разошлись, взволнованный случившимся, я не стал продолжать пристрелку.

Болото Сучан стало союзником противника, затрудняя бойцам подступы к вражеской передовой. Она начиналась установленными на болоте минными и проволочными заграждениями, а затем переходила в мощную оборонительную систему из дзотов и траншей в глубине леса. Свои огневые точки гитлеровцы маскировали землей, мхом и ветвями деревьев. Разглядеть их в лесной чаще было почти невозможно. Так же невозможно было подобраться к вражескому дзоту даже ночью: на проволочные заграждения гитлеровские солдаты вешали консервные банки, гремевшие при каждой попытке отогнуть или перерезать проволоку. На любой подозрительный звук враги отзывались пулеметными и автоматными очередями, освещая при этом местность ракетами.

В сводках Совинформбюро, публикуемых летом 1942 года в газетах, Северо-Западный фронт по-прежнему почти не упоминался или указывалось: шли бои местного значения. А между тем бои были очень жестокими, с тяжелыми потерями с обеих сторон. Однако с точки зрения высшего командования наш фронт играл вспомогательную роль. В то время фашистские полчища рвались

к Сталинграду, продолжали блокировать Ленинград, захватили значительную часть Северного Кавказа. Перед нашей дивизией и другими войсками Северо-Западного фронта была поставлена задача перемалывать живую силу противника, не давая гитлеровскому командованию перебрасывать войска с северо-запада к Ленинграду, Москве и на юг.

«...ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ...»

В конце июля, когда немцы устремились к Сталинграду, к нам в штабной блиндаж пришел Абайханов¹⁶ и зачитал навсегда оставшийся в памяти фронтовиков приказ Верховного Главнокомандующего номер 227. И сразу трудности нашей «сучанской» жизни, мои заботы о родных, сообщение о замужестве Тани¹⁷ — все отошло назад перед этими откровенными, тревожными и жестокими словами сталинского приказа: «...Пора кончать отступление... Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... Отступить дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования!

...Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...»¹⁸.

Приказ этот запомнился мне как поворотный пункт в войне: наступление немцев под Сталинградом было остановлено! День

¹⁶ Парторг полка.

¹⁷ Моя одноклассница по школе.

¹⁸ Воен.-ист. журн. 1988. № 8. С. 73—75.

за днем мы продолжали напряженно следить за сводками. Сталинград не сдавался! Накал боев стал предельным, мужество защитников города — небывалым. Это был героический пример выполнения необычного приказа, и он сыграл великую роль!

Несколько раз наша дивизия совместно с приданными и поддерживающими ее частями, а также во взаимодействии с другими дивизиями фронта, пытались перерезать «рамушевский коридор», но безуспешно. Полки дивизии несли серьезные потери, особенно в дни больших наступательных операций. Одна из них проводилась уже в преддверии зимы, когда болото и лес покрылись снегом. Мне запомнился настил, ведущий к передовой, по которому везли раненых. Некоторые из них брели сами. Покрытый с утра снегом, к концу дня настил стал похож на окровавленное полотно почти... километровой длины.

Кроме Огурца, Лаптя, Роши-Круглой и других гиблых мест на Сучанском болоте был еще Остров смерти. Этот небольшой клочок земли находился на немецкой стороне болота и был захвачен группой красноармейцев во главе с младшим командиром Порваткиным в первые дни наступления. Группа Порваткина сумела построить там такую круговую оборону, что немцы не могли ее одолеть. Но условия на этом островке были тяжелейшие. Настил, тянувшийся туда по болоту, с обеих сторон был хорошо виден немецким автоматчикам. Подход к Острову смерти был возможен только ночью. Но и тогда немцы обстреливали его из минометов, используя данные дневной пристрелки.

В Центральном архиве Министерства обороны сохранилось боевое донесение, свидетельствующее о силе вражеского обстрела на Сучане: «В течение дня 10 октября район обороны 1-го батальона 107 СП подвергся сильному артиллерийскому обстрелу, в результате чего весь личный состав батальона вышел из строя, остался один комбат со связным...»¹⁹.

Очевидец этих трагических событий связист 2-го дивизиона нашего полка Петр Иванович Желтов рассказал на встрече в 1990 году некоторые подробности того страшного дня. Утром, когда батальон после залпа «катюши» пошел в наступление, враги открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь. На

¹⁹ Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 55 СД. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 (Далее: ЦАМО СССР).

ступавший по болоту батальон залег, но это не спасло людей, лишенных каких-либо укрытий. Не было никакой возможности вынести убитых, оказать помощь раненым, и они погибали от потери крови или очередного близко разорвавшегося снаряда. К тому же один из залпов «катюши» стал роковым для смельчаков, успевших в начале атаки почти вплотную подобраться к траншеям противника. Через два часа от батальона осталось двенадцать человек. Обстрел продолжался, и к концу дня уцелели только комбат, его связной и Желтов. В это время к ним пытались прорваться восемь автоматчиков, присланных из полка. Добрались только трое. Уцелевшим комбату и бойцам пришлось лежать наполовину в воде. До врагов было не больше двухсот метров. Стоило поднять голову или немного приподняться, как раздавалась автоматная очередь или летели мины. Лишь через трое суток к ним пробрался посыльный с приказом отойти. Тяжелее этих дней, вспоминал Желтов, ни раньше, ни потом у него не было — ведь даже «малую нужду» приходилось справлять тут же. В случае «большой» — вместо унитаза использовали саперную лопатку, — чтобы отбросить его содержимое от себя...

Врагам доставалось не меньше. Об этом говорят строки из письма немецкого солдата, написанного в те дни:

«Милая Герта! Если бы ты увидела, где мы воюем с Карлом, ты сошла бы с ума! Карлу оторвало руку, и ему, счастливчику, повезло... Нам из России живыми не выбраться»²⁰. Письмо оказалось пророческим — солдат даже не успел его отправить.

Пленный обер-ефрейтор 12-й роты 28-го пехотного полка 8-й легкой пехотной немецкой дивизии свидетельствовал:

«Она (русская артиллерия) нас просто засыпает снарядами... Мы не находим спасения. В наших ротах осталось по несколько человек...»²¹.

А вот что говорилось в боевом донесении штаба 55-й дивизии от 29 ноября 1942 года: «28-й пехотный полк 8-й легкой пехотной дивизии перед фронтом наступления 55-й СД оказывал упорное сопротивление. Огнем станковых пулеметов из района дзотов продолжал оборонять прежний рубеж обороны, опираясь на сильные опорные пункты и развитую систему инженерных за-

²⁰ ЦАМО СССР. Ф. 84. АП. Оп. 9291. С. Д. 29. Л. 249.

²¹ Там же. Ф. 55. СД. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

граждений. В течение 28 ноября 1942 г. понес потери только убитыми свыше 300 солдат и офицеров»²².

Если учесть раненых (а их в действительности всегда было в 3—5 раз больше), то от немецкого полка: после этого боя мало что осталось!

Для наблюдения за болотом и засечки целей гитлеровцы использовали двухфюзеляжные самолеты-разведчики, прозванные нами «рамами». Эти самолеты часто висели над нашим расположением, корректируя огонь своих батарей. Мы пытались сбивать их из винтовок, но безуспешно, поскольку «рама» имела хорошую броневую защиту.

Особенности лесисто-болотистой местности осложняли действия не только артиллеристов.

В августе, перед одним из наступлений, дивизию усилили танковой группой. Я был случайным свидетелем того, как наш новый командир дивизии Герой Советского Союза полковник Заиюльев, — тогда я его увидел впервые, — наставляя танкистов, пообещал:

— Поможете ротам продвинуться на полкилометра — каждого представлю к Золотой Звезде!

К сожалению, из трех танков не вернулся ни один — гитлеровцы подожгли их бутылками с горючей смесью на линии своих первых дзотов.

В дни больших наступлений нас поддерживала авиация. Чаще всего это были «Илы» — самолеты-штурмовики, получившие у фашистов название «черная смерть». Но лес и самолетам мешал развернуться на полную мощь.

Большие неприятности приносили врагам «кукурузники» — легкие двукрылые самолеты. Как только наступала ночь, со всех сторон раздавалось их мерное тарахтение, а затем на вражеском переднем крае и за ним ухали мощные разрывы бомб. И снова лес становился помехой: случалось, правда редко, когда «кукурузник», не рассчитав, сбрасывал бомбу на нашу передовую.

Летом 1942 года, действуя в лесах и болотах северо-западного фронта, воины 55-й дивизии нанесли ряд сокрушительных ударов хваленной эсэсовской дивизии «Мертвая голова» и легиону «Дания». В ожесточенных боях с волжанами немцы потеряли несколь-

²² Там же. Л. 146

ко десятков артиллерийских и минометных батарей, пулеметов, несколько танков и автомашин. По неполным данным, около трех тысяч солдат и офицеров врага нашли себе могилу на древнерусских новгородских землях. В эти боевые дела внесли свой вклад и воины 111-го полка.

Прорвав оборону гитлеровцев, подразделение капитана Пашенко ворвалось в расположение противника, в рукопашной схватке уничтожило более роты фашистов.

В этих же боях минометчики батареи Самохвалова уничтожили до роты немцев, несколько автомашин и пулеметных точек. Минбатарея офицера Забралова метким огнем разбила несколько дзотов с пулеметами, автомашину с боеприпасами и шесть подвод с грузом. В неравном поединке поджег вражеское самоходное орудие бесстрашный солдат Стрелков. Каждый день рождал десятки таких примеров героизма. Особенно четко разили врага наши артиллеристы.

О том, как отважно воевали в те дни наши земляки,²³ признавались сами немцы. В найденном у убитого солдата Ганса Вольфа письме говорилось:

«Россия. 13.8.42. Дорогие родители и Паула! Привет из России шлет вам Ганс. Мы все время находимся на позиции. Каждый день ожидаем смены. Нас сейчас осталось от «старой» роты всего 20 человек. Вчера был снова «черный» день для нашего отделения. Нас всего было семь человек. 10 августа утром один солдат на посту был замечен снайпером. Тотчас же он был убит. В тот же день вечером второй был сражен очередью из автомата. Вчера рано утром погиб от осколка снаряда еще один, и вчера же в полдень погиб мой друг Венн (из Ингвер на Сааре). Когда второй номер пулеметного расчета хотел перебежать, его ранили в спину. Венн пытался втащить раненого в траншею, при этом сам был убит. Кто следующий? Конечно, Вольф должен расхлебывать всю эту кашу. Много приветов от вашего Ганса.»

Так изо дня в день крепло боевое мастерство воинов 111-го полка. Свыше 120 из них приказом командира дивизии Героя Советского Союза полковника Н.Н. Заиюльева были награждены

²³ При первом формировании дивизии ее состав набирался из жителей Приволжского военного округа. (авт.) Приведенные воспоминания взяты от одного из них. В настоящее время хранятся на сайте музея в г.Барыш.

значками «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный связист», а около 70-ти уже носили ордена и медали.

Была еще одна причина, из-за которой лето и зима 1942 года были очень трудными для войск, не только на нашем, но и на всех других фронтах. О ней, этой причине, очень хорошо сказал А.В. Горбатов в своей книге «Годы и войны» (тогда он командовал дивизией): «В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операций, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза больше, чем мы. Другое дело, когда тебе издалека все распишут... с указанием часа атаки, определяют силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза большие, чем противник.

Особо непонятными для меня были настойчивые приказы — несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью...»²⁴.

В течение почти трехсот дней нашего пребывания на Северо-Западном фронте роты и батальоны дивизии не раз бросались высшим командованием в наступление именно так, как пишет А.В. Горбатов. Примером может служить «боевое крещение» вновь сформированной 55-й стрелковой дивизии. Причиной безответственности командира дивизии генерал-майора И.П. Шевчука, приведшая к преступной гибели целой дивизии, видна из его биографии, приведенной ниже — попытка управлять войсками, используя устаревший опыт Гражданской войны.

БОИ ПОД ДЕРЕВНЕЙ ГОРБЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО: НЕМЕЦКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ СРАВНЯЛА ЕЕ С ЗЕМЛЕЙ

Позднее, где бы дивизия не воевала, если надо было подчеркнуть убийственную тяжесть артиллерийского обстрела или особую жестокость боя, мы обычно говорили: «Совсем как под Горбами». Так называлась деревня в конце «рамушевского кори-

²⁴ Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989. С. 191—192.

дора». Эта деревня была на карте, но уже не существовала: постоянные артиллерийские обстрелы и пожары сравняли ее с землей.

В донесении от 25 января 1943 года командующий артиллерией 55-й СД полковник И.С. Зарецкий указывал: «Перед фронтом дивизии действовало до 20 немецких батарей калибром 75, 105, 155 и 210-мм. Кроме того, действовали примерно столько же минбатарей. Если посчитать сколько орудий и минометов, в них то, окажется не мало — более 100 орудий и не менее минометов.

Это был тот период, когда советские войска, воодушевленные победой под Сталинградом, вели успешное наступление на многих участках фронта. Мы прибыли под Горбы в суровые январские морозы и были брошены в брешь, пробитую в немецкой обороне. Враг отчаянно сопротивлялся. Чтобы обескровить готовившиеся к наступлению советские войска, фашисты использовали свою многочисленную артиллерию, находившуюся в полукольце окружения. Ее налеты были массированными и точными: гитлеровцы организовали звукозасечку наших батарей, использовали для корректировки огня аэростаты. Стоило нашему орудью сделать три-четыре выстрела, как на наши огневые позиции тотчас обрушивался шквал артиллерийского огня нескольких вражеских батарей. Людей, лошадей и пушки спасали мощные укрытия из бревен и земли, которые мы строили, не жалея сил. И все-таки каждый день мы теряли кого-нибудь из связистов, разведчиков, огневиков, командиров взводов и батарей.

Проводная связь во время боев под Горбами почти не работала. После жестоких артиллерийских налетов оставались лишь отдельные куски провода, соединить которые было невозможно. Каждые сутки прокладывались новые линии, но и они работали всего по 10—15 минут: осколки мин и снарядов снова секли их на мелкие куски. Помню, в один из дней, когда шел тяжелый бой и надо было обеспечить связь во что бы то ни стало хотя бы на несколько часов, комиссар полка майор Анатолий Францевич Циш приказал всему политсоставу полка вместе со связистами выйти на линии связи и восстанавливать провод.

На начальника связи дивизиона Беляева было страшно смотреть. Он исхудал и почернел; от мороза и бессонных ночей глаза у него постоянно слезились, белки глаз воспалились, покраснели. Иногда героическими усилиями всего взвода телефонную связь

удавалось восстановить, но ненадолго... Вблизи переднего края телефонные линии артиллеристов и стрелковых подразделений часто шли рядом. При одновременном повреждении нескольких линий связисты не сразу находили нужные концы, ошибались. На одни ошибки накладывались другие, и тогда по одной линии можно было сразу услышать многих, не столько говоривших, сколько мешавших друг другу. Такая связь становилась бесполезной.

СЛУЧАЙ МАЛОВЕРОЯТЕН, НО ЩЕДР

Во время боев я в большинстве случаев находился в штабе дивизиона, помогая начальнику штаба капитану Тирикову в обеспечении стрельбы батарей и подготовке боевых донесений. Капитану было уже за сорок. Ко мне он относился как отец к сыну. И я стремился во всем ему помогать.

В один из первых дней боев под Горбами капитан приказал мне пойти на НП дивизиона и уточнить его местоположение. До НП было километра 3—4. Я пошел, как всегда, один. Пройдя километр, стал пересекать большое поле, где ночью был произведен мощный огневой налет. Вражеские снаряды буквально перепахали его вдоль и поперек, кругом чернели глубокие воронки. Земля, копать, снег, сбитые и посеченные мелкие деревья и ветки кустарника — все смешалось. В воздухе еще стоял запах пороха. Один из тяжелых снарядов попал прямо в то место, где вчера был наш штабной блиндаж. Взрывом разбросало бревна наката по сторонам, часть их валялась в образовавшейся воронке.

Поневоле съезжившись, я быстро перебежал обстрелянный участок, затем перешел через замерзший ручей и стал подниматься по заросшему редкими кустами лугу. Там, где начинался лес, увидел блиндаж. Он оказался пустым. Посидев немного на его крыше, я определил по карте свое местонахождение и пошел дальше.

Сказывалась близость передовой. Впереди время от времени трещали автоматы — и наши, и немецкие. Но пули еще не долетали до меня. Поле пересекли глубокие колеи от танковых гусениц, и, посмотрев, куда они ведут, я заметил сбоку, в кустах, два Т-34. Почему-то перевел взгляд с танков на небо и вдруг ясно увидел две черные точки, летящие прямо на меня. Мгновенно шлепнулся в снег, и тотчас оглушили два близких разрыва. Ни раньше, ни позже мне не приходилось видеть, как летят мины. А сейчас, если

бы я их случайно не заметил, то, конечно, не успел бы упасть в снег до их разрыва...

Полуоглушенный, я вскочил и бросился в лес. Снеговой покров между деревьями, посеревший от копоти и выброшенной взрывами земли, пестрел многочисленными воронками. Многие деревья были повреждены артиллерийским и минометным обстрелом. Я перебежками пробирался дальше, прячась за уцелевшими деревьями. Рядом то и дело громко щелкали разрывные пули немецких автоматов. При ранении такой пулей образуется рваная, трудно заживающая рана.

Сейчас стрельба шла в лесу, и при каждом, самом легком соприкосновении с веткой или стволом дерева, пули разрывались, издавая громкий, щелкающий звук.

Наконец малозаметная тропа, на которую я случайно наткнулся, привела меня к блиндажу. Спрыгнув в узкий проход, я нагнулся, чтобы побыстрее забраться в убежище. Но не тут-то было. В блиндаже люди буквально лежали друг на друге. Кое-как втиснувшись поверх всех, я пробрался к Мартынову. Дневной свет слабо проникал сюда. Лицо Мартынова казалось серым, выросшая за несколько дней щетина на щеках и подбородке изменила его черты.

— Зачем тебя сюда принесло? — спросил он.

Я протянул ему карту и попросил нарисовать передний край, спросил, где НП. Оказалось, что НП дивизиона и батарей находится метрах в 200—300 впереди, в воронке от тяжелого снаряда. Мартынов сидел в ней вместе с разведчиком Алалыкиным весь вчерашний день, порядком перемерз, но зато хорошо изучил передний край немцев. Идти сейчас на НП бессмысленно, убьют. Стрельбу комбаты ведут отсюда, ориентируясь по звукам разрывов.

Я отметил на карте примерное местонахождение НП и блиндажа, а Мартынов нанес на нее линию переднего края. Почувствовав, что тела подо мною начали шевелиться, сполз в проход. Надо было вылезать обратно.

— Подожди немного, — остановил меня Мартынов.

И почти сразу же после его слов многочисленные разрывы затрясли блиндаж. Обстрел кончился так же внезапно, как и начался.

— Теперь иди, — сказал Николай. — Они, гады фашистские, по расписанию сегодня работают!

Я попрощался, вылез из блиндажа и, подстегиваемый автоматными очередями, побежал обратно. От только что избитой минами земли пахло сгоревшим толом. Где-то справа ухали разрывы тяжелых снарядов. Сильно запыхавшись, перешел на быстрый шаг. Хотелось скорее выйти из опасного места. У блиндажа, где мне удалось передохнуть по пути на НП, увидел лежавшего навзничь мертвого красноармейца. Принес ли его кто сюда или тут его убило — понять было трудно.

Когда я вернулся, в штабной землянке Тирикова не было, его вызвали на командный пункт полка. В мое отсутствие одна из наших батарей, находившаяся почти рядом со штабом дивизиона, открыла стрельбу. Гитлеровцы сразу же засекли ее: едва забрался в землянку, как кругом стали рваться снаряды. Было разбито орудие. Один из снарядов упал у входа в землянку. К счастью, он не разорвался... Еще раз в этот день мне крупно повезло...

Я понимал, что батарею нельзя оставлять на старом месте. Как только она снова откроет огонь, ее могут уничтожить. Не исключено, что налет повторится сегодняшней ночью: тогда на месте батареи останется месиво из земли и железа, и тогда никакие укрытия не спасут орудия. «Надо готовить запасную огневую позицию», — решил я и распорядился от имени Тирикова. За ночь ОП была оборудована: сделаны укрытия для орудий и снарядов, блиндажи для орудийных расчетов. Я подготовил данные для стрельбы, выбрав целью вражескую передовую впереди НП, на котором только что побывал и в правильности координат которого не сомневался. Вернувшийся Тириков одобрил мое решение.

Перед рассветом связь с НП восстановилась. Командир батареи, узнав о случившемся, приказал перетащить орудия на новые огневые. За какой-нибудь час батарея снова была готова к стрельбе...

ПЕРВЫЙ РАЗ МЕНЯ РОДИЛА МАТЬ, А КАК ГРАЖДАНИН Я РОДИЛСЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ²⁵

Через несколько дней поступил приказ сменить места наблюдательных пунктов и максимально приблизить их к немецкому переднему краю, чтобы, по возможности, вести прицельный огонь. Стало

²⁵ Из выступления сержанта-радиста Александра Ипполитова на одной из послевоенных встреч фронтовиков.

еще труднее: стояли трескучие морозы, а на глазах у немцев невозможно было ни построить блиндаж, ни вырыть землянку, разве что просто яму в снегу. Пищу доставляли на передний край остывшей, а иногда и замерзшей. Чтобы дотащить термос до НП, надо было проявить немало мужества. Помню случай, когда один из бойцов струсил и вернулся на кухню с полным термосом, так и не накормив наших разведчиков, радистов и Мартынова. Командир дивизиона Новиков, бывший в этот день на огневых, вытащил пистолет и приказал бойцу немедленно идти обратно, пообещав расстрелять, если тот не отнесет пищу своим же товарищам. Фамилию бойца не называю. Позднее он был награжден медалью «За отвагу».

Мы никогда не теряли убитыми и ранеными столько людей, как в эти дни. На передовой наступил критический момент. Не было возможности укрыться от обстрела, согреться от лютого мороза; даже чистого снега для утоления жажды не могли найти. Гасла надежда уцелеть, теряла смысл сама жизнь. Она становилась тягостной, с ней легко было расстаться, не дожидаясь осколка или пули, стоило расслабиться, опустить руки, сказать себе: все равно убьет... Но мысль, что такая гибель равносильна предательству, что все — эти муки придется принимать кому-то другому, если струсить, сподличать, не выдержать до конца, заставляла людей все перенести, выстоять.

У родителей сохранилось мое письмо тех дней:

«...Вы, наверно, судя по газетам, думаете, что здесь боев нет, — о нашем фронте сводки ничего не говорят. Но война здесь идет жестокая. Убитых немцев по высотам и лесам валяется порядком. Таких боев я еще не видывал! Черт бы побрал этого Гитлера — свалился он нам на голову! Но мы его, конечно, вразумим! Только сегодня одни мы выпустили полторы тысячи снарядов! А бывают деньки и погорячее!»

Обычно я старался не волновать отца и мать своими письмами, но тут не выдержал. Да и обидно было: сводки Информбюро наш фронт упорно замалчивали...

Именно тогда, под Горбами, я еще ближе сдружился с сержантом-радистом Сашей Ипполитовым и хочу сказать о нем несколько слов. Узнав о нападении фашистов, семнадцатилетний Саша сразу же подал заявление в военкомат о досрочном призыве в армию. Вначале попал в 1-й Московский отряд особого назна-

чения радистом. Во время последнего немецкого наступления на Москву отряд занял оборону западнее Клина. Саша стал невольным свидетелем того, как в течение двух-трех дней через позиции отряда с запада на восток, в Клин, отходили группами и в одиночку, конные и пешие, измученные и голодные красноармейцы и командиры, потерявшие связь со своими частями. Среди них было много раненых. Утром 1 декабря в бою при прорыве в сторону Яхромы Ипполитов был ранен. Рана была не тяжелая, но идти он не мог. До отказа набитая ранеными санитарная машина застряла на лесной дороге из-за перегрузки. Когда пули немецких автоматов засвистели над машиной, она быстро опустела. Водитель все же сумел вырвать ее из грязи, доставив Ипполитова и одного тяжелораненого в Яхрому.

В течение одиннадцати дней, проведенных на переднем крае, ему довелось испытать страх и голод, угрозу смерти и плена, пережить горечь отступления и другие неурядицы того периода войны. Ипполитову казалось, что он уже посвящен в солдаты-фронтовики. И только потом, когда после почти пятимесячного лечения в госпиталях и пребывания в запасных полках, когда Саша второй раз попал на фронт, теперь уже Северо-Западный, он понял, что глубоко ошибался. Настоящим солдатом и фронтовиком он стал только здесь, на болоте Сучан и под Горбами!

Рассказ о Саше хочется закончить его же словами, которые он сказал на одной из наших ветеранских встреч:

— Я считаю, что родился дважды: первый раз меня родила мать; а второй раз, уже как гражданин, я родился в боях на Северо-Западном фронте.

Очень верные слова!

Никогда позже от наших бойцов не требовалось такого напряжения, такого количества духовных и физических сил, сколько их было отдано за две недели боев под Горбами!

«СКОЛЬКО ТЫ УБИЛ ФРИЦЕВ?»

Ненависть к противнику теперь постоянно прорывалась в наших разговорах. «Вот придем в Германию, я там никого не пожалею, ни старуху, ни ребенка!», — горячился девятнадцатилетний сержант Евгений Комаров, командир отделения разведки нашего дивизиона, сменивший погибшего сержанта Зайца. В 1941 году

у него погибла вся семья: отец и старший брат — на фронте, а мать — в тылу под фашистскими бомбами. Женя воевал смело и отважно. Немецкий снаряд, разорвавшись рядом с наблюдательным пунктом, искромсал его тело до неузнаваемости. Не стало еще одного моего товарища. И похоронку послать некому...

Большинство знакомых мне солдат и офицеров были настроены по отношению к немцам примерно так же, как сержант Комаров. Да и в тылу, узнавая о зверствах оккупантов, люди не могли простить этого врагу. Отец писал мне в те дни: «Танюшка спрашивает, сколько ты убил фрицев?» Моей любопытной племяннице шел... шестой год!

Тогда слова «немцы, фрицы, фашисты» одинаково обозначали ненавистных нам оккупантов.

Это было до появления известной редакционной статьи в газете «Правда», разъяснившей разницу между фашистами и немецким народом. В статье говорилось, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается и не может стать объектом мести. Наш ум понимал эти истины, но сердце болело по погибшим и не сразу подчинялось разуму.

БЛИЗОК ЧАС РАСПЛАТЫ

Под Новый год наша дивизия заняла оборону. Артиллеристы разжились блиндажиком. Привезли лошадьми бревна издалека, за много километров. Потом ночью на руках подтаскивали к месту, где намечался штаб дивизиона. Блиндажик был низенький, но уютный. Появилась у нас и маленькая елочка без всяких украшений, но зато зеленая и пушистая.

Ночь под первое января 1943 года была тихая и звездная, с крепким морозом. Вражеская передовая замолчала. Гитлеровцы, наверное, попрятались в свои блиндажи, оставив часовых, напавших на ноги громадные соломенные лапти — мы их часто находили во вражеских окопах.

А у нас — отличное новогоднее настроение! И не только из-за полученных наград. Хотя наш фронт не имел успехов, но уже чувствовалось, что после разгрома немецких войск под Сталинградом не за горами время, когда и мы начнем окружать и бить фашистов!

В двенадцать часов ночи на нашей передовой застрочили автоматы, полетели в небо ракеты. Вся передовая, не сговариваясь,

как бы заявляла фашистским воякам: «Ну, держитесь, близок час расплаты с вами! Будет вам еще не один Сталинград! Начавшийся самопроизвольный новогодний фейерверк завершили «катюши». «Заиграв» где-то совсем близко, они выпустили в черное ночное небо оранжево-огненные стрелы, расчертившие его яркими полосами. Ракеты пронеслись над нами. На вражеском переднем крае загрохотали взрывы. Немецкая передовая молчала.

ТЫ ВЕДЬ И ДЕВУШКУ НИ РАЗУ НЕ ПОЦЕЛОВАЛ!

Как-то, в дни тяжелых боев под Горбами, когда я был в блиндаже один, пришли с НП командир дивизиона Новиков и начальник разведки Мартынов. Новиков стал рассказывать что-то смешное о Мартынове. Я молчал. Только вчера мы потеряли одного из командиров батарей. Нового офицера еще не прислали. «Почему Новиков не назначает меня командиром батареи? — думал я с обидой. — Ведь справился бы, а значит, смог бы делать больше, чем делаю. И так было бы честнее перед самим собой! Может, Новиков считает, что я не настоящий офицер, раз получил звание на фронте без военной школы, да еще всего четыре месяца назад? Или кто-то рассказал ему о моих раздумьях, когда он назначил меня командиром взвода? Но это уже в прошлом!» Бои под Горбами сделали из меня совсем другого человека: теперь, не раздумывая, согласился бы принять батарею.

Командир дивизиона, словно разгадав мои мысли, стал внезапно серьезным:

— Слушай, Малиновский! Я ведь понимаю, почему ты молчишь. Хочешь, чтобы я тебя назначил командиром батареи? Знаю, ты с этим справишься. И завтра же принесут тебя сюда убитого или еще через день притащат собачьей волокушей умирающего в медсанбат. А скажи, что ты видел в жизни? Ты ведь и девушку ни разу не поцеловал!

Мартынов поддержал его. Лишь через год, уже на другом фронте, когда у нас выбыл один из комбатов, Новиков назначил меня на его место, да и то временно.

Почему он так поступил? — задаю я себе вопрос. Старший по возрасту и лучше познавший цену жизни, переживший уже не одну безвременную смерть, он, думаю, искренне хотел, насколько было в его силах, помочь молодому старательному сержанту до-

жить до обычного человеческого счастья, казавшегося таким несбыточным и прекрасным в те суровые и страшные дни.

Трудно предугадать повороты судьбы! И все-таки считаю: если бы не командир дивизиона Александр Данилович Новиков, — не уцелеть бы мне в те убийственные дни жестоких обстрелов и лютых морозов... Когда мне говорят, что командиры не жалели людей, я вспоминаю своего командира дивизиона: - Нет, далеко не все были такими.

ТРАГЕДИЯ ПОД ЛЕВОШКИНО

Наступление зимой на хорошо укрепленные позиции противника — есть ли что-нибудь труднее?

55-я СД была введена в прорыв под Горбами для наступления на деревню Лешокино, чтобы наконец закрыть «рамушевский коридор».

Все лето сорок второго гитлеровцы строили мощные защитные сооружения на своей стороне коридора — минные поля, проволочные заграждения, многочисленные ДЗОТы с ходами сообщений и рядами траншей в полный рост. А теперь яростный мороз, сковавший землю, помогал врагам: наши бойцы не могли вырыть временное укрытие и надежно спрятаться от огня. Оружие становилось ненадежным помощником. Держать его голыми руками, всегда готовым к действию, в таких условиях могли только сильные люди.

И все-таки наша дивизия, накопившая опыт в предыдущих боях, сумела сделать невозможное! 7 января 1943 года 111-й и 228-й стрелковые полки в жестоком бою при поддержке танковых подразделений прорвали оборону противника и овладели деревней! 8 января в прорыв был введен 107-й СП под командованием гвардии майора Ефима Кондратьевича Вербина, чтобы закрепить успех. Но случилось непоправимое: наступление других частей захлебнулось, фланги дивизии остались открытыми. В то же время командование 11-й армии и фронта не спешило принять нужные меры...

Немецкое же командование, понимая, что успех наших войск грозит окружением его 16-й армии, действовало очень оперативно. В тот же день к Лешокино противник подбросил свежие силы со значительным количеством танков и самоходок. Наступая со стороны ничем не защищенных флангов, они уже к вечеру восста-

новили старую линию обороны. Вырвавшиеся к Ловошкино батальоны 107-го СП, ряд подразделений 228-го полка и группа артиллеристов нашего полка оказались отрезанными от основных сил.

Штаб 107-го СП и его командир гвардии майор Вербин для лучшего управления боем переместились к переднему краю и теперь оказались лицом к лицу с вражескими автоматчиками, преградившими им путь к батальонам. Телефонная связь с батальонами была сразу прервана, а радиостанций там не было. 9 и 10 января для связи с окруженными, для доставки им боеприпасов и вывоза раненых использовались танки.

В сложившемся положении были возможны два решения: либо попытаться вывести обратно попавших в окружение, либо оказать дивизии необходимую помощь, чтобы закрепить достигнутый успех. К сожалению, командование 11-й армии, как и прежде, ограничилось полумерами. Дивизия получила приказ — захваченный рубеж во что бы то ни стало удержать, оставшимися силами пробиться под Ловошкино и продолжать наступление²⁶. Была обещана помощь, но только на словах...

Не перевелись и на втором году войны генералы Горловы из пьесы «Фронт», которые еще думали и действовали по канонам гражданской войны и знали только одно слово для приказа: вперед!

А теперь я хочу предоставить слово бывшему начальнику штаба 107-го СП Локтионову, который лучше меня знал происходившие трагические события, поскольку был их непосредственным участником.

«Вечером 10 января был получен приказ комдива о переносе КП 107-го полка в район Ловошкино. Командир полка гвардии майор Вербин решил для прорыва использовать танки. Но танки уже не могли прорваться через линию фронта, так как дорога находилась под сильным артиллерийским огнем противника. Положение на КП было очень тяжелым. Находился он в небольшом блиндаже с траншеями впереди и по бокам. Немецкие пулеметчики и снайперы простреливали всю территорию КП. Артиллерийский огонь противника все больше и больше уничтожал лес, который редел прямо на глазах.

Наступило утро 11 января. Гвардии майор Вербин поставил задачу штабу полка и штабным подразделениям прорваться к под-

²⁶ *Ивушкин Н.Б.* Место твое впереди. М., 1986. С. 120. 101

разделением полка. Противник встретил нашу группу сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Летела в воздух земля, падали подкошенные взрывом деревья, воздух наполнился запахом горелого пороха. Были убитые, были раненые. Продвижение приостановилось. Мы залегли под огнем противника. Не удалось использовать и момент, когда в районе намеченного прорыва через передний край проходили два наших танка из-под Лешошкино. Немцы перенесли на них огонь орудий прямой наводки. Снаряды рвались на броне и сбивали находившихся на танках раненых.

В это время к участку, где начал прорыв штаб 107-го СП, подоспел учебный батальон дивизии под командованием майора Шилова. Штаб полка еще раз сделал попытку прорваться с этим батальоном. Но снова артиллерия противника и его пулеметы не дали возможности совершить прорыв. Майор Шолов был тяжело ранен. Мне особенно запомнился во время этого боя один из курсантов учебного батальона. Он лежал недалеко от танковой дороги, под деревом, широко разбросав в стороны руки. Левая рука у локтя была оторвана, и кровь окрасила снег в багряный цвет. Широко открытые глаза удивленно смотрели вверх, но были неподвижны. Он был мертв.

Снова пришлось отходить, помогать раненым. Попытка прорыва не удалась.

12 января из штаба дивизии были присланы две радиостанции для переброски в подразделения 107-го СП и установления связи с батальонами. Но попытки перебросить их в ночное и утреннее время успеха не имели.

В ночь на 13 января через передний край противника из окружения вышел офицер с двумя солдатами и доложил командиру полка, что немцы часто атакуют окруженные подразделения, боеприпасов и продовольствия не хватает. Об этом было доложено полковнику Зайюльеву. В эту же ночь в распоряжение гвардии майора Вербина был направлен вновь сформированный батальон под командой старшего лейтенанта Николаева. Батальон имел только стрелковое оружие, запас боеприпасов и необходимое продовольствие. В батальоне было около двухсот человек.

13 января в предрассветной тишине батальон Николаева цепочкой двинулся по тропке, которую указывал вырвавшийся из окружения офицер. К счастью, немцы не освещали свой перед-

ний край. Пропустив две роты батальона, я вернулся за штабом полка и гвардии майором Вербиным. Они шли за мной по узкому следу, проложенному батальоном. Замыкала движение третья рота. Так мы миновали передний край противника. В лесу было по-прежнему тихо. Немцы нас не обнаружили.

Наступал рассвет. Бойцы двигались бесшумно, рассредоточенные, в полной готовности к бою. Перешли небольшую поляну. Внезапно из-за кустов послышался шорох, и впереди показались какие-то черные фигуры. Резко прозвучал окрик: «Хальт!». Немцы открыли пулеметный огонь. Рота и штабные подразделения залегли и открыли ответный огонь. Завязался бой. Через полчаса, когда уже совсем рассвело, немцы прекратили огонь и отошли. Была выслана разведка в сторону Лешовкино по танковой дороге. Разведчики доложили, что противника нет. Гвардии майор Вербин принял решение немного продвинуться вперед, так как до Лешовкино оставалось уже недалеко, и выбрать место для КП полка, прикрыв его стрелковой ротой батальона. Такое место было выбрано в хорошо сохранившемся лесу. По радио передали координаты КП полка в штаб дивизии. Вербин приказал мне лично связаться с командирами батальонов в Лешовкино, уточнить обстановку на месте, проверить оборону подразделений и связь между ними, узнать обстановку в других частях, находящихся под Лешовкино, и возвратиться на КП полка.

В этот же день я два раза пытался пробраться по танковой дороге в сторону Лешовкино и каждый раз наткнулся на немецкие патрули, которые открывали огонь.

Утром 14 января вместе с командиром артдивизиона 84-го АП капитаном Новиковым нам удалось пройти по танковой дороге. По пути обнаружили трупы двух солдат, убитых немцами. Видимо, это были связные, посланные из окруженных батальонов. Никаких документов при них не оказалось.

Тем временем под Лешовкино сложилась тяжелая обстановка. Батальоны 107-го СП занимали оборону на одном из флангов группировки окруженных частей. Командование группировкой было поручено старшему по званию офицеру из соседней дивизии, часть которой тоже попала в окружение. При нем имелась работающая радиостанция. Удерживаемый район обороны занимал не более 2-2,5 км по фронту и в глубину не более одного ки-

лометра. Это был участок лесного массива с довольно высокими деревьями и кустарником. Часто попадались и низменные, болотистые места. Перед фронтом находилась деревня Лешошкино.

Было много раненых. Их размещали в шалашах из еловых лап и легких блиндажах, где можно хоть немного укрыться от холодного ветра, а ночью чуть-чуть согреться у небольшого костерка. Оружие никто из раненых не сдавал, берегли и боеприпасы. Знали: вокруг немецкие подразделения. 16 января с утра немцы возобновили атаки, которые бойцы отбивали с большим упорством, но при этом берегли патроны и стреляли только по целям. А гранаты у нас тогда были просто на вес золота. Их мы берегли особенно.

17 и 18 января окруженных обстреливала вражеская артиллерия. Немецкие подразделения вели себя более или менее спокойно. Видимо, что-то замыслили против обороняющихся. Тем временем уже давал о себе знать голод. В день люди получали по половине сухаря. Жевали снег. Пробовали ветки сосен и елей. Как-то бойцы одной из групп решили разогреть в котелке снег и выпить горячей воды. Нашли ель, под которой снег казался наиболее чистым. Но когда он растаял, вода оказалась с запахом пороха, а на дне котелка были два небольших осколка от снаряда.

Ночью немцы пытались в отдельных местах вклиниться в нашу оборону, но их попытки были отбиты. Видимо, они вели разведку.

18 января командир части, возглавлявший командование всей группировкой, вызвал всех командиров к себе, в том числе и меня. Он сообщил, что получен приказ командующего армией на выход всей группировки из-под Лешошкино своими силами и что выход он назначает на 19 января.

Прошла еще одна тревожная ночь. Утром 19 января со стороны Лешошкино противник подтянул пехоту и около 10 часов утра при поддержке артиллерии перешел в наступление. Видимо, немецкое командование решило нанести удар по нашей группировке и ликвидировать ее. Подпустив гитлеровцев к лесу, мы открыли сильный пулеметный огонь, остановили и рассеяли наступающие цепи. После этого, оставив заслон, начали отход. Нам удалось выйти на КП 107-го СП. Мне показали, где находится командир полка гвардии майор Вербин. Мы встретились, обнялись. Доложил ему о выходе из-под Лешошкино. Подходили под-

разделения других частей. О нас было доложено командиру 55-й СД Заиюльеву. Получили приказ — всех оставить в районе КП полка и организовать оборону. Командование возложено было на гвардии майора Вербина.

Однако с выходом на КП 107-го СП всей группы, находившейся под Лешошкино, положение осталось напряженным. До нашего переднего края было далеко, а кругом немецкие подразделения. Надо было снабжать всю группу боеприпасами и питанием. Командование пыталось для этого использовать самолеты У-2, но они мало помогали. За период с 19 по 22 января было сброшено всего несколько мешков сухарей и несколько мешков с боеприпасами. Как-то были сброшены мешки с ракетами, но при падении они взорвались. 22 января подобраны два мешка с салом.

Личный состав был истощен и утомлен. Тяжело стало подниматься, трудно было передвигаться. Но моральный дух у всех был высоким.

Немцы часто кричали, чтобы мы сдавались, грозили уничтожить. Но мы верили, что выдержим. Уверенность и силу вселял в бойцов и командиров гвардии майор Вербин. Он спокойно отдавал приказы и всегда находился там, где возникала перестрелка. Казалось, он был сразу во всех местах обороны.

Первые дни ожидали подхода наших новых частей, чтобы продолжать выполнение поставленной задачи на перерез «рамушевского коридора». Но затем был получен приказ командира дивизии полковника Н.Н. Заиюльева на выход всей группировки. Выход был назначен на 3 часа 23 января.

Были созданы группы прорыва, две боковых группы прикрытия и группа прикрытия с тыла. В середине выходящей группировки должны были идти раненые — те, кто мог самостоятельно передвигаться, и те, кого надо было выносить.

В группу прорыва были выделены подразделения 107-го СП. Командование ими было возложено на старшего лейтенанта Николаева.

Была составлена последняя строевая записка. На 23 января во всей группе, которой командовал гвардии майор Вербин, числился 781 человек, из этого количества было 410 раненых. Всего же активных штыков, как тогда называли строевые подразделения, было менее половины группы. Вдобавок это были

люди, физически истощенные, не способные на длительное ведение боя.

К назначенному времени все было уточнено, бойцам были поставлены задачи. Розданы последние запасы боеприпасов. Были сгруппированы раненые, которые сами решили стать в строй с оружием.

Ровно в три часа 23 января группа прорыва атаковала передний край. По ранее обнаруженным огневым точкам противника был открыт огонь, а штурмовые группы атаковали их с флангов. Вражеская оборона была взломана, уничтожены огневые точки на переднем крае.

В штаб дивизии передали радиограмму о начале выхода.

После прорыва обороны противника я продвигался с гвардии майором Вербиным. Не один раз мы вместе уточняли по компасу направление, по которому должна была идти на прорыв вся группа. Боковые группы следовали за группой прорыва.

Противник яростно огрызался. На всем пути били огневые точки. Вражеские минометы вели беспорядочный огонь по нашему расположению.

И хоть продвижение проходило медленно, до переднего края нашей обороны осталось совсем немного. Теперь нам предстояло ударить по немцам с тыла и прорваться через их передний край.

...Темная ночь. Мутно белеет снег, освещаемый вспышками выстрелов и осветительными ракетами. Озаренные их ярким светом, кусты и деревья кажутся какими-то громадами. Люди падают на снег, ожидая сгорания ракеты. С визгом и щелканьем летят над головами пули.

Когда мы вышли к небольшой поляне, Вербин послал меня с группой бойцов пересечь ее и разведать, что находится на опушке леса. Достигли середины поляны, и тут в воздух взлетели две осветительные ракеты. Противник стал поливать нас пулеметным огнем. Бойцы группы прорыва сразу открыли огонь по пулеметам противника. Я стал поднимать бойцов, по никто из них не поднялся. Подполз к одному, другому — все оказались убитыми. Пришлось возвратиться к Вербину. Это была моя последняя встреча с ним.

После подавления огневых точек противника гвардии майор Вербин направил меня на левый фланг прорывающейся группы,

чтобы организовать последний бросок, а сам остался на правом фланге. На левом фланге группы прорыва оказались бойцы и командиры 84-го АП и других подразделений. По сигналу ракеты левофланговая группа, стреляя, стала перебегать поляну. Снег был глубокий, и передвигаться было очень трудно. Ноги стали тяжелыми, непослушными. А немцы снова открыли огонь. Наша группа продвигалась, одновременно ведя огонь по противнику.

Забрезжил рассвет. Ничего не осталось в памяти о переходе переднего края противника и нашей обороны. Помню только, что все как-то смолкло, кажется, куда-то стал падать, уходила из-под ног земля. Быть может, получил контузию. Вскоре увидел наших бойцов. Кто со мной вышел, не помню. Сел у дороги на снег. Подошли несколько бойцов, спрашивают: «Есть хотите?» Дали хлеба. Но есть я не мог.

Вышедших бойцов и командиров направляли в медсанбат. Гвардии майор Вербин и старший лейтенант Николаев погибли при последнем броске группы. По неполным данным, из-под Лешошкино удалось вырваться не более 150 человек. Но эти данные приблизительные. Из состава 107-го СП вышли 35 человек.

Хочу сказать еще раз об исключительном мужестве гвардии майора Вербина. Он правильно оценил сложившуюся обстановку, твердо и четко отдавал приказы, проявлял исключительную требовательность к себе и действиям других командиров. Он смог создать и постоянно поддерживал высокую дисциплину и постоянную боевую готовность всего личного состава вплоть до самопожертвования. В те дни коммунисты и комсомольцы проявили исключительные образцы выносливости, отваги и добросовестного отношения к выполнению боевой задачи. Вот коротко, что могу Вам сообщить о боях под Лешошкино.

К рассказу Н.С. Локтионова добавлю, что он сам проявил незаурядное мужество, умение руководить боем в окружении и был награжден орденом Красной Звезды.

ЕМУ ШЕЛ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОД...

Инструктор политотдела дивизии Иван Александрович Иохим, выходец из немцев Поволжья, тоже оказался в окружении. Вот его бесхитростный рассказ:

«11 января сформированная командиром дивизии группа прорыва, в которую входил и я, при поддержке нескольких танков пыталась прорваться к окруженному 107-му СП. Танк, за которым бежали я и еще несколько человек, был подожжен. От него повалил густой дым. Пользуясь возникшей дымовой завесой, наша группа пробилась через немецкий передний край и соединилась с окруженными. Остальные танки были подбиты, прорыва не получилось.

Через несколько дней во время одного из обстрелов меня ранило осколком в грудь. Я потерял много крови (перевязку некому, да и нечем было сделать), и меня затащили в одну из трех землянок, где находились раненые. К 22—23 января обстановка стала критической. Все попытки высвободить нас не увенчались успехом. Продовольствия не было ни грамма. Патроны заканчивались. Из двух раций собрали питание для одной, но и она дышала на ладан. За два дня до этого произошло событие, которое ускорило решение командования о нашем самостоятельном прорыве. Ночью к нам в плен попал заблудившийся немецкий фельдфебель, который наткнулся на наше боевое охранение. Поскольку я был единственным человеком, владевшим немецким языком, мне пришлось вести допрос. Выяснилось, что пленный в составе бригады горных егерей (номер уже не помню) был переброшен сюда из Скандинавии. Ночью их бригада сменила находившуюся на нашем участке потрепанную немецкую часть и получила задачу уничтожить окруженную в лесу русскую группировку. Эти данные мы сообщили командованию, и в ночь на 23 января получили приказ прорываться к своим.

Днем мне принесли щепотку сухарных крошек. Это была вся моя пища за 10-11 дней. Сообщили, что ночью прорываемся. Состояние у меня было тяжелое, голода я уже не чувствовал, сил передвигаться не было. Досаждало несметное количество вшей, переползавших на меня с трупов, которых в землянке было уже больше десятка. Я попросил вытащить меня, когда начнется отход, или, в крайнем случае, пристрелить, но не оставлять живым...

Но случилось так, что обо мне забыли, а может, просто совесть не позволила пристрелить. Сообщил мне об отходе наших пленный немец, который находился в блиндаже со связанными теле-

фонным проводом руками. Что заставило его это сделать — трудно понять. Возможно, он считал, что его перед уходом пристрелят, а может, подействовало гуманное с ним обращение наших бойцов... Как бы там ни было, я, уцепившись за него, выбрался из нашего склепа. Была глубокая ночь. Снег — выше колен. Мороз — 20°С. Все уже ушли далеко вперед. Мимо пробирались шедшие сзади раненые — кто с палкой, а кого тащили на палатке.

Вдруг в лесу раздалось громовое «Ура-а-а!», и началась стрельба. Не знаю, откуда у меня вдруг появилась такая прыть, но я ринулся вперед за всеми. Немцы были буквально ошеломлены нашим «Ура!», тем более ночью, в лесу, видно, они этого не ожидали. В какой-то момент я вскочил в воронку от бомбы, где стояли три фрица с поднятыми руками у станкового пулемета, но на них никто не обращал внимания. Пробежав еще и окончательно выбившись из сил, я упал в снег. Кругом наступило затишье. Холода я не чувствовал и уже смирился с тем, что мне больше не подняться. И вдруг кто-то рядом мощно закричал:

— Товарищи, вперед! Осталось сто метров! Здесь — смерть, там — жизнь! — это был голос командира полка Вербина. Не в состоянии подняться, я пополз и вскоре увидел пушку, выкрашенную в белый цвет, и услышал русскую речь. Это все, что осталось у меня в памяти.

Очнулся в блиндаже командира дивизии Заиюльева. Его первый вопрос был: «Где Вербин?» Что на это я мог ответить...²⁷ Затем — медсанбат, лечение от истощения, а потом — фронтовой госпиталь, где был извлечен из грудной клетки злосчастный осколок.

Особо следует сказать о массовом героизме наших воинов. У бойцов не было возможности укрыться от непрерывного обстрела — на всех было три землянки, да и те были заполнены ранеными. Сильные морозы, отсутствие пищи и медицинской помощи, нехватка боеприпасов до предела усложнили обстановку. Но не было случаев, чтобы кто-то смалодушничал. Все коммунисты и комсомольцы, вышедшие из окружения, сохранили свои партийные и комсомольские билеты, награды и знаки раз-

²⁷ Судьба Вербина неизвестна. Вероятнее всего, этот человек, спасший многих людей, сам погиб в последние минуты выхода из окружения, что подтверждается и рассказом Н.С.Локтионова. — *Авт.*

личия. В моей планшетке вместе с другими документами были листовки на немецком языке, разоблачавшие преступную клику Гитлера и обращения к немецким солдатам с призывом сдаваться в плен²⁸. Нетрудно догадаться, что меня ожидало, попадись я им живым в руки. Вот, пожалуй, и все из этой эпопеи».

Остается добавить, что Ивану Александровичу в те дни шел двадцать второй год.

Не могу не сказать еще об одном человеке — командире батальона 107-го СП капитане Борисе Полякове. За отвагу и умелое проведение боев в окружении под Ловошкино он был награжден орденом Красного Знамени. После выхода из окружения капитан был назначен командиром 107-го СП. Через полгода в боях на Курской дуге двадцатилетний командир полка погиб... О его коротком, но славном боевом пути подробно рассказано в книге Н.Б. Ивушкина²⁹.

Командир нашего дивизиона Александр Данилович Новиков, начальник разведки дивизиона Мартынов, разведчики и часть связистов взводов управления в дни наступления на Ловошкино продвигались вместе с подразделениями 107-го СП и тоже оказались в окружении.

14 января, находясь под Ловошкино, Новиков получил переданный по радиации приказ начальника артиллерии дивизии: ночью выйти из окружения, занять старый НП и быть в готовности к прорыву восстановленной линии обороны гитлеровцев, когда начнется выход из окружения основной части войск.

«Хорошо помню, — вспоминает А.Д. Новиков, — лютей мороз той тревожной ночи под Ловошкино. Я собрал свою группу и доложил командиру полка Любимову о готовности выполнить приказ. Пошли по «танковой дороге». Впереди Мартынов с разведчиками, за ними — остальные. До старой передовой километров двенадцать. Прошли благополучно весь путь, оставалось метров пятьсот, когда группа Мартынова наткнулась на немцев и завязала бой. Мы поспешили на помощь. Гитлеровцы открыли сильный огонь. Нас спасли многочисленные воронки от тяжелых снарядов и авиационных бомб. Забрались в них, осмотрелись. Фигуры бежавших на нас врагов, освещенные светом луны, были

²⁸ И.А.Иохим отвечал в политотделе за антифашистскую пропаганду.

²⁹ *Ивушкин Н.Б.* Место твое впереди. С. 113, 114, 108.

хорошо видны. Не выдержав нашего ответного огня, они отошли. Вероятно, это был отряд, посланный закрыть последний узкий проход на Лешошкино...»

Группе удалось прорваться почти полностью. Не вышли два связиста. Судьба их осталась неизвестной. Среди окруженных находился с первого до последнего дня командир артиллерийского полка Петр Андреевич Любимов с группой управления, имевшей радиосвязь с огневыми позициями. Не раз во время атак гитлеровцев пушки и гаубицы полка открывали огонь. При этом доставалось обеим сторонам. Ведь это был огонь «на себя».

После выхода из окружения Н.С. Локтионов вызвали на КП дивизии. Там его направили к начальнику штаба генерал-майору Шмыго. В его землянке Локтионов доложил о боях под Лешошкино и о выходе из окружения. Кто еще находился в землянке он не видел — было темно. После его доклада из угла вдруг поднялся комдив Заиюльев, подошел к нему и с досадой сказал: «Лучше бы ты погиб, а не Вербин!»

Эти слова, обращенные к человеку, чудом избежавшему смерти, требуют пояснения. Комдив Заиюльев, по рассказам хорошо его знавших однополчан, был человеком своеобразным. Он не любил штабистов всех рангов и игнорировал свой штаб. Мог неделями не разговаривать с начальником штаба дивизии, часто отменял его приказы. Это, конечно, не способствовало успеху боевых действий дивизии и было вызвано предельным самолюбием и недалекновидностью комдива. Звание Героя Советского Союза Заиюльев получил в боях на озере Хасан, будучи командиром батальона. Недостаток военного образования восполнял личной храбростью. С началом боя он уходил в полки, батальоны на самые ответственные и тяжелые участки. Здесь главными качествами командира считались самообладание и бесстрашие, а он имел их в избытке и чувствовал себя в своей стихии. Его присутствие поднимало боевой дух солдат и командиров, способствовало выполнению поставленной перед полком или батальоном задачи. Однако остальные полки дивизии оставались в это время без управления со стороны комдива.

Гвардии майор Вербин был опытным и умелым командиром. Заиюльев понимал, что его гибель — большая потеря для дивизии. Возможно, он чувствовал, что и сам во многом виноват в случив-

шемся. В его словах, обращенных к Н.С. Локтионову, слились вместе и боль утраты, и горечь от неудачного наступления, и презрение к «штабистам», одним из которых был начальник штаба 107-го СП.

«Еще хочу написать о встрече с Заиюльевым в 1945 году в Москве, — заканчивает свой рассказ Н.С. Локтионов. — Тогда он уже был в звании генерала. Мы случайно увидели друг друга на улице. Он интересовался судьбой дивизии³⁰, а потом спросил у меня, почему мало наград. Значит, не заслужил, отшутился я, воевал не за награды! В ответ он сказал, что недостаточно хорошо относился к людям, мало награждал. Это еще один штрих его характера».

У артиллеристов нашего дивизиона после боев под Горбами и Ловошкино орденов и медалей не добавилось. «Но для тех, кто уцелел, сама жизнь разве не была бесценной наградой!» — невольно думаю сейчас, когда пишу эти строки.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В конце января пришел приказ: двигаться к Старой Руссе. Когда во время похода дивизион растянулся по заснеженному полю почти на полкилометра, в нашем расположении стали рваться снаряды. День был ясный, солнечный. На немецкой стороне мы увидели два едва заметных аэростата. Однако немецкие наблюдатели, наверное, плохо видели разрывы. А может быть, учитывая возможность близкого окружения, приберегли снаряды для более трудного времени. Скоро обстрел прекратился, не принеся нам никакого вреда.

...Передовая под Старой Руссой проходила по сосновому лесу. Таких высоких и стройных сосен я нигде еще не встречал. В районе наших НП неожиданно увидел начальника разведки дивизиона Мартынова... высоко-высоко на сосне, почти на ее вершине. Дерево оказалось таким высоким, что надо было иметь большое мужество на него залезть.

Я с трудом дошел до НП. Каждые 300—400 метров приходилось искать пенек, чтобы присесть, а иногда прислониться к дереву, пока утихнет сильнейшая колющая боль под левой лопаткой. Что со мной — я не знал, к врачу не обращался. Очевидно, сказалось, что после ранения сразу попал на фронт, не успев восста-

³⁰ В 1944 г. Заиюльев был переведен в другую часть.

новить силы, и сейчас, после многих месяцев постоянного нервного и физического напряжения, они были на исходе. А может, причиной была бессонная ночь: над нашим блиндажом то и дело свистели тяжелые снаряды, разрываясь поблизости и тяжело сотрясая землю.

МОИ ПОМОЩНИКИ

На этот раз я решил «привязать» НП с помощью стереотрубы — иначе определить точное местоположение мартыновской сосны было невозможно. Поэтому со мной пошли все красноармейцы моего небольшого взвода: Захаров, Рыбаков, Негин, Суриков и Кувалдин. Рыбаков нес уложенную в футляр стереотрубу, Негин — треногу к ней в брезентовом чехле, а Суриков — планшет и рейку для измерения расстояний.

Моим помощникам, за исключением двадцатилетнего Сурикова, было под сорок. Все они были вятичами и до войны имели самые «мирные» профессии. Захаров «на гражданке» работал учителем математики, Рыбаков — завмагом, Негин — бухгалтером, Кувалдин — портным. Несмотря на то, что каждый из них был почти вдвое старше меня, у нас установились теплые товарищеские отношения. Я старался не подвергать бойцов опасностям — когда требовалось пойти на НП и при этом не нужно было брать прибор, всегда ходил один. А когда был свободен, вместе со всеми участвовал в строительстве блиндажей. И красноармейцы отвечали заботой за заботу. Делились, когда прижимало, последним куском хлеба. Помню, в трудные времена, когда из-за оттепели на много дней прекратился подвоз продуктов, ко мне с котелком в руке подошел Кувалдин.

— Товарищ младший лейтенант! — сказал он. — Мы вот очистки картофеля под снегом нашли и сварили. Это — ваше...

Придя на НП к Мартынову, мы долго искали поблизости какие-нибудь ориентиры, но их не оказалось. Только к вечеру удалось точно установить на карте, где находится пересечение двух просек, расположенное примерно в полутора километрах от НП. Отсюда и начали привязку. Перед тем как стало темнеть, я нанес на планшет и карту Мартынова по маленькому треугольнику, обозначавшему место наблюдательного пункта.

НАКОНЕЦ-ТО!

Наступление под Старой Руссой началось утром 23 февраля. Заурчали «катюши» — они всегда первыми открывали артподготовку. К ним присоединились орудия нашего полка и поддерживающая дивизию тяжелая артиллерия Резерва Главного Командования. От мощного артиллерийского огня задрожала земля. Выстрелы орудий, сливаясь с разрывами снарядов на вражеской передовой, заглушали все остальные звуки и сотрясали воздух сплошным мощным гулом.

Время от времени прорывались хорошо знакомые нам раскаты и рыкающие звуки мощных ракетных снарядов, выпускаемых поодиночке специальными установками; воронки от них были похожи на воронки авиационных бомб.

За осень и зиму 1942—1943 годов Северо-Западный фронт упоминался в сообщениях Совинформбюро лишь однажды (23 февраля 1943 г.). 1 марта 1943 г. Совинформбюро сообщило:

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

ЛИКВИДАЦИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПЛАЦДАРМА ПРОТИВНИКА

В РАЙОНЕ ДЕМЯНСКА

В сентябре 1941 года немецко-фашистским войскам удалось прорваться юго-восточнее озера Ильмень и занять силами 16-й немецкой армии район Залучье — Лычково — Демянск и далее на восток до берегов озер Велье и Селигер. В течение последующих 17 месяцев противник упорно и настойчиво стремился удержать за собой захваченный плацдарм и превратил его в мощный укрепленный район, назвав его «Демянской крепостью». Немцы рассчитывали использовать этот укрепленный район для развертывания удара на важнейшие коммуникации Северной группы наших войск. За это же время указанный район неоднократно был ареной ожесточенных боев, в которых перемалывались немецкие дивизии.

На днях войска Северо-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко перешли в наступление против 16-й немецкой армии. В ходе боев наши войска, прорвав на ряде участков сильно укрепленную полосу противника, создали реальную угрозу двойного окружения немецко-фашистских войск. Противник, почувствовав опасность окружения, начал под ударами на-

ших войск поспешное отступление на запад.

За 8 дней боев наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта, в том числе город Демянск и районные центры Лычково, Залучье. Очищена от противника территория площадью в 2350 квадратных километров.

За восемь дней боев наши войска захватили в плен 3000 немецких солдат и офицеров.

За это же время взяты следующие трофеи: самолетов — 78, танков — 97, орудий разного калибра — 289, пулеметов — 711, а также большое количество боеприпасов и много другого военного имущества.

Противник оставил на поле боя более 8000 трупов».

Позднее военные историки напишут: «Операции советских войск на западном и северо-западном направлениях, проведенные в начале 1943 года, тесно связаны со стратегическим наступлением на юге. Хотя они и не достигли поставленных целей, враг был лишен возможности усиливать свои группировки на южном крыле советско-германского фронта за счет групп армий «Центр» и «Север». Это значительно облегчило Советской Армии не только успешно осуществить операции под Сталинградом, на Верхнем Дону, харьковском и донбасском направлениях, но и отразить попытку контрнаступления врага. Ликвидация плацдармов в районе Ржева и Демянска практически сняла угрозу наступления противника на московском направлении.»³¹

Бои за Демянский плацдарм бывший начальник штаба 16-й немецкой армии генерал-лейтенант Бек-Баренц назвал «мельницей» — уменьшенным «Верденом первой мировой войны»³², перемоловшей 16-ю немецкую армию.

Только убитыми 16-я немецкая армия потеряла здесь до 90 тысяч человек³³. Добрая половина этой цифры приходится на потери от артиллерийского огня. Северо-Запад был единственным участком вражеского фронта, за пребывание на котором каждый фашистский солдат получал памятную медаль.

³¹ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1976. Т. 6. С. 146.

³² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. Т. 11. С. 474.

³³ Там же.

ПРОЩАЙ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ!

...И вот мы снова на марше, но двигаемся уже не в сторону фронта, а в противоположном направлении. Многих дорогих товарищей, самоотверженно деливших с нами фронтовые невзгоды, теперь рядом нет.

За триста дней пребывания на Северо-Западном фронте 84-й АП потерял столько убитыми и ранеными, что если бы не пополнение, он перестал бы существовать. Большинство артиллеристов выбыло из полка по ранению. Но много было и таких, которые разделили судьбу старших лейтенантов Манушкина и Бызова, сержантов Зайца и Комарова, старшего лейтенанта Филиппова, капитана Трегубова и Тани Волковой... В стрелковых полках потери были в несколько раз больше...

Передо мной лежит письмо, которое не могу читать без сердечной боли:

«Уважаемый Борис Николаевич!

На Ваше письмо и просьбу сообщаю следующее.

Весь послевоенный период в нашей местности идет поиск и перезахоронение останков погибших воинов на воинские кладбища в Новой Деревне, Васильевщине, Кузьминском. Здесь на воинском кладбище увековечены имена 8 тысяч советских воинов. В Васильевщине — более 500. Только нынче из района между Васильевщиной и Бяково членами поискового отряда «Долг» Парфинского РК ВЛКСМ вынесены останки 125 воинов и 9 мая с воинскими почестями похоронены на воинском кладбище в Новой Деревне. В сентябре там же были похоронены найденные останки еще 200 воинов...

На мемориальные доски заносятся все новые и новые имена...

Ветеран Великой Отечественной войны

Белокуров Иван Павлович.

15.XI.89 г.»

А ведь кроме этих деревень, оказавшихся в расположении фронта, который растянулся на многие километры, были Горбы, Легошкино и многие другие.

И сколько еще найдут в этих местах и с почестями похоронят неизвестных воинов! Кто-то из них в годы войны был погребен наскоро, как Манушкин, кто-то, будучи убитым, затонул в болоте,

был занесен снегом, присыпан землей, которая густо поросла травами...

И вот Северо-Западный фронт позади. Эшелон за эшелонем покидали станцию.

Под мерный стук колес теплушки написал домой письмо.

«...Я не знаю, что будет впереди, но сейчас мы двигаемся все дальше и дальше в тыл. Почти год простояли в обороне. Привыкли жить в блиндажах и землянках, в лесу и в поле. За эту зиму я практически не снимал шинели и шапки, они как бы стали частью моего тела, особенно шапка. Без нее мне сразу как-то не по себе. Но все это пустяки! Главное, видите: я жив и здоров, и мы научились воевать!»

Передний край стал нашей школой. Здесь мы учились быть настоящими солдатами, становились боевыми командирами. Нашими учителями были собственная совесть, пример товарищей и... ненавистные нам враги.

Прощайте, болото Сучан, деревня Горбы и Старая Русса! Прощайте и вы, фронтовые товарищи, навеки оставшиеся на новгородской земле! Мы, живые, еще расплатимся с гитлеровцами за ваши загубленные жизни!

На переднем крае бывало по-разному. Одно дело, когда враг тебя не видит. Другое — когда ты в поле зрения и действия противника и тебя в любой момент может убить или ранить, но где нужно быть, несмотря на угрозу смерти, мороз, жару и голод... Когда знаешь, что противник обнаружил тебя, стараешься сделать все, чтобы избежать опасности. Но часто это невозможно: по условиям боевой обстановки необходимо быть именно здесь. Жестокое испытание, которому подвергаются люди в таких условиях, способствует укреплению в них высокого гражданского долга и взаимовыручки либо порождает трусов и предателей. На глазах друг у друга, день за днем, проходили мы суровую проверку, деля опасности пополам. Фронтная дружба, зародившаяся на Сучане и под Горбами, еще не раз придет на выручку в трудные минуты. И теперь, через много лет после войны, она собирает на встречи и живых и погибших — ведь они в нашей памяти, в нашем сердце, а значит, всегда с нами!

Артиллерия бьет

Артиллерия бьет... Как успел постареть я
В эти годы войны, не понять никогда.
Мне казалось, идут не года, а столетья,
А прошли не столетья, а только года.

Артиллерия бьет... И опять на заре ты
Поднимаешься в бой и идешь на врага.
Проливались насквозь, как динты в лазарете,
Эти динты в кровь Подмосковья снега.

Артиллерия бьет... И не знают покоя
От дорог сапоги, от бессонниц сердца.
Мы, ровесник, с тобой повидали такое,
Что не жившим в наш век не понять до конца.

Артиллерия бьет... Что узнают потомки?
Или покажут в музеях кусочки войны:
Без патронов стволы и без хлеба котомки.
Только кровь наших ран не увидят они.

Артиллерия бьет... В огневом иступлении
Раскаленные жерла закатам прозят.
Только тот и способен понять наступление,
Кто узнал, что такое дорога назад.

Артиллерия бьет... И взлетают ракеты,
Зали салютов оконные рамы трясет.
Только тот оценил этот голос Победы,
Кто слышал, как в бою артиллерия бьет!

Юрий Разумовский

КУРСКАЯ ДУГА РЕШАЮЩИЙ ПОВОРОТ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ

Степной, Центральный, 1-й Белорусский и 3-й Прибалтийский фронты, Порккала-Удд — таким был дальнейший боевой путь дивизии. А на моем пути добавился еще и эвакуогоспиталь в городе Мозырь.

В первых числах мая наш эшелон остановился в голой степи у станции Быково под Касторной. Вручную, используя солдатскую смекалку и канаты, спускали мы орудия вниз с десятиметровой насыпи. А затем маршем, с длительными остановками двинулись по курской земле. В пути получили пополнение — людей, боевую технику, автомашины. В стрелковые полки и в наш артполк пришли моряки с Дальнего Востока — молодец к молодцу. Новички быстро освоились и скоро ничем не отличались от наших ветеранов. Пушки и гаубицы тащили машины. Сначала это были американские «шевроле», но они вскоре вышли из строя, а потом — мощные «студебеккеры». Лошади у нас все же были, но только кавалерийские. Тяжеловозов отдали почти всех, оставив по одной упряжке на дивизион.

Все было хорошо, но случилась неувязка: две недели пришлось сидеть без соли. Обидно: суп густой, наваристый, каша сочится маслом — давно такой роскошной еды не видели, а начинаешь есть — назад выворачивает...

Чаще всего мы останавливались в оврагах, иногда в деревнях. Соловьи заливались тут вовсю, отстаивая свою честь называться курскими.

На деревенских околицах вечерами собирались девушки. Пели звонкими голосами под стать соловьям, лихо танцевали с нашими солдатами, вспоминая, наверное, при этом своих парней, ушедших на войну.

«ЭТО ВАМ НЕ 41-Й ГОД!»

Но отдых наш продолжался недолго. Дивизия получила задание построить линию обороны, и началась тяжелая повседневная работа. Стрелковые подразделения рыли окопы полного профиля, строили дзоты и траншеи. Артиллеристы готовили огневые позиции, снарядные погреба, наблюдательные пункты и данные для стрельбы. И хотя фронт проходил очень далеко от нас, делалось все это, как на войне.

Когда в одном месте работа заканчивалась, мы ночным маршем продвигались вперед и снова занимались тем же самым. Почти всех солдат и офицеров дивизии «обкатали» танками. На специально подготовленном поле танки утюжили траншеи, заполненные бойцами. Пропустив машины над головой, бойцы забрасывали их «гранатами» и отсекали «огнем» бежавшую за ними «пехоту».

В начале июня наша дивизия сделала еще один бросок вперед и снова построила мощную линию обороны. Впереди, в 20—25 километрах, была станция Поныри. Теперь между врагом и нами остались только наши фронтовые части.

Близился день начала великой битвы на Курской дуге. 5 июля впереди загрела канонада. Наш артполк был поднят по тревоге, и мы выступили к станции Поныри. К полудню дивизионы сосредоточились в лесистом овраге невдалеке от железной дороги Москва — Курск. Впереди, километрах в десяти, грохотал бой. К нашему расположению подъехал бронепоезд. Остановившись у группы деревьев, тянувшихся вдоль насыпи, он произвел сильнейший огневой налет в сторону Понырей. Раньше я только слышал о бронепоездах и лишь сейчас воочию убедился в огромной мощи его многочисленных орудий. Совершив три огневых налета, бронепоезд укатил обратно.

Тем временем появились вражеские бомбардировщики. И сразу же им наперерез ринулись наши истребители. Послышалась частая дробь авиационных пулеметов. Немецкий бомбардировщик, который летел первым, выпустил пышный дымный хвост и с

воем пошел к земле. То же самое случилось еще с одним. Остальные успели сбросить несколько бомб на железнодорожное полотно, высыпали дождь листовок и повернули на запад. «Это вам не сорок первый год!» — невольно подумалось мне.

Одну из сброшенных листовок принесло ветром прямо к нашему блиндажу. Враги пугали, что начинают новое, страшное по силе наступление и что теперь никто не спасет нас. Поэтому надо бросить оружие и с белым флагом выходить навстречу наступающим фашистским войскам. Не первый раз немцы пытались агитировать нас сдаваться в плен. На Сучане их листовки врали по-другому. Но мы ни тогда, ни теперь не верили ни одному слову захватчиков.

Весь день прошел в напряженном ожидании приказа о вступлении в бой. Впереди, на передовой, до вечера не прекращался гул гигантского сражения. Над полем боя стояло пыльное марево, над которым почти все время кружили самолеты. Шла беспрерывная артиллерийская стрельба. С нашей стороны ее дополняло прерывистое урчание «катюш». Мимо нас проползали к передовой танки и самоходки. Бойцы и офицеры, возвращавшиеся отсюда в тыл, рассказывали, что немцы пустили в ход новую технику — танки «тигры» с усиленной броней и мощные самоходные орудия «фердинанды». Но это им не принесло успеха: наши танки и самоходные орудия, артиллерия и пехота подбивали и поджигали прорвавшие оборону вражеские машины. Минные поля, противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью — все шло в ход.

Враги упорно рвались вперед. Передовая понемногу приближалась к нам. Все слышнее и отчетливее становились звуки боя. Понесся огромный потери, гитлеровцы к концу дня на несколько километров потеснили наши части.

Только вечером мы получили приказ о вступлении в бой. Наш 84-й артиллерийский полк был выведен из состава 55-й дивизии и вошел в состав 5-й артиллерийской дивизии прорыва, приданной 307-й СД 13-й армии, защищавшей Поньри.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 5 июля 1943 года

С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и тан-

ков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями, и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону.

По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолета противника.

Бои продолжаются.

НАШ 84-Й АП ПЕРЕДАЕТСЯ 307 ДИВИЗИИ И БУДЕТ ЗАЩИЩАТЬ ПОНЫРИ¹

В ночь на 6 июля батареи нашего полка выдвинулись вперед, к оборонявшимся частям и заняли огневые позиции в извилистом и широком овраге, охватывающем Поныри с южной стороны.

Взводы управления за ночь продвинулись в расположение стрелковых батальонов и оборудовали там наблюдательные пункты. К утру заработала связь, батареи готовились открыть огонь.

Лишь только начался рассвет, над нами — я был вместе с начальником штаба дивизиона в одном из блиндажей — появились фашистские бомбардировщики.

Волна за волной они налетали на овраг и бомбили не пикируя, боясь тратить время, потому что к ним тут же устремлялись наши истребители. Земля непрерывно содрогалась от мощных взрывов, и все же блиндажи, глубокие окопы и укрытия спасали орудия и людей.

На передний край и наш овраг обрушился шквал огня фашистской артиллерии и минометов. От прямых попаданий в укрытия появились первые раненые и убитые. Но теперь мы уже не были посторонними наблюдателями: вражеское наступление развертывалось на наших глазах, и мы стали участниками битвы. Наши пушки и гаубицы открыли ответный огонь. И слева и справа за многие километры от нас стоял гул развернувшегося вчера сражения. Орудийные залпы наших батарей, разрывы вражеских

¹ 307-я дивизия потеряла значительную часть своей артиллерии.. Через 10 дней наш полк воссоединился с нашей дивизией.

снарядов и бомб, время от времени находивших очередную жертву, — так продолжалось до самой ночи.

К концу дня надолго нарушилась связь с командиром дивизиона Новиковым. Начальник штаба, капитан Агапов, назначенный вместо Тирикова, переведенного в другой дивизион, послал меня к Новикову, чтобы взять последние данные для боевого донесения. Уже темнело, когда я нашел командира дивизиона. Он находился на наблюдательном пункте, недалеко от побитой снарядами и бомбами деревенской церкви. К тому времени обстрел уже утихал, и все равно, пока я бежал туда и обратно, пока с трудом искал продолжение линии связи в местах повреждений, пришлось несколько раз упасть на землю: неподалеку, а то и совсем рядом, так что зловещее пение осколков слышалось почти над головой, рвались снаряды и мины.

ПРЕВЗОШЛО ВСЕ, ВИДЕННОЕ МНОЮ

Следующий день — 7 июля — по ярости обстрела, а особенно бомбежки, превзошел все виденное мною до сих пор, включая бои под Горбами на северо-западе. С раннего утра стаи немецких бомбардировщиков нависли над Понырями и нашим оврагом. Над местечком поднялось пепельно-серое марево. В воздухе велись постоянные воздушные бои. Наши истребители то и дело сбивали немецкие самолеты, но они шли и шли, волна за волной, по пятьдесят, а то и по сотне самолетов одновременно. В первые два дня вражеского наступления наш участок фронта был для противника не основным. Главный удар фашисты наносили в направлении местечка Ольховатка, в нескольких десятках километров левее нашего расположения, однако существенного успеха там не добились. Теперь они делали ставку на захват Понырей с дальнейшим продвижением на Курск. На штурм этого небольшого местечка, состоявшего всего из нескольких сотен домов, которое обороняла 307-я дивизия 13-й армии Центрального фронта, гитлеровцы бросили две полностью укомплектованные личным составом и боевой техникой пехотные дивизии и более 200 танков. «Здесь разгорелась одна из самых жестоких битв за время восточного похода», — напишет позднее один из немногих оставшихся в живых немецких офицеров, участвовавших в наступлении на Поныри².

² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1964. Т. 3. С. 260.

Тогда мы не знали стратегических замыслов врага, да и не наше дело было их разгадывать, но, чувствуя невероятную напряженность боя, ожесточенность артиллерийского огня и бомбежки, поняли, что подошли решающие часы и дни наступления гитлеровцев.

При очередном налете немецких пикирующих бомбардировщиков, — уже не помню, каким он был по счету — рядом рванула пятисоткилограммовая бомба, спрессовав всех нас безудержно нарастающим воем и оглушительным взрывом в натянутый до предела комок мышц и нервов. Наш блиндаж подпрыгнул, сдвинулся в сторону, а потом закачался в судорогах взрывной волны. Начальник штаба капитан Агапов, придя в себя от порохового смрада, заполнившего блиндаж, и от заложившего уши взрыва, пробормотал то ли нам, то ли себе:

— Чуть-чуть еще — и перенесло бы нас из сегодняшнего ада прямешенько к богу в рай!..

Все уточняющие, но не подлежащие печати дополнения в адрес Гитлера и всей фашистской сволочи я убрал из этой фразы, а они шли почти за каждым словом и завершали мысль капитана. Отважный офицер, плясун и известный всему полку остряк, Агапов сумел сохранить самообладание и в эти, прожитые рядом со смертью мгновения.

После каждого налета капитан прикладывался к бутылке водки и отпивал несколько глотков. Это была его слабость, тоже известная всем. Из-за нее он и оказался у нас, расставшись с более высокой должностью в штабе полка. Когда ко второй половине дня бутылка опустела, мне поневоле пришлось исполнять обязанности начальника штаба.

...Весь этот день Геннадий Беляев и его связисты делали невозможное: лишь только связь со штабом полка, с батареями, с командиром дивизиона Новиковым прерывалась, а это было постоянно, они сразу же находили и исправляли повреждение, не считаясь с бомбежкой и обстрелом.

При каждой вражеской атаке, а их было пять в течение дня, мне звонили из штаба полка и требовали сведения о положении в батальонах, о действиях поддерживающих их батарей, передавали приказы начальника штаба и командира полка. В таких случаях четко работающая связь спасала меня.

Для штаба и командира полка штабы дивизионов были глазами и ушами, которые оценивали положение на линии непосредственного соприкосновения с противником. Расположение наших и вражеских траншей, окопов, огневых точек на участке действия дивизиона, местонахождение огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и командира дивизиона, потери в личном составе и в технике во время боя — все это оперативно должно было доноситься в штаб полка и подытоживаться ежедневным письменным боевым донесением. Для соблюдения секретности при сборе сведений предпочтение отдавалось проводной (телефонной) связи, которая, в отличие от радиосвязи, обеспечивала большую скрытность передаваемой информации. Но это давалось дорогой ценой. Забегая вперед, скажу, что после десятидневного немецкого наступления во взводе связи осталась лишь треть его состава. Потери у связистов были такие же, как и в стрелковых ротах, даже больше — ведь им постоянно приходилось находиться под обстрелом без всяких укрытий. А это было во много раз опаснее, чем пережить обстрел или бомбежку в блиндаже.

Для меня теперь работы и обязанностей добавилось. На Северо-Западном фронте, где неделями, а то и месяцами сохранялось примерно одинаковое расположение рот и батальонов, боевых порядков наших батарей и основных целей у противника, штаб полка мог, в крайнем случае, обойтись и без ежедневных донесений из дивизиона. Здесь же местность была незнакомой, обстановка быстро менялась, а штаб полка требовал точных и самых последних сведений. И если прерывалась связь, мы не могли ждать, пока ее починят. В таких случаях, как это и было вчера, выяснить обстановку на переднем крае обычно поручали мне. Да у начальника штаба и не было другой возможности — Мартынов на НП, Беляев — на линии связи, вот и оставался командир топовзвода, освободившийся к моменту боя от своих прямых обязанностей по «привязке» огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и дивизиона.

К концу дня, когда гитлеровцы последним отчаянным штурмом захватили северную часть Поньрей, из штаба стали требовать к телефону Агапова, который спал мертвецким сном. Никакие мои отговорки, что капитан ушел на передовую и еще не вернулся и связи с ним нет, не действовали. Увидев, что Агапов зашевелился,

я растолкал его и едва успел рассказать ему про захват окраины Поньрей, как по телефону снова потребовали начальника штаба. Связист протянул ему трубку.

— Тр-р-рубка слушает! — громко и раскатисто, словно подавая команду, прокричал капитан.

Я уже раскаивался, что растолкал его, но было поздно: начальник штаба полка читал Агапову по телефону грозную нотацию. Сразу протрезвев от жестокого разноса, капитан попытался связаться с Новиковым и батареями. Однако связь, поврежденная при последней вражеской атаке, не работала. Тогда Агапов послал меня к командиру дивизиона узнать обстановку на передовой.

А бой еще продолжался, и немцы изо всех сил пытались продвинуться дальше. На околице местечка раздавались автоматные очереди, рвались мины. Ближе и ближе! Когда я, прижимаясь к домам, бежал по улице, немцы открыли оружейный огонь прямой наводкой: двойной рыкающий звук огромной силы налетел на меня и бросил на землю. Показалось, что в ушах лопнули барабанные перепонки. Откуда-то било мощное орудие «тигра». Снаряды рвались совсем близко. Дальше бежать нельзя, надо было укрыться и переждать.

Осмотревшись, я заметил в земле яму, оплетённую прутьями, в каких куряне хранили овощи. Не долго думая прыгнул в нее и чуть-чуть не сел на шею забравшемуся сюда же майору, который тоже направлялся в штаб одного из стрелковых батальонов 307-ой дивизии. Отсиживались минут пятнадцать, потом выбрались и побежали задворками, перелезая и перескакивая через невысокие плетни огородов. Я бежал за майором — вдвоем легче. Рвались мины, совсем близко трещали пулеметные и автоматные очереди, оглушительно рыкало орудие притаившегося где-то «тигра», жутковато посвистывали пули. Наконец добрались до штаба стрелкового батальона. Находился он в полуразрушенном каменном здании с выбитыми окнами и дверью. Здесь же оказался наблюдательный пункт дивизиона, Новиков и Мартынов, а также примерно десять пехотинцев. На полу лежало несколько раненых. Разузнав обстановку на передовой, я нанес ее на карту. Уходить обратно не хотелось. Ничего не может быть хуже — пробираться по передовой во время боя! А надо. Меня ждал начальник штаба. Сказав Новикову, что ухожу, побежал тем же путем. Бой про-

должался. Разрывы снарядов и свист пуль то и дело заставляли инстинктивно присесть или падать на землю.

Но вот звуки боя уже позади. Навстречу из оврага с ревом и грохотом двигались десятки наших Т-34. Долго глядел им вслед: а может, в одном из них мой Лева?

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 9 июля 1943 года

На Орловско-Курском направлении противник за четыре дня наступления понес тяжелые потери в танках, живой силе и не добился успеха. Сегодня с утра гитлеровцы перенесли свой удар на соседний участок фронта. Усилив потрепанные соединения двумя пехотными и одной танковой дивизиями, немцы с утра предприняли ряд ожесточенных атак. Завязались упорные бои, часто переходившие в рукопашные схватки. Все атаки гитлеровцев отбиты нашими войсками.

В конце каждого из девяти дней яростного вражеского наступления я писал под диктовку капитана Агапова боевое донесение и чертил схему переднего края. Нет, никак не думалось, что через много лет захочется снова вспомнить и описать эти бои! Но если бы и нашлись сейчас те боевые документы и удалось бы по ним воспроизвести забытое, в них все равно не оказалось бы самого нужного для моих записок — человеческих переживаний. Ведь чувства и мысли, определявшие поступки бойцов и командиров, которые ежеминутно смотрели в глаза смерти, в боевых донесениях не упоминались. К сожалению, и моя память тоже не очень их сохранила. Думаю, фронтовики меня за это не упрекнут: они-то знают — в дни особенно тяжких боев люди старались забыть пережитое вчера, чтобы выдержать новый день. Четко помню лишь одно: всеобщую абсолютную уверенность, что враг не сможет прорвать нашу глубокоэшелонированную оборону. Надо только выстоять, как тогда, на Северо-Западном фронте, под Горбами. Выстоять до конца! И должен сказать, что ни в первые, ни в последующие дни наступления гитлеровцы на нашем участке не смогли продвинуться до нашего оврага, который отделяли от Поньрей всего лишь около двух километров!

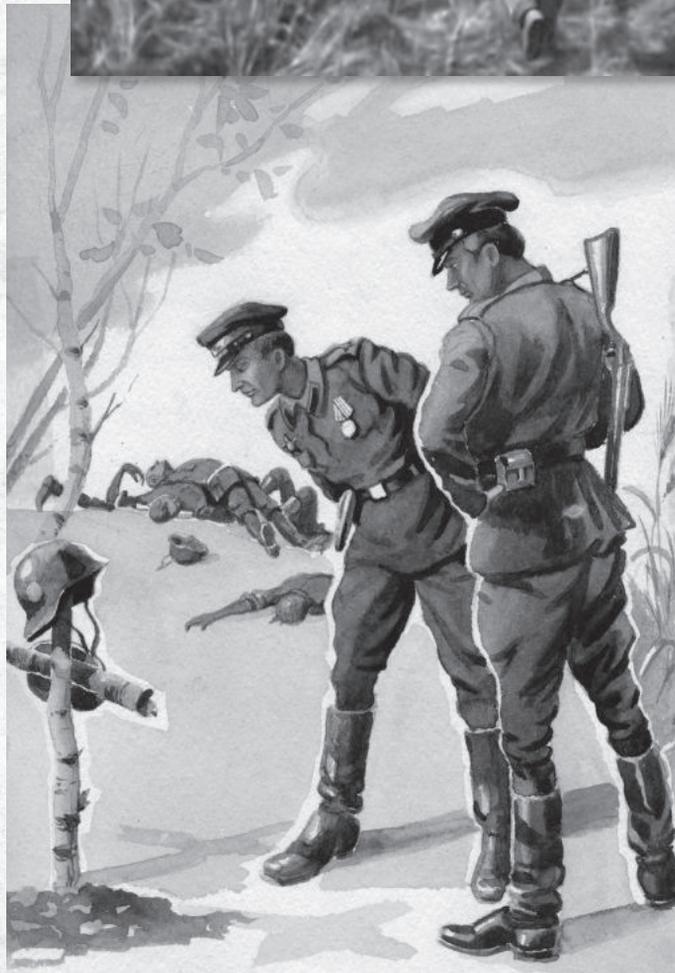
Центральный фронт.
Курская дуга. Только что
закончился танковый бой...
Рисунок В.Веденисова

Прямой наводкой по врагу.
Курская дуга, 1943 г.

с 6.VII 43

Белгород

Курская битва занимает в Великой Отечественной войне особое место. Она продолжалась 50 дней и ночей с 5 июля по 23 августа 1943 г. По своему ожесточению и упорству эта битва не имеет себе равных. С обеих сторон в ней участвовало свыше 4 млн. человек, 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков, около 12 тыс. боевых самолетов

Центральный фронт. Курская дуга. Символическая «встреча». На березовом кресте после немецкой фамилии мой день, месяц, год рождения.
Рисунок В. Веденисова

БОЙНЯ У ПОНЫРЕЙ³

«На севере выступа немцы начали решительное наступление с целью захвата населенного пункта Поньри, который находился на железной дороге, ведущей к Курску, в попытке прорвать вторую полосу обороны Центрального фронта.

Цель немцев, действовавших на северном плече Курского выступа, была совершенно ясна. Им нужно было прорваться через вторую полосу обороны Центрального фронта в районе населенного пункта Поньри и у Ольховатки в 20 километрах к юго-западу. Тактическое значение Поньрей было очевидно для всех сторон. Взяв этот населенный пункт, можно было наступать на Курск вдоль железной дороги. Как говорилось в материалах анализа советским Генеральным штабом битвы под Курском, «самое ожесточенное сражение 7 июля произошло за Поньри, которые обороняла 307-я стрелковая дивизия, имея сильный узел обороны».

Это была позиция, о которой было ясно сказано:

«...обороняя ее, наши силы имели возможность для нанесения фланговых ударов по группировкам противника, наступающего на Малоархангельск и Ольховатку.

Понимая значимость этого узла обороны, немцы решили захватить его любой ценой 7 июля, так чтобы уже без помех наступать на юг.»

Части 292-й пехотной дивизии немцев взяли железнодорожную насыпь и закрепились на северных окраинах Поньрей в первый день. Однако, несмотря на полученные 6 июля подкрепления, немцы продвинулись ненамного, столкнувшись с решительным и стойким сопротивлением. Горький опыт научил советских командиров, что стрельба с больших расстояний по “Тигру” с его 100-мм лобовой броней была бесполезной. Поэтому советским танкам было приказано закопаться в землю по башню и “вести только позиционный (на месте) бой против пехоты и средних танков.”

«СТАЛИНГРАД» КУРСКОГО ВЫСТУПА

Как только взошло солнце, появились и войска вермахта.

При поддержке танков 18-й танковой дивизии солдаты 292-й пехотной дивизии бросились в яростные отчаянные атаки на позиции, удерживаемые 307-й стрелковой дивизией. С каждым

³ По материалам книги немецкого историка Ника Корниша “Курская битва”

разом немцы овладевали небольшими участками, но их потери множились. Заграждения из сложно сплетенной колючей проволоки, с обильно разбросанными минами, вырывали кровавые бреши в рядах пехоты немцев. Еще больше мин рвали гусеницы танков Pz III и VI, а экипажи еще не поврежденных танков пытались пробиваться вперед среди стального ливня ракетных снарядов, противотанковых и осколочно-фугасных снарядов и пуль, который обрушился на немцев со стороны позиций советских войск.

С наступлением утра небо почернело от дыма горевшего топлива и масла горящих танков. Над головой штурмовики и пикирующие бомбардировщики исполняли смертельный воздушный балет, «пляску смерти», которая несла гибель неизвестным солдатам и их машинам на земле. Под пронзительный визг в дыму сражения, при необходимости в доли секунды выбрать цель, трудно гарантировать поражение определенных целей на стороне противника. Можно строить догадки о том, сколько солдат и танков пали жертвой огня своих при столь ограниченной зоне боевых действий.

Наконец, в 10.00 покрытая пылью немецкая пехота, с красными от усталости и стресса глазами, при поддержке 50 танков прорвалась на южные окраины Поньрей. Но этот успех был недолговечен. Солдаты 307-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора М.А. Еншина поднялись, как призраки, из развалин и отбросили немцев назад.

Окровавленные, шаг за шагом, здание за зданием, немцы отступали мимо разбитых, пылающих корпусов своих танков, пока не достигли исходного рубежа и относительной безопасности.

В полдень Гот, наступавший на Курск с юга, получил обнадеживающие новости. К востоку от Поньрей совхоз имени Первого мая был захвачен боевой группой из дюжины танков и двух батальонов пехоты, которые рвались теперь к окраинам самих Поньрей. Западнее 9-я германская танковая дивизия потеснила 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию, заняв участок леса.

Парируя эти угрозы с флангов, Еншин бросил в бой 1023-й стрелковый полк. В бой в течение второй половины дня с советской стороны вводились все новые силы: танки 129-й танковой бригады, артиллерия 13-й противотанковой бригады и 1442-й полк самоходных артиллерийских установок.

Сражение за Поньри в тот летний день после полудня — с переменным успехом. Горели дома и боевые машины, лишь добавляя тягот солдатам которые, обливаясь потом, стреляли из становившегося все горячее оружия.

Солдаты с обеих сторон, которые сражались в развалинах, испытывали недостаток в свежей воде и боеприпасах. Часто моча была единственным доступным средством охлаждения оружейных стволов, которые изрыгали свой смертоносный дождь. Когда день склонился к вечеру, немцы могли считать, что им повезло — они захватили часть поселка. Один, из немцев так позднее описывал эти события: «Поньри, поселок, от которого голова шла кругом, плюс высота 253,5 стали Сталинградом Курского выступа. Объектами, за которые шла наиболее яростная борьба, были машинно-тракторная станция, железнодорожная станция, школа и водонапорная башня».

Каким бы жестоким ни было сражение за Поньри, не менее важным был бой за Ольховатку (конечно, в глазах Моделя). Там возвышенность понижалась к югу, где в 55 километрах от Ольховатки находился Курск — ниже ее и в пределах видимости из нее. Чтобы взять эти господствующие высоты, Модель, решив ослабить давление на Поньри, бросил 2-ю танковую дивизию с «Тиграми» 505-го танкового батальона и 20-ю танковую дивизию западнее — на позиции советских войск между Самодуровкой и Ольховаткой. Эти позиции — вторая полоса обороны советской 13-й армии — были усилены в предыдущие день и ночь. И снова люфтваффе и артиллерия наносили удары по обороняющимся советским войскам, а германские танки осуществляли массированные атаки. Однако, хотя атаки и были мощными, им сопутствовал успех лишь местного характера.» Советская сторона описывает боевые действия следующим образом:

«Большая группа танков прорвалась и захватила Теплое. Однако соседние 70-я и 175-я дивизии упорно удерживали позиции и ликвидировали прорыв, вводя в бой свои резервы в направлении Самодуровки, отрезая просочившиеся танки и пехоту от основных сил противника.

Немецкие танки в районе Теплового неоднократно пытались соединиться со своими силами возле Самодуровки, но не смогли этого сделать и были уничтожены нашими противотанковыми частями».

Отрезанные от своих братьев по оружию, немецкие танки и пехота пытались вырваться из окружения. Русские саперы с бутылками с зажигательной смесью, гранатами и минами вступали в смертельную игру, охотясь за своим врагом, в то время как тени становились длиннее.

Сражение затихало. 9-я армия продвинулась вперед, но ценой тяжелых потерь в живой силе и технике. Но у Моделя еще был «козырь про запас»: 110 танков 4-й танковой дивизии, свежее соединение под командованием генерала Дитриха фон Заукена. С ним он надеялся прорваться через позиции русских. Удар должен был быть нанесен по Самодуровке.

Однако как раз солдаты Рокоссовского, а не Моделя атаковали первыми. На рассвете 8 июля солдаты 307-й стрелковой дивизии хлынули через развалины, в которые превратилась железнодорожная станция Поныри. 51-я и 103-я танковые бригады одновременно ударили по совхозу имени Первого мая, который они и взяли после трехчасового боя. Советская сторона утверждала, что во время этой атаки были подбиты 16 «Тигров» и 24 средних танка. Советские силы насчитывали 140 танков.

Используя каждое незначительное укрытие, будь то металл, камень или трупы погибших солдат и сражаясь как одержимые, русские пехотинцы постепенно оттеснили назад своих врагов. В жестоком рукопашном бою солдаты рубили и резали друг друга острыми саперными лопатками, ножами и всем, что попадалось под руку. Овладев частью населенного пункта, русские столкнулись с новой контратакой немцев, но, несмотря на это, не уступали им ни метра.

8 июля кровавая мясорубка боев продолжалась также вокруг станции Поныри. На рассвете 307-я стрелковая дивизия приняла контратаку по местности, усеянной убитыми немцами и красноармейцами, обгоревшими скелетами десятков танков и раздавленными орудиями. Вернув себе опорный пункт в поселке, дивизия вновь отражала немецкие контратаки, в результате которых часть поселка переходила из рук в руки. Модель упрямо бросал в бой свежие части; Пухов отвечал тем же. В течение следующих двух дней на подкрепление потрепанным немецким передовым частям подошла 10-я танково-гренадерская дивизия. Но ее уже ожидали советские 3-я и 4-я гвардейские

воздушно-десантные дивизии, направленные Пуховым под Поньри из второго эшелона советского 18-го гвардейского стрелкового корпуса. В бой включились танки 3-го танкового корпуса, дополнительные противотанковые пушки из 2-й и 13-й истребительно-противотанковых артбригад и орудия из десятков советских артиллерийских полков. Все они уничтожали врага и погибали сами в непрерывной мясорубке, когда линия фронта, как качели, перемещалась взад и вперед по разбитому поселку. Ценой гигантских усилий и огромных потерь немцам, в конце концов, удалось овладеть большей частью Поньрей, хотя и не всем поселком. Эта, по сути, пиррова победа привела торжествовавших победителей в состояние полного истощения, когда уже невозможно предпринимать какие бы то ни было наступательные действия.»

Как Модель, так и генерал-лейтенант Н.П. Пухов, командующий 13-й армией, ввели в бой резервы. В последующие 48 часов парашютисты элитных советских 3-й и 4-й гвардейских воздушно-десантных дивизий и свежая 10-я немецкая моторизованная, а также 31-я пехотная дивизии были брошены в водоворот боя. 9 июля немецкий 508-й моторизованный полк, при поддержке шести «Фердинандов», был брошен в атаку на высоту 253,2.

Немцы полагались на тяжелую броню «Фердинандов» (лоб 200 мм, борт и корма 85 мм), чтобы пробиться через позиции русских и создать брешь, которую могла заполнить поддерживающая пехота. Высота 253,2 была взята немцами, но у них не хватало сил, чтобы закрепить этот успех.

Рано утром 11 июля Модель сыграл своей последней картой, бросив в бой 10-ю моторизованную дивизию, которая предприняла ряд отчаянных атак развалин Поньрей. Несмотря на то, что в руках у немцев теперь была большая часть Поньрей, двигаться вперед было невозможно, поскольку потери немцев были слишком велики. Западнее на советский 17-й гвардейский стрелковый корпус пришлось вся мощь атак немцев. Волна за волной немецкие танки группами по 60—100 машин, поддерживаемые пехотой, двигались на цепь высот, расположенных севернее Ольховатки, Самодуровки, а также на высоту 257.

Снова и снова «Тигры» перестраивались и рвались вперед; снова и снова русские оттесняли их назад. Неубранные поля зер-

новых культур, которые теперь были прибиты к земле гусеницами танков и солдатскими сапогами, начали покрываться пятнами — лужами крови тысяч людей.

Один из немцев, ставший очевидцем этих событий, сообщал о ходе сражения:

«Солдаты моторизованных частей 20-й танковой дивизии 8 июля возле деревни Самодуровки вели жестокий бой под палящим солнцем. В течение часа все офицеры 5-й роты 112-го моторизованного полка были убиты или ранены. Тем не менее, солдаты наступали через поля пшеницы, захватывая окопы и отрывая новые. Батальоны таяли на глазах».

Над всем этим мрачным представлением дым сотен горящих машин сделал темным голубое летнее небо. Наконец изнеможение положило конец безжалостному сражению, и, с наступлением вечера, обе стороны сделали перерыв, чтобы подсчитать потери.

Там, где это было возможно, ремонтно-восстановительные части выдвигались вперед, чтобы вызволить поврежденные боевые машины и отремонтировать их для следующего боя. На передовую подвозились новые боеприпасы, а также горючее для танков. Раненых переправляли в тыл, и звуки выстрелов и разрывов снарядов сменялись вздохами и стонами раненых с обеих сторон, которые лежали без ухода и страдали от боли и жажды посреди кровавой бойни.

Под шум этой ожесточенной схватки 4-я танковая дивизия прорвала оборону на стыке 70-й и 175-й гвардейских стрелковых дивизий и взяла Теплое.

«Батальон уже потерял 100 человек. Но командир дивизии не хотел давать русским времени опомниться. 3-й и 35-й танковые полки выстроились на краю деревни Теплое. К ним присоединились бронетранспортеры. Пикирующие бомбардировщики пронзительно визжали над головой, устремляясь к позициям русских.

Пора!

На противоположном склоне находилась 3-я противотанковая артиллерийская бригада. Более того, там были врытые в землю танки Т-34. Их фланг прикрывал стрелковый батальон советских войск с противотанковыми ружьями, простым, но высокоэффективным оружием против танков на короткой дистанции...

Преодолев несколько сотен метров, немецкие солдаты моторизованной пехоты уже лежали прижатыми к земле. Было невозможно прорваться через огонь советских войск из нескольких сотен орудий на очень узком участке. Только танки двигались вперед через огненный вал.

Советские артиллеристы подпустили их на 500, затем 400 метров. На таком расстоянии даже «Тигры» загорались под сильным огнем русских противотанковых орудий.

Но затем три танка Pz IX взяли первую позицию советских орудий. За ними последовали солдаты моторизованной пехоты. Они захватили возвышенность, но были отброшены назад немедленной контратакой русских.

В течение трех дней сражение кипело на поле перед деревней Теплое. 33-й моторизованный полк штурмовал русские позиции. И снова был отброшен.

Соседняя 6-я пехотная дивизия подобным же образом достигла только склона высоты 274 у Ольховатки, за которую шел жаркий бой».

С точки зрения русских, высота 257 была ключом к участку обороны 17-го гвардейского стрелкового корпуса.

«...Противник снова перешел в наступление и попытался прорваться через нашу оборону на фронте от Понырей до Самодуровки.

Немцы атаковали здесь четыре раза, но каждый раз встречали хорошо организованный огонь из всех видов оружия.

Самые жестокие бои происходили на высоте 257.

...Три раза группами по 60—100 танков, одновременно с северо-востока и севера, противник атаковал высоту; немецкая пехота, несмотря на огонь обороняющихся частей, попыталась наступать вперед за танками к высоте. К 17.00 противник занял ее, это дальнейшее продвижение вперед было остановлено. На остальных участках фронта 17-го гвардейского стрелкового корпуса наступление противника было отбито.

Таким образом, 8 июля после жестоких боев германские войска были не в состоянии добиться значительного успеха. Последняя попытка прорваться в Ольховатку провалилась».

ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ

Из доклада советского офицера из этого района явствует:

«Противник занял Кашару, Кутюрку, Погореловцы и Самодуровку и, готовясь ко второй лобовой атаке, двинул 200 танков и моторизованную пехоту в направлении Теплого.

1-я и 2-я батареи погибли, но не отступили ни на шаг. Уничтожено сорок танков. В первом батальоне противотанковых ружей 70 процентов потерь.

2-я и 3-я батареи и 2-й батальон противотанковых ружей готовились к встрече противника. Я связался с ними. Будет бой. Мы либо выстоим, либо погибнем. Мне нужны боеприпасы. Я ввел в бой все свои резервы. Жду вашего приказа».

Озабоченность, высказанная здесь, окрашена уверенностью удерживать позицию любой ценой, и русские это сделали.

Отсутствие настоящего успеха 8 июля заставило Моделя тратить драгоценное время на следующее утро на перегруппировку своих сил для решительного штурма Ольховатки. И снова немцы будут рваться вперед, мимо обугленных свидетельств своих прежних неудач в виде останков людей и техники в попытках достичь своей цели.

Почти 300 танков и штурмовых орудий 2, 4 и 20-й танковых дивизий готовились сделать последнее усилие и прорвать оборону русских. Солдаты 6-й пехотной дивизии, которые собирались обеспечить поддержку для бронетехники, слышали, как эшелоны пикирующих бомбардировщиков «Штука» с предельно малых высот обрушили многие тонны осколочно-фугасных бомб на советские оборонительные позиции на склонах высоты 274. Тысячи немецких артиллерийских и минометных снарядов обуглили землю в этом новом Вердене.

При такой огневой мощи, обрушившейся на позиции русских, немцам казалось, что никто не может выжить и преградить им путь. Когда разорвался последний снаряд, а бомбардировщики улетели, воцарившаяся на мгновение тишина была прервана ревом двигателей танков, возвестивших о своем появлении также металлическим скрежетом сотен гусениц. Русские артиллеристы стояли наготове, пристально вглядываясь в ряды «гитлеровских бандитов», двигавшихся на них.

В считанные минуты немецкая пехота оживила в памяти опыт своих отцов на Западном фронте в Первую мировую войну, который учил, что артиллерийского огня для расчистки пути недостаточно. Повсюду солдаты падали, пораженные русскими минами и пулями, но продолжали рваться вперед. В течение второй половины дня солдаты 6-й пехотной дивизии атаковали оборонительные позиции советских войск, углубившись в лабиринт траншей с колючей проволокой, сражаясь с русской пехотой.

Перегруппировка Моделя дала советским войскам время подтянуть резервы, в частности 162-ю стрелковую дивизию. Именно в сражении против свежих сил немцы потерпели поражение. Было очевидно, что северные клещи операции «Цитадель» были недостаточно острыми, чтобы зажать Красную армию. Сталин и Жуков были уверены: 12 июля войска Брянского и Западного фронтов должны начать наступление на Орловский выступ.

В донесении советского командования отмечалось: «11 июля противник перешел к обороне по всему фронту и начал собирать свои потрепанные танковые дивизии в ближнем тылу для последующей переброски и действий против сил Брянского фронта».

Попытка 9-й германской армии прорвать советские оборонительные рубежи потерпела полный провал. Теперь все надежды немцев были связаны с Манштейном и с группой армий «Юг».

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 15 июля 1943 года

На Орловско-Курском направлении противник, перейдя 5 июля в наступление, в течение ряда дней пытался прорвать советскую оборону. Немцы понесли огромные потери в живой силе, танках, самолетах, но успеха не добились. Обескровленный враг был вынужден перейти к обороне.

Последняя неудача Моделя в миниатюре отражала тщетность усилий немцев в ходе Курской операции. За шесть дней войска Моделя продвинулись не более чем на 15 километров. Несмотря на то, что в жертву богу войны было принесено около 50 тысяч человек и 400 танков, немцам не удалось пробить даже советскую тактическую оборону. Хотя обороняющимся советским войскам был

нанесен огромный урон, о выходе на оперативный простор можно было только мечтать. Если к 8 июля у немцев и остались какие-то надежды на успех под Курском, то это тяжкое бремя легло на плечи армады Гота, сражавшейся в десятках километров к югу. Неудача Моделя сделала задачи Гота еще тяжелей и еще амбициозней.

...На десятый день фашистское наступление выдохлось. Стрелковые полки нашей 55-ой дивизии были подтянуты к участку фронта, где уже девять дней, находясь в составе 13-й армии, вел тяжелые оборонительные бои наш 84-й артиллерийский полк. Дивизия получила приказ уничтожить противника, прорвавшегося в район Поньрей.

ПАЛИ ГЕРОЙСКОЙ СМЕРТЬЮ...

Судьба 6-го танкового корпуса генерала Гетмана на 10 июля наглядно очерчена в секретном тогда советском докладе:

«Изолированные и раздробленные на отдельные группы танков 200-я и 112-я танковые бригады были окружены в районе севернее Березовки, где в течение всего дня сражались с танками и пехотой противника. Только ночью им удалось соединиться с основными силами 6-го танкового корпуса. В результате боев 10 июля 6-й танковый корпус понес тяжелые потери и насчитывал в своих рядах только 35 танков и 10 противотанковых орудий. Отойдя к линии Новоселовка-2 — Новенькое, корпус в два раза сократил фронт обороны (с 20 до 10 километров) и снова восстановил свою разрушенную оборону».

Генерал Гетман детально описал итоги боевых действий корпуса:

«Многие красноармейцы и командиры пали геройской смертью за пять дней этой яростной битвы. Сотни солдат были ранены и вывезены в тыл. Особенно тяжелые потери мы понесли в вооружении. К концу 10 июля остались в строю не более пятидесяти танков, более половины из них — легкие, и три батареи противотанковых орудий, две в 6-й мотострелковой бригаде и одна — в 22-й танковой бригаде. Части усиления — 60-й танковый, 270-й и 79-й полки гвардейских минометов, две батареи самоходных орудий, а также подразделения 1-й и 10-й механизированных бригад — также были сильно ослаблены.

Тем не менее мы продолжали сопротивление врагу. Усеяв поле сражения сотнями сожженных и уничтоженных танков и

орудий и тысячами трупов, врагу удалось сдвинуть линию нашей обороны на несколько километров. Его попытки захватить полностью деревню Новенькое и продвинуться еще в северном и западном направлениях провалились. Встретив организованный встречный огонь, с наступлением темноты он прекратил атаки. Но, разумеется, только для того, чтобы иметь возможность возобновить атаки свежими силами. Понимая это мы подготавливались к новым боям.»

КОМБАТ СЕРГЕЙ ЗЕМЛЕНУХИН⁴

При наступлении на Северо-западном фронте продвижение измерялось сотнями метров, редко — километрами. А здесь уже к исходу первого дня стрелковые полки дивизии ворвались на станцию Поньри, на второй день освободили местечко полностью, а в течение следующих трех дней отбили у противника больше десятка сел и деревень, уничтожив свыше 30 танков и истребив несколько тысяч солдат и офицеров противника!

Но погибло и немало наших бойцов. Особенно поразила меня гибель командира 76-мм батареи нашего дивизиона бывшего студента индустриального института капитана Сергея Земленухина, который пал от вражеской пули. Это был опытный командир, прошедший тяжелую школу боев на болоте Сучан и под Горбами.

В день его гибели рядом с ним был восемнадцатилетний командир взвода управления батареи лейтенант Володя Сармакешев, недавно прибывший к нам в составе пополнения. «Как сейчас помню, — вспоминает он, — наш наблюдательный пункт, отрытый на широком ржаном поле и замаскированный снопами колосьев, свист фашистских снарядов, близкие разрывы и четкие команды комбата, корректировавшего огонь нашей пушечной батареи.

А потом короткими перебежками мы двинулись за наступающей пехотой — капитан Земленухин, я, наши артиллерийские разведчики и связисты, тянувшие телефонный провод. Была с нами и санинструктор Сима Рыжкова. Высокая рожь — хлеба в то лето вымахали на удивление — скрывала нас от гитлеровцев. В ста метрах от покинутого нами наблюдательного пункта наткнулись на группу наших бойцов, пораженных фашистским снарядом. Один из них, узбек, лежал ничком, прижав руки к искром-

⁴ Воспоминания В.Сармакешева.

санной осколками груди. Сквозь стоны можно было разобрать отдельные слова:

— Советская власть... надо помогать!.. Помогать надо!..

Наша санинструктор Сима Рыжкова, совсем еще молоденькая девчонка, склонилась над ним, торопливыми движениями разрывая индивидуальный перевязочный пакет. Солдат замолчал...

Едва мы вскочили в первую линию оставленных фашистами окопов, как хлесткие автоматные и пулеметные очереди ударили в бруствер траншеи. Натолкнувшись на труп лежавшего в окопе фашистского солдата, я выхватил из его безжизненной руки шмайсер и стал посылать короткие очереди туда, откуда били фашистские пулеметы. Брошенная кем-то из бойцов граната разорвалась у огневой точки. Затих пораженный взрывом вражеский пулеметчик. Еще несколько прыжков, короткие всплески автоматных очередей, чьи-то крики, еще несколько хлопков-разрывов гранат — и мы уже хозяева второй линии траншей.

И тут я увидел перекошенное криком лицо разведчика Капустина.

— Лейтенант, капитана нашего! В живот, пулей! Скорее, зовет!

Я подбежал к Сергею. Он лежал на спине. Закусив губу и тяжело дыша, капитан едва мог сдержать рвущиеся из горла стоны. Наскоро положенная повязка пропиталась кровью. Сима Рыжкова склонилась над ним, затем выпрямилась, отбросив в сумку с красным крестиком на брезентовом клапане пустой шприц.

— Несите, скорее...

Бойцы приподняли края плащ-палатки.

— Стойте, — хрипло сказал Сергей. Губы его кривились от невыносимой боли, по лбу струились капельки пота. — Стойте!.. Ну, пацан, — обратился он ко мне, — ну, пацан, команду! Иди вперед!.. Пехоте пушки нужны! Связь... — Он задохнулся, закрыл глаза. Слабо махнул рукой:

— Несите...

Я нагнулся над Сергеем, сунул ему под голову оказавшийся под рукой скомканный вещмешок. Не открывая глаз, он выдавил из себя:

— Недолго повоевали с тобой, лейтенант. Не подведи...

Это были последние слова капитана Сергея Земленухина, командира 2-й пушечной батареи 1-го дивизиона, 84-го артполка,

которые довелось мне услышать. Бойцы вынесли его в медпункт, оттуда передали в медсанбат. Несколько часов врачи боролись за жизнь командира. Пули ударили в живот, раздробили позвоночник. Через несколько дней Сережи не стало. Не стало первого моего боевого командира. «Пацан, иди вперед!» — так он мне сказал при нашем прощании. Ему было двадцать шесть, мне — семнадцать.

Во все тяжелые минуты жизни на фронте и потом мне прибавляли силы те слова, сказанные командиром. Тяжело раненый, на самом краю своей жизни, он думал о других, думал о своем долге солдата».

Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, используя заранее подготовленные укрепления, переходя в контратаки с поддержкой танков, самоходок и бомбардировочной авиации. Наша дивизия после первых дней наступления лишилась почти половины своего состава⁵. И все-таки наступательный порыв бойцов и офицеров был исключительно высоким. Дивизия неудержимо шла вперед.

«НЕ ДРОГНУЛИ НИ РАЗУ»⁶

...Зайюльев вызвал меня из полка на НП.

Накал боя нарастал с каждым часом. Несколько раз немцы бросались в контратаку, но каждый раз отступали с большими потерями. Они вызвали авиацию. Вначале послышался тяжелый гул бомбардировщиков, а еще через несколько секунд — оглушительные разрывы фугасок. Потом опять появились густые цепи наступающего врага...

Едва была отбита эта контратака, все присутствующие на НП командира дивизии с облегчением вздохнули. Но тут на пригорке показались немецкие танки.

Три... пять... десять... четырнадцать... И вот уже не сосчитать.

Я впервые вижу такое большое количество танков. Зайюльев кладет бинокль и, поворачиваясь к начальнику артиллерии, говорит:

— Ну, бог войны, давай подвижной заградительный огонь!

Еще несколько минут, и на пути танков встает заслон взрывов.

⁵ Со слов начальника медсанбата дивизии Лугового погибло более 700 человек, ранено около трех тысяч.

⁶ Н.Б.Ивушкин. "За все в ответе". Стр.82-84

«Тигры» останавливаются. Потом часть из них отделяется и, обтекая рубеж заградительного огня, ползет к окопам.

Артиллеристы ставят завесу огня перед самыми окопами. Облака дыма и пыли заволокли все — стали непроницаемы для глаза. Время будто остановилось. Каждая секунда кажется вечностью. Но вот дым чуть развеялся и уже ясно: одни «тигры» горят на поле боя, другие повернули восвояси. С НП командира дивизии видно, что наши соседи справа и слева так же ведут напряженные бои. Всюду пылают факелами вражеские танки...

И в небе кипит бой. Стремительные «яки» атакуют тяжеловесных «юнкерсов», отгоняют «мессеров». Один за другим валятся вниз немецкие самолеты, оставляя черные хвосты дыма. Впервые за время войны я вижу воочию превосходство наших соколов над авиацией противника. Может, для участников боев на Волге и на Кубани это и не новость. Но для нас, прибывших с Северо-Западного фронта, — открытие.

Сколько раз и в первые месяцы войны и летом 1942 года, когда мы вели бои на демянском плацдарме, немецкая авиация безнаказанно бомбила нас... Вера в то, что мы летаем «лучше, дальше, быстрее всех», воспитанная в мирные дни, тогда испытывала жестокие удары. На настойчивые вопросы бойцов: «Где наша авиация?» мы, политработники, отвечали неубедительно, потому что и сами еще не знали трагедии первого дня войны, когда было потеряно 1200 самолетов (большинство из них враг уничтожил на аэродромах).

Оправиться от таких потерь было нелегко. Нелегко было и создать новые типы самолетов, которые бы превосходили по своим качествам вражеские. Авиационная промышленность, перебазировавшаяся на Восток, на первых порах не могла удовлетворить запросы фронта. А гитлеровцы кружили над дорогами, над полями боев, порой гонялись даже за отдельными машинами.

Но вот и кончился их срок. Несмотря на то, что враг сосредоточил на Курской дуге могучие воздушные армады, мы оказались сильнее. И как это было здорово: не только читать, слышать, но и убедиться самим, на собственном опыте, что отныне наша авиация — хозяин неба.

Мы давно потеряли счет времени, а бой не утихал ни на минуту. Не считаясь с огромными потерями, противник продолжал вводить в бой все новые и новые силы.

Этот день можно смело назвать днем величайшего напряжения духовных и физических сил для всех бойцов и командиров дивизии. Наши ряды сильно поредели, но не дрогнули ни разу, ни на один момент.

В первом батальоне 111-го полка в одной из рот выбыли из строя все офицеры. И тут же, не допустив замешательства, командование взял на себя рядовой боец Василий Конев.

Части дивизии не только отразили все контратаки, но и продвинулись вперед.

Уже в сумерках мы с Заиюльевым оставили НП и направились на командный пункт. Спало нервное напряжение, и сразу почувствовалась смертельная усталость. Однако было не до отдыха.

ПОЕДИНКИ С «ТИГРАМИ»⁷

Пушечные батареи нашего 84-го АП поддерживали стрелковые подразделения «огнем и колесами»: орудия выкатывались на передовую и прямой наводкой били по немецким огненным точкам и танкам.

В нашем дивизионе отличился капитан Петр Николаевич Кудинов — только что назначенный заместителем Новикова — и орудийные расчеты младших командиров Прокудина, Сергунина и Долгова.

На Северо-Западном фронте капитан Кудинов находился в штабной батарее полка. Еще до войны он закончил военную школу, стал командиром-артиллеристом. Участвовал в боях на границе в 1941 году и был ранен. Донской казак по происхождению, он был сильным и отважным человеком. В то же время его отличали ум, большая находчивость, энергичность и заботливое отношение к подчиненным. Последнее качество было, пожалуй, сильнее всех. Капитан как никто умел беречь своих людей. И не тем, что не посылал бойцов в опасные места — на фронте это невозможно, — а тем, что исключительно умело выбирал огневые позиции для орудий, требовал от подчиненных всех мер маскировки и надежного укрытия орудий, никогда не терялся и своевременно принимал единственно правильные решения, спасавшие жизнь людей.

Бойцов и командиров привлекала и его внешность — крепкий, ладно скроенный, с живым, чуть насмешливым взглядом. Капи-

⁷ Из воспоминаний Б.Н.Малиновского о боях на Курской дуге.

тан не лез за острым словом в карман, оно было у него на языке, заранее готовое шуткой остудить или поддержать собеседника. И по своему внешнему виду, и по действиям он всем, в том числе и мне, казался старше своих лет, хотя был моим сверстником.

В ночь на 17 июля командование предупредило Кудинова, что утром ожидаются «тигры». Под руководством капитана огневики работали всю ночь: надежно укрыли боеприпасы, углубили и замаскировали укрытия для орудий и расчетов.

...Утром из недалекой ложины, одна за другой, медленно, как бы осматриваясь, появились четыре неуклюжие бронированные машины с длинными стволами пушек. За ними бежали вражеские солдаты.

Кудинов распределил первые три «тигра» между орудийными расчетами и, когда они приблизились метров на восемьсот, приказал открыть огонь. Навстречу танкам понеслись бронебойные трассирующие снаряды. Было видно, как некоторые попадали в цель, но отскакивали от мощной лобовой брони. «Тигры» открыли ответный огонь и подбили орудие старшего сержанта Долгова. Кудинов приказал подложить под ось поврежденной пушки ящики от боеприпасов. Батарея продолжала вести огонь, но он по-прежнему был безрезультатен.

Танки подходили ближе и ближе. Наступали те минуты, когда проверяются воля и мужество командира и бойцов. И двадцатидвухлетний капитан не растерялся: приказал командиру орудия Сергунину быстро перекатить орудие на триста метров в сторону и вперед, чтобы встретить приближавшиеся машины стрельбой в борт. Уверенные действия капитана сняли нервное напряжение с бойцов. Оставшиеся два орудия подожгли первый вражеский танк, он задымил и остановился. Остальные танки двигались к батарее, продолжая ее обстреливать. Поврежденное орудие совсем свалилось на бок, расчет уже не мог справиться с ним... Была подбита и вторая пушка...

Танки медленно продвигались вперед, жестоко обстреливая обнаружившую себя батарею. Положение казалось безнадежным. По счастливой случайности бойцы обоих расчетов не пострадали. Кудинов приказал всем взять противотанковые гранаты и спрятаться в окопах. Но тут загрохотали выстрелы слева. Расчет Сергунина быстро выполнил маневр и встретил приближавшие-

ся танки стрельбой в борт. Два танка были подбиты, последний поспешил укрыться в овраг.

...По-иному закончился поединок с «тиграми» батареи капитана Воскобойника. Прилетевшие «юнкерсы» разбомбили орудия, которые вели огонь по вражеским машинам. Оставалась только четвертая пушка старшины комсомольца Ивана Новикова. Расположенная немного в стороне, она была укрыта во ржи и хорошо замаскирована. А на случай обнаружения противником ее расчет заранее подготовил две запасные огневые позиции.

Семь «тигров» и два «фердинанда» ринулись на замолчавшую после бомбежки батарею... К счастью, старшина был опытным командиром. За бои под Москвой и Сталинградом он уже имел награды: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». За месяц перед боями Новиков вступил в комсомол. Его расчет считался образцовым. Орудие и бойцы стали единым целым. Обращение с пушкой было доведено до автоматизма. Каждый мог заменить любого из товарищей. В прошедших ранее боях расчет достиг такой скорострельности, что казалось, орудие заряжается автоматически. Словом, это был боевой расчет образца 1943 года, прекрасно владевший маневренным, легко маскируемым 76-миллиметровым орудием. Кстати сказать, в первые дни и месяцы войны дивизионные пушки были другие: имея высокий лафет, они легко обнаруживались противником. Бойцы про них говорили с горькой иронией: «Гроза танков, смерть расчету».

На боевом пути расчета «тигры» и «фердинанды» встречались не впервые.

Увидев рвавшиеся к батарее танки, Новиков скомандовал:

— Расчет, к бою! Прямой наводкой, по ближнему танку, бронбойным, прицел... наводить под башню! Огонь!

Наводчик Смагин мгновенно выполнил приказ командира. Прогремел выстрел. Но танк продолжал идти вперед.

— Наводи точнее! Огонь! — спокойно скомандовал Новиков. После этого выстрела из остова машины повалили клубы дыма. Однако второй танк продолжал идти вперед.

Выстрелами срезало и разметало рожь, скрывавшую орудие. Его заметили оставшиеся на бугре «фердинанды» — и рядом с орудийным окопом стали рваться снаряды. Осколком ранило наводчика Смагина. Его наспех перевязали и уложили в ровик, а

орудие на руках потащили во второй окоп. Высокая рожь скрыла передвижение, и расчет вышел из-под обстрела.

С новой позиции танки просматривались хуже. Заменявший Смагина боец Хисматулин сделал два выстрела, и оба безрезультатно. Но вот два танка поднялись на гребень холма и стали видны почти полностью. По команде Новикова Хисматулин навел орудие на башню левого «тигра». После второго выстрела танк развернуло, и он врезался в идущую рядом машину. Раздался мощный взрыв. Новиков хотел крикнуть наводчику что-то одобряющее, обернулся к нему, но воздушной волной близкого взрыва был опрокинут на землю.

Очнувшись, командир увидел, что Хисматулин лежит рядом убитый. Снаряды продолжали рваться поблизости. Из расчета остались только он и подносчик снарядов Паршин. Вдвоем они перекатали орудие на последнюю запасную позицию. Тащить по рыхлой земле было страшно тяжело, и оба без сил свалились в вырытый рядом ровик. К счастью, почувствовав отпор, «тигры» пришли в замешательство и на какое-то время замедлили движение. Теперь они шли медленно, высматривая недобитое орудие. Но вот один, осмелев, увеличил скорость и стал быстро приближаться к батарее.

Новикову, наблюдавшему за танком через прицел, казалось, что «тигр» совсем рядом. Он видел, как ствол на башне танка стал разворачиваться прямо на него, сверкнул огнем. Разорвавшимся сзади снарядом ранило Паршина, который успел поднести Новикову еще один снаряд.

Летающие осколки заставили старшину прижаться к земле. Но он понимал, что надо немедленно выстрелить и подбить надвигающуюся на пушку грозную машину. Новиков вскочил, стремительно и как-то сразу, одним движением, точно навел прицел на башню танка и рванул спусковой механизм, успев заметить, что орудие «тигра» выстрелило одновременно. Тут же страшный удар лишил его сознания.

Первое, что он увидел, когда очнулся, были дергающиеся в конвульсиях ноги лежащего чуть сбоку умирающего Паршина. С невероятным трудом приподняв голову, старшина увидел, что они оба оказались под станиной своего орудия, которое перевернулось от взрыва выпущенного «тигром» снаряда. Прислушавшись,

понял, что танк им подбит — лязганье гусениц сменила зловещая тишина; на несколько мгновений отодвинулась в сторону боль... А затем непосильная, давящая сверху тяжесть снова затмила сознание. Больше Иван Николаевич ничего не помнил.

В страде боев не все сразу становилось известно. В полку посчитали, что Новиков убит, и родители получили похоронку. Тридцать лет спустя я услышал этот рассказ из уст самого Ивана Николаевича Новикова! Не мне, а детям Поныровской школы, разыскавшим ветерана и пригласившим его на встречу в дни тридцатилетия Курской битвы, рассказал бывший старшина об этих событиях.

ПОСЛЕ БОЙНИ В ПОНЫРЯХ. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

Никогда не забуду, как в один из дней в разгаре сражения в Понырях пробирался через поле с несжатой рожью, где только что прошел танковый бой. Хлеба в то лето уродились на курской земле на славу — рожь стояла высокая, почти в рост человека! Но от поля мало что осталось. Безжалостно исполосованное гусеницами сотен тяжелых машин, оно хранило память о последних минутах смертельного поединка. То там, то тут виднелись остовы сгоревших немецких и наших танков. Стоял сильный запах гари. Во ржи лежали убитые: и немцы, и наши — их еще не успели убрать. На лугу за рожью выстроились нескончаемые шеренги сбитых и покореженных березовых крестов: кто-то из танкистов в азарте боя проутюжил гусеницами последнее пристанище оккупантов. Рядом, в глубоком овраге — огромный штабель трупов фашистских солдат. Видимо, во время отступления враги не успевали хоронить. Подошел поближе и увидел раздутые, покрытые жуками и мухами трупы. Вонь стояла ужасная! А посмотреть надо: это же враги лежали. Когда-то наглые, самоуверенные, безжалостные, поставившие на колени почти всю Западную Европу, считавшие себя непобедимыми. Одного из солдат, видимо, похоронить все-таки успели — из земли торчал березовый крест. Я прошел почти рядом с ним и прочитал надпись — фамилию, даты рождения и смерти. День и год рождения совпадали с моими. Каждому ровно 23 года! Выходит, встретился с ровесником! Туда ему и дорога! А для остальных и березового креста не будет! Символическая встреча...

На третий или четвертый день нашего успешного продвижения вперед начальник штаба капитан Агапов и я пробирались к новому расположению штаба дивизиона. Мы спустились по отлогому широкому дугу. Он простирался километра на два-три и упирался в речушку, которая разделяла наши и вражеские войска. За речушкой снова шло ровное, хорошо просматриваемое поле. Мы шли открыто, не маскируясь, считая, что снайпер нас не достанет, да их здесь и не должно было быть у гитлеровцев, враги ведь еще только обживали передний край, а снаряды или мины на двоих тратить никто не станет. Внезапно раздался пронзительный свист над головой, и сзади что-то сильно ударило по земле, но взрыва не последовало. С вражеской стороны долетел негромкий звук выстрела. Немного полежав, мы встали и снова пошли вперед — необычный обстрел нас не испугал. Снова просвистело, и впереди, совсем близко, снова ударило по земле. Значит, метили в нас, но непонятно чем, такого на северо-западе не было...

— Озверели гады! — крикнул мне капитан, упавший, как и я, в густую траву. — Из танка бронебойными болванками стреляют... Подождать надо!

Минуты через три-четыре решили дальше продвигаться по одному, короткими перебежками. Первым вскочил Агапов. Но не успел отбежать и десяти метров, как снова свистнуло и ударило по земле снарядом, а вслед за этим, почти одновременно, раздался звонкий залп стоявших неподалеку противотанковых орудий. Когда потом снова стали продвигаться вперед, никто нас уже не обстреливал. Молодцы артиллеристы! Видно, давно выслеживали обнаглевшего, зарывшегося в землю «тигра»: покончили с ним одним залпом. Кстати, это были последние дни пребывания начальника штаба Агапова в нашем дивизионе. Его опять понизили в должности, на этот раз назначив командиром батареи. Через несколько дней он был ранен, но перед этим успел отличиться — когда убило наводчика, сам встал у орудия и с первого же выстрела подбил «тигра». За этот бой капитан был награжден орденом Красной Звезды. Его дальнейшая судьба мне не известна.

НАСТОЯЩАЯ ХРАБРОСТЬ

...Как-то, когда наша дивизия преследовала противника уже далеко за Поньрями, я пришел на НП дивизиона. Стоял жаркий летний день. На передовой было временное затишье. Пользуясь этим, разведчики лежали в нескольких метрах от блиндажа, подставив носы под лучи солнца. У входа сидел связист. Мартынов лежал в стороне от всех, метрах в пятнадцати. Вдруг на склоне высоты разорвалась мина. Все бросились в блиндаж. Подбегая к укрытию, я взглянул на Мартынова. Он не шевелился. «Спит, — подумалось мне. — Надо разбудить». Бросился к нему с криком:

— Николай! Обстреливают! Бежим в блиндаж!

Мартынов повернулся с боку на бок, зевнул и громко, чтобы слышали разведчики в блиндаже, сказал:

— Меня не убьет!

И сейчас, когда пишу эти слова, слышу его спокойный, с небольшой хрипотцой голос. Разорвавшаяся сзади нас мина засыпала кусты осколками. Я не стал рисковать и спрятался в блиндаж. Обстрел продолжался. Мины то и дело рвались на высоте — слева, справа, впереди и сзади нашего укрытия. Мартынов «выдерживал характер». Минут десять-пятнадцать пролежал он под секущими кусты осколками, пока не кончился обстрел.

Те, кто был на фронте, могут представить, как такое поведение действовало на людей. Не зря любили разведчики Николая Тимофеевича! Много такое бесстрашие значило на войне, где человек становился комком обнаженных нервов! Но, если говорить о характере Мартынова, то это не все. Он не был безрассудно храбрым!

Много позднее, уже в Белоруссии, я оказался случайным свидетелем другой картины. Как-то пришлось мне идти по плохо замерзшему, запорошенному снегом, с редкими кустами болоту. Впереди себя увидел быстро идущего человека. Внимательно приглядевшись, узнал Мартынова. В этот момент с вражеской стороны прозвучали орудийные выстрелы, и сзади нас шлепнулись в болото и глухо разорвались два снаряда. Падая на землю, я увидел, как одновременно со мной упал и Мартынов. Потом мы так же одновременно вскочили и побежали вперед и снова упали на сырую кочковатую землю болота при следующем снаряде. Мартынов был немного дальше меня от разрывов, но вел себя так же, как и я. На этот раз он был один и, зная об этом, не хотел рисковать своей жизнью.

Чтобы завершить разговор о храбрости, приведу несколько строчек из письма командира батальона одного из стрелковых полков дивизии Василия Ивановича Турчанинова:

«В годы войны я заметил такой факт: как правило, солдаты, сержанты и офицеры, в повседневной жизни ничем не выделяющиеся, тихие и спокойные, в бою ведут себя храбро, показывают образцы бесстрашия, и наоборот: демагоги, всезнающие хвастуны зачастую в сложных ситуациях теряют головы и могут совершить предательство.

В батальоне, которым я командовал, был офицер, лейтенант Г.⁸ Парень очень хвастливый, по его рассказам, он сам мог победить Германию. А вот когда в бою под мызой Картужи немцы перешли в контратаку, Г. струсил, оставил взвод и сам убежал назад в лес. Взвод погиб.

И наоборот, был в батальоне командир роты старший лейтенант Куйкубаев. Любил помолчать, о своих победах никогда не говорил, но был безмерно храбр и одновременно рассудителен. Рота под его командованием всегда отлично выполняла боевые задания. И таких примеров можно было бы приводить много».

Мне остается добавить, что написавший эти строки сам был примером скромности и бесстрашия одновременно.

Чем дальше от Понырей продвигались наши войска, тем слабее становилось сопротивление противника. Гитлеровцы оставляли деревню за деревней, боясь, очевидно, попасть в окружение. Это были уже не те веселые курские села, через которые мы проходили перед наступлением. В некоторых совсем не было молодежи — фашисты угнали ее в Германию. Попадались села, где окна были заколочены досками. Эпидемия тифа опустошила их.

НЕЗРИМОЕ, НО ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ

Иногда полк отставал от пехоты, и тогда нарушалась связь с передовой. Но все равно артиллеристы делали свое дело. Помню, как-то во время ночного марша из штаба полка нам передали по радиации, что на шоссе, по которому противник отводил технику, скопилось много танков, машин и артиллерии. Было приказано немедленно произвести массированный огневой налет. Начальник штаба капитан Воскобойник, сменивший Агапова, приказал

⁸ Я решил не указывать фамилию. — *Авт.*

огневикам развернуть орудия, а мне — подготовить данные для стрельбы. Орудийные расчеты не заставили себя ждать, я тоже; через считанные минуты шквал орудийного огня заставил всех вздрогнуть. Спустя день, проезжая место обстрела, увидели результаты «работы» дивизиона — на обочинах шоссе валялись разбитые автомашины, орудия, неубранные трупы гитлеровцев. В сражении на Курской дуге проявился, как никогда раньше, накопленный за войну боевой опыт наших солдат и командиров — незримое, но главное оружие, которое вкладывает в руки людей война. Фашистские войска в 1941 году имели это оружие. Теперь оно появилось и у нас! С избытком!

В конце боев, когда, казалось, уже мало что нам угрожало, мы потеряли комбата — старшего лейтенанта Панкратова, всеобщего любимца и весельчака, и чуть было не лишились Мартынова. Перед наступлением они укрылись в блиндаже с накатом из бревен и земли. После нашей артподготовки, когда роты пошли вперед, враг открыл огонь из тяжелых орудий. Один из снарядов угодил в угол блиндажа, но не разорвался, а своей ударной силой развалил накат. Как потом оказалось, в этом углу сидел Панкратов. Мартынова завалило бревнами и песком. Правую руку его зажало между бревнами, и она торчала наружу. Под тяжестью навалившихся бревен и земли, оглушенный ударом, он начал терять сознание... Обстрел продолжался. Когда прибежали командир дивизиона и разведчики, сидевшие в соседнем блиндаже, то, увидев торчавшую руку, первым откопали Мартынова.левой рукой он прижимал к груди оторванную снарядом голову Панкратова. Несколько дней Мартынов приходил в себя, — ему казалось, что голова все еще остается прижатой к его груди, — но в санбат не пошел, хотя дивизию отвели на отдых.

ЗАПОМНИЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Много значила в бою взаимовыручка! Не раз проявилась она и здесь, в боях на Курской дуге. Во время наступления на местечко Жирятино разведчик нашего дивизиона Петр Иванович Яценко, которому тогда шел девятнадцатый год, оказался на минном поле. Он понял это только тогда, когда неподалеку почти одновременно раздались два взрыва и его обдало пороховой гарью. Инстинктивно он упал на землю. Осмотревшись, увидел, что из

пяти солдат минометного расчета, бежавших справа от него, поднялись только трое. Два солдата, очевидно, были ранены и лежали на земле. Боясь сделать неверное движение, он застыл на месте, а потом, решившись, стал пробираться к потерпевшим. Состояние предельного напряжения, когда он шел по минному полю и после перевязки раненых выводил их с опасного места, с трудом отыскивая свои следы, запомнилось ему на всю жизнь.

Через три дня тяжело ранило самого Ященко. Он потерял сознание. Очнулся в медсанбате. Уже после войны, в год сорокалетия битвы на Курской дуге, надеясь найти неизвестных спасителей, Ященко рассказал об этом случае на встрече ветеранов дивизии. Мне особенно запомнилась последняя его фраза: «Когда увидел раненых солдат, подумал — если не помогу им, то и мне, если что случится, не помогут. Поэтому так поступил. И не ошибся!»

Боевая обстановка, к сожалению, не всегда давала возможность своевременно вынести раненых с поля боя. Так случилось и при наступлении на село Старая Рудня на той же Курской дуге. В жестоком бою за село солдаты 228-го полка нашей дивизии понесли большие потери. На следующий день гитлеровцы окружили, а потом захватили село. Дома и сараи были заполнены ранеными. Остатки нашей роты едва вырвались из окружения. Среди них были старший сержант связной командира роты Михаил Андреевич Шмытько и автоматчик Федор Яковлевич Щербин. Когда на следующий день село было отбито, среди оставшихся семидесяти раненых солдат не было ни одного живого — враги добились их. Шмытько поручили собрать документы, ордена и медали погибших. Рассказывая этот случай мне, он с волнением вспоминал, как нес в штаб два вещмешка — с документами и орденами...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 17 июля 1943 года

На Орловско-Курском направлении наши войска продолжают активные боевые действия. Противник оказывает отчаянное сопротивление, используя зарытые в землю танки. Атаки, предпринятые советскими войсками, завершились взятием ряда населенных пунктов. За два дня боев наши войска полностью восстановили положение, занимаемое ими до начала немецкого наступле-

ния, т.е. до 5 июля сего года. Таким образом, под ударами наших войск немцы оставили все, что им удалось захватить ценой неслыханных потерь живой силы и техники за восемь дней наступления.

Продвигаясь вперед, наша дивизия прошла долгий путь. Но вот и передышка. Надо было привести себя в порядок, получить пополнение.

Многих солдат и офицеров наградили орденами. За умелое и решительное руководство боевыми действиями командир нашего дивизиона Новиков получил орден Александра Невского. Начальника разведки Мартынова, очень много помогавшего Новикову, наградили орденом Красного Знамени, капитана Кудинова — орденом Отечественной войны I степени. Среди названий частей — участниц Курской битвы, которые сейчас можно прочитать, побывав на месте бывшего командного пункта фронта, где воздвигнут величественный мемориал участникам сражения, название нашего 84-го АП встречается дважды: в составе частей 13-й армии, отражавшей натиск врага на Поныри, и в составе 65-й армии, с которой мы завершали наступление, находясь уже вместе со своей дивизией.

Конечно, тогда мы еще не могли в полной мере оценить значения победы на Курской дуге. Позже стало известно, что «советские войска в ходе этой битвы разгромили 30 дивизий, вермахт потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. самолетов... Из 20 танковых и моторизованных дивизий, принимавших участие в битве под Курском, 7 оказались разгромленными, а остальные понесли значительные потери».⁹ От таких потерь гитлеровская армия уже оправиться не могла.

«УЧИТЬСЯ, КАК Я ВОЮЮ!»

Во время наступления на Курской дуге я и брат Лева с каждым днем приближались друг к другу. Наша дивизия двигалась в направлении Орла с юга, а его часть наступала на Орел с востока.

Получая письма от брата, я не раз думал: а вдруг и тут повезет на встречу? В войну возможность и несбыточность встреч близких людей определяли мгновения, цена времени неизмеримо воз-

⁹ История второй мировой войны 1941-1945. М. 1976, т.7, с.178

растала: перенасыщенное массой событий, оно словно спрессовывалось, позволяя случаю свершать, казалось бы, невозможное...

Может, и было до брата рукой подать, а — разминулись!

Уже после войны, когда я вернулся домой, отец дал мне присланные братом вырезки из фронтовых газет тех дней. На одной была фотография Левиного танка. Голова Левы в шлемофоне высывалась из открытого люка на оружейной башне. Во второй вырезке рассказывалось о комсомольском собрании: «...Парторг гвардии капитан Серов в своем докладе сказал: наши комсомольцы показали пример героизма и самоотверженности. В боях отличились тт. Беспалов, Белкин, Ющенко, Морозов. Высокую боевую выучку показал танковый экипаж комсомольца лейтенанта Малиновского. Многие из этих товарищей награждены правительственными наградами. После доклада комсомольцы рассказали о своих боевых делах, делились опытом работы. Командир танкового экипажа лейтенант Малиновский рассказал, как он подбил два танка противника. Его выступление комсомольцы встретили аплодисментами...»

На третьей газетной вырезке был помещен перечень фамилий награжденных. Среди них была и фамилия Левы. Он получил орден Отечественной войны II степени. Сбоку, на газетном поле, он своей рукой написал сестре, которая, закончив школу, собиралась поступать в институт: «Вот, Лелька, учись, как я воюю!»

Отец сохранил письмо Левы, написанное им на другой день после того боя:

«...Вечером под покровом темноты я со своей машиной поехал на помощь товарищам. Ночь и следующий день были относительно спокойны. 3 августа с утра началась артиллерийская подготовка. Немцы, видно, решили нас контратаковать. Иван тоже не бездействовал. Я со своими товарищами, замаскировались и стояли в засаде, поджидая немецкие танки и пехоту. Моя машина стояла под прямым углом ко всем остальным и немного позади в молоденьком соснячке — верхушки сосенок чуть-чуть прикрывали башню.

Обзор был замечательный. Насчет этого у других было хуже — они были в более высоких соснах. Во время артиллерийской подготовки частенько приходилось вылезать из машины и передавать полученные радиogramмы командиру. Все обходилось благополучно.

После проведенной артиллерийской подготовки и налета авиации противник пошел в контратаку. По бугру двигались пятнадцать немецких танков, за ними бежали группы автоматчиков. Какое было зрелище — глядеть, как ползут эти железные бронированные машины! Подпустив их ближе, примерно на 600 метров, я и все остальные открыли по ним огонь.

Первый же снаряд сшиб всю маскировку и верхушки ближайших сосенок воздушной волной. Стало хорошо видно этих гадов; зарядил бронебойным и с этого выстрела подбил и зажег один немецкий танк Т-1У. После этого сделал еще несколько выстрелов. Потом гляжу в прицел, а ничего не вижу. Пришлось вылезти из машины. Он, сволочь, заметил это и выпустил очередь из пулемета, но я быстро соскочил вниз.

Оказывается, это ветка сухая с листьями от старой маскировки упала; я ее палочкой вытащил, рукой нельзя было; стрелял, собака. Вскочил обратно в танк и дал им жару! Мой башнеф только успевал заряжать пушку. Подбил еще один танк. По другому бил, но его мой снаряд не брал. Оказалось, что это «тигр». Но и его потом подбили специальным снарядом. Жаль, что у меня таких не было, а то бы я его расчихвостил. Бой длился пять часов. За все это время мы подбили вместе с артиллеристами 21 немецкий танк, из них было 3 «тигра».

К вечеру, когда все немного стихло, нам привезли обед, а мы про него совсем забыли. Хотелось страшно пить; у меня даже верхняя рубашка была мокрая...»

Написанное карандашом и сложенное треугольником фронтное письмо... Его невозможно читать без волнения. Наверное, если бы собрать все эти драгоценные треугольники того времени, то получилась бы потрясающая эпистолярная эпопея. Сколько мужества, непреклонной веры в победу, ненависти и презрения к развязавшему войну фашизму встает за простыми строками, написанными рукой старшего брата!

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 4 августа 1943 года

На Орловском направлении наши войска продолжали наступление. Северо-западнее Орла немцы непрерывно бросали в контратаки пехоту, поддержанную танками,

самоходными орудиями и авиацией. Советские войска отразили все контратаки противника и нанесли ему большой урон. Подбито и сожжено 32 немецких танка и уничтожено до полка пехоты противника.

«ТЯЖЕЛАЯ У МЕНЯ РАБОТА»

В дни, когда наша дивизия, закончив наступление, была отведена на отдых, Лева все еще участвовал в боях. У родителей сохранилась его открыточка, написанная в августе, — всего несколько строк:

«...Все-таки я каким-то чудом еще жив и здоров и ничем не болею. Ваши письма, как я уже Вам писал, получил. Нам вороны с крестами тоже очень сильно пакостят. Во много раз больше Вашего. От них сильнее всего и достается. В последний раз (позавчера) осколком маленьким разорвало локоть у гимнастерки. Теперь и я уже ко всему привык, как и Борис. Только ведь наше дело много тяжелее, чем у него. Не знаю только как, но мне пока что везет. В машине насквозь пробиты два опорных катка, надтрансмиссионный люк и есть одна вмятина на башне. Пострадал, кроме всего, мой комбинезон. От него остались только клочки. Его разорвало осколками при бомбежке. Как видите, особенного ничего нет. Теперь бы только еще дальше прогнать фрицев. Сегодня буду писать всем письма. Напишу и Борису. Он где-то рядом и, наверно, здорово воюет...»

Ад танковых сражений стоит за письмами брата...

Потери у танкистов в дни наступления были больше, чем в пехоте. От выстрелов танковой пушки воздух внутри машины наполнялся едкой пороховой гарью, становилось трудно дышать. Звуки выстрелов словно молотом били по голове. От ударов вражеских болванок по броне ее внутренняя часть откалывалась, и осколки летели во все стороны, поражая танкистов. А когда танк подбивали или поджигали, выбраться из машины на глазах у противника, не сгореть, помогало только чудо.

После войны я встретил Николая Крупина, учившегося с Левой и оказавшегося в годы войны в Горьком. Брат несколько раз приезжал в этот город за новыми машинами и заходил к нему. Был весел, рассказывал, как подбивал немецкие танки, как сам выбирался из охваченных пламенем машин. В последнюю встре-

чу больше молчал, а прощаясь, сказал: «Вряд ли увидимся! Тяжелая у меня работа!»

Дорогой Левушка! Ты как в воду смотрел — 15 декабря 1943 года тебя не стало... Погиб во время боя вблизи деревни Пыльки. В Иваново родителям прислали с нарочным похоронку, Орден Отечественной войны I-ой степени, фотографии Левы и меня, пробитые осколком, вынутые из кармана его гимнастерки. Брата наградили посмертно, в этот же день наградили и меня. Бог ошибся — поменял нашу участь. Брат был копией отца — почти двухметрового роста, «золотые руки» — делал самодельные фотоаппараты, радиоприемники, домашнюю утварь. Достаточно посмотреть на фотографии меня и брата — сразу заметно, насколько он превосходил меня по внешности, зеркале души — интеллекту. Братская любовь, дружба, доверие — не всегда возникает, а у нас всего этого было более чем достаточно...

То, что в этот день случилось с братом, я не знал, и получил письмо со страшным известием только через три месяца... Первым написал отец, потом мама.

ПИСЬМО ОТЦА

В конце марта меня вызвали к командиру дивизиона. В штабном блиндаже были Новиков, Мартынов и Коваленко. Мартынов обратился ко мне:

— Борис, мы получили письмо от твоего отца. Оно послано Беляеву, но касается тебя, я должен прочесть его тебе.

Он начал читать, а мое сердце уже подсказывало: что-то случилось севой!

«Иваново, 11 марта 1944 г.

Если около Вас сейчас Борис, то при нем это письмо не читайте (тогда эту фразу Николай пропустил).

Уважаемый товарищ Беляев. Здравствуйте!

На днях наша семья получила Ваше письмо. Вы прислали его в адрес жены. Спасибо за Ваши теплые строки, за Ваш привет, который Вы шлете нам с фронта. Вы пишете, что Вы с Борисом друзья, что его радости и горести являются такими же и для Вас. Нам, родителям Бориса, очень приятно знать, что у него в той тяжелой обстановке, в которой он находится вот уже 4-й год,

есть все же человек, с которым он может отвести свою душу: поговорить, посоветоваться, поделиться впечатлениями и т. п. и т. д. Без этого жить человеку тяжело. Вот эта Ваша близость к нему и дает мне основание написать данное письмо Вам. Как Вы решите, как Вы надумаете нужным сделать пусть так и будет. Нам издали этот вопрос решать трудно, а Вам виднее. Дело вот в чем. Нам Борис пишет довольно часто. Вчера мы получили от него последнее письмо с маленькой фотокарточкой¹⁰. Выглядит как будто неплохо. И в каждом письме он неизменно спрашивает, что пишет Лева.

Мать как-то ему написала, что сообщит адрес брата. Сейчас он этот адрес спрашивает. Но, дорогой товарищ, Борис еще не знает того страшного, ничем не излечимого нашего горя, которое мы переживаем вот уже три месяца. Наш бесценный, золото наше, Лева погиб 15 декабря 1943 года. Официальное известие об этом мы получили 11 января. Сил никаких нет, чтобы говорить об этом. И сейчас пишу Вам, а слезы душат горло и застилают глаза. Мы решили не писать об этом Борису. Если нам тяжело семьей переживать это горе, то ведь он там один, ему еще тяжелее. Так мы и не писали. Но тяжело быть и неискренним перед Борисом. На его вопросы приходится отмалчиваться. Письма получаются фальшивыми, а это неприятно. Вот я и обращаюсь к Вам, как к другу Бориса, просто за советом, как поступить? Писать ли о случившейся трагедии ему? Ведь это были такие братья-друзья, что я не знаю, кто еще так жил, как жили они. И это известие, конечно, для Бориса будет убийственным. Как Вы на это ответите, так мы и сделаем. Конечно, рано или поздно Борис и сам это узнает. А вот как сейчас? Мать боится, что, узнав о смерти Левы, он полезет на рожон, чтобы отомстить проклятым немцам, тогда мы и его потеряем, последнюю нашу надежду.

Лева погиб в боях под Невелем. Погиб почти случайно. Дело было так. Машина стояла в боевой готовности. Экипаж был на месте. Лева, как командир, пошел получить задание. И вот, возвращаясь, всего в двух метрах от машины попал под обстрел миномета. Был смертельно ранен. Оторвало носок, и весь правый бок был в ранах: не было живого места. Сказал: «Ранен», — и через 10 минут умер.

¹⁰ Это была копия снимка для партбилета, которую я выпросил и послал домой.

Ему навстречу из машины выскочил механик и был тут же убит. Двое остальных сидели в машине и уцелели. От них мы и узнали эти подробности. Лева посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Из штаба нам ответили, что его ордена будут присланы с нарочным. Пока еще не получили. Майор прислал сердечное письмо с прекрасным отзывом о Лева и подробную карту района, где он похоронен. Место могилы указано самым точным образом. Около деревни Пыльки Езерищинского района Витебской области, у опушки леса — северо-западнее деревни. На карте на том месте, где могила, поставлена звездочка.

Секретарь комитета комсомола пишет, что, как лучший комсомолец, Лева был представлен в кандидаты ВКП(б), и в последний бой шел уже партийным. Этого он сам нам еще не писал. Его последние письма всем были от 10 декабря, со стихами для Лели. Вероятно, этого числа и Борису писал. Всех поздравил с Новым годом, точно чувствовал. Хотя было еще рано. Мы теперь живем, не знаю и как. Что бы ни делали, в мозгу одна сверлящая мысль, что никогда уже не увидим своего Левушку. Знаем, что плачем горю не поможешь, но терпеть не можем. Получаем от всех и отовсюду, и от родных, и от знакомых, сочувственные письма, в которых все самым наилучшим образом вспоминают Леву. Вот Вы, дорогой товарищ, и разрешите наш больной вопрос. Если скажете, что Борису не стоит говорить, то мы и не напишем ему. Если же поможете ему справиться с этим известием, может быть, как-нибудь подготовите, то тогда прочитайте это письмо. Буду ждать от Вас ответа. Скажите Борису, что теперь у нас один он и чтобы берег себя, любя нас. Мы живем теперь только им...»

Мартынов отдал письмо мне. Я машинально взял его и вышел из блиндажа. Шел куда глаза глядят, глотая слезы, сами собой льющиеся по лицу. Хотя я знал, что на войне все бывает, никогда не хотел думать, что с Лева может что-то случиться. Вот только месяца три назад, в декабре, когда у меня было плохое настроение, почему-то подумалось — не случилось ли что с Лева... И именно в декабре его не стало. Словно чувствовал...

В полусознании, с отяжелевшей, словно налитой свинцом головой, наполненный чувством свалившегося на меня самого большого в прожитой жизни горя, я машинально шел и шел по лесу. Жаль,

что не бывает на свете чудес: в эти минуты, не колеблясь ни одного мгновения, отдал бы свою жизнь, чтобы воскресить брата!

Очнулся перед входом в большую бревенчатую землянку. Судя по надписи на прикрепленной к двери фанерке, это была полковая санчасть, располагавшаяся километрах в семи от нас. «Если вырвать все зубы без обезболивания, может, станет легче? — вдруг возникла дикая мысль. — А как в Иванове?..» Мысли мои смешались.

Представил переживания отца, матери, Лели... Стало страшно за них. Как они переживут это горе? Эти мысли вернули к действительности, и я побрел к своему блиндажу.

«Папа, мама и Леля ждут моего ответа. Как хотя бы немного снять с дорогих людей тяжесть переживаний?» — думал я всю обратную дорогу. И решил написать, что уже давно знаю о гибели Левы — об этом мне сообщили из его части, но я молчал, жалел их... Мне казалось, что этой святой ложью смогу хоть немного смягчить боль родителей...

Рано утром Новиков вызвал меня к себе:

— Заболел комбат гаубичной. Принимай временно батарею! Сегодня же проведи пристрелку немецкой передовой. Карту и все, что нужно для стрельбы, возьми у командира батареи. Ступай!

Комбат гаубичной батареи у нас действительно заболел. Именно его мог заменить любой из офицеров батареи. А Новиков назначил меня. Нет, тогда я не думал о причинах, заставивших командира дивизиона принять такое решение. Сейчас понимаю: Новиков хотел отвлечь от переживаний, обрадовать доверием. Кроме того, он знал, что ничем не рискует, — боевая обстановка была спокойной, опасности на передовой не больше, чем на огневых позициях...

Приказав очередной смене разведчиков следовать за мной, я пошел по проводу связи на НП. Идти надо было километров семь. Мокрый снег лип к ногам, ступни проваливались. В мозгу мелькали, как наяву, картины гибели Левы, слова отца... Я машинально переставлял ноги и шел вперед, вдоль провода, не замечая расстояния, глубоких сугробов и порывов весеннего ветра. Красноармейцы, понимая мое состояние, молча шли следом. Наконец за небольшой речкой, еще затянутой льдом, сзади покрытого снегом бугра показался блиндаж. От него к НП, располагавшемуся на бугре, вела неглубокая снежная траншея.

Внезапно из-за Припяти раздались звуки минометных выстрелов. Мины просвистели где-то слева и разорвались в стороне от нашего НП. Боевая обстановка и необходимость выполнить приказ Новикова отвлекли от мыслей о Леве. «Обстреляю минометчиков», — подумал я и спросил у разведчиков координаты вражеской батареи. Они не могли ответить — враг хитрил: и сегодня и ранее вел огонь редкими налетами, а откуда — точно определить нельзя.

Ползком добрался до НП и стал рассматривать через стереотрубу передний край. Траншеи нашей пехоты были метрах в пятистах. За ними шло проволочное заграждение. С полкилометра далее просматривалась вражеская передовая. За рекой, покрытой снегом, который скрыл очертания ее берегов, на высоком холме виднелся Петриков. Одно место во вражеской обороне показалось подозрительным. Траншея там изгибалась углом, на котором бруствер был выше, чем везде. «Пулеметное гнездо или блиндаж», — решил я и стал внимательно наблюдать. Но без толку: время шло, а немцы ничем себя не обнаружили. «Боятся голову высунуть, а может, спят гады! Сейчас разбужу!» Подготовив данные для стрельбы и проверив их несколько раз, подал первую команду. Снаряд прошелестел над нами и разорвался в нейтральной полосе. Третий взорвался рядом с углом траншеи. Добавил залп батареей. Фонтаны снега и земли окружили бруствер: «Теперь спите... мертвым сном!» — зло подумалось мне. Прикинул данные по участкам немецких траншей справа и слева: может, пригодятся, а вдруг обнаружит еще себя фашистская сволочь чем-то?

Пытаясь высмотреть хоть какую-нибудь цель, я не уходил с НП. Ноги и руки задеревенели от холода. «Обстрелять Петриков?» Но тут же отбросил эту мысль — при полном затишье на фронте в городке могли быть мирные жители. Первый раз, да еще в такой день, в моих руках оказалась батарея! А стрелять некуда! Обидно! Чуть не разревелся. От обиды ли?

К вечеру ничего не изменилось. Отдохнув в блиндаже, чуть согретом теплом тел разведчиков, я вернулся на НП. Там, где были немецкие траншеи, поднялась ракета, торопливо освещая нейтральную полосу. Наша передовая, погруженная в ночной мрак, безмолвствовала. Вспомнилось последнее прощание слевой. Тогда я не мог представить, как сложатся наши судьбы... Свет новой,

вспыхнувшей над передовой ракеты рассыпался в моих заполненных слезами глазах в мелкие шевелящиеся искорки. Только ночь знала, как мне было тяжело!..

«Логика войны неумолима. Она не щадит ни хороших, ни плохих. Наоборот, к прекрасным людям она более беспощадна», — этими словами по поводу гибели одного из любимых героев «Севастопольских рассказов» Толстого хочется сказать о брате. Да, смерть выбрала из нас двоих того, кто лучше, — сильнее, мужественнее, нужнее отцу, матери, людям... Проходит время, боль не затихает...

В трудные минуты послевоенных лет брат, как и в детстве, не оставлял меня. Его образ вставал передо мной, и я говорил себе: «Не опускай руки! Ты живешь и за него!»

Много лет ждала Леву, не зная, что он погиб, Галина Сергеевна Градовцева, его однокашница по институту.

В ответ на мое письмо¹¹, в котором я сообщил о гибели Левы и просил написать, что она помнит о нем, Галина Сергеевна писала:

«...Не могу передать, как потрясло меня Ваше письмо. Оно всколыхнуло все пережитое, хотя и прошло тридцать лет. Вспомнишь, так и сейчас сердце болит, трудно писать... Десять лет я не выходила замуж, ждала возвращения Левы с войны...

Каким я помню Левушку? Он был умный, скромный, честный, добрый, тактичный, застенчивый, как девушка, заботливый, как самый близкий. Всегда рядом, но не на виду. Мы, студенты курса, очень его любили. Очень стеснялся своего роста...

...Перед уходом на фронт принес мне карточку (вдвоем с папой), сказал:

— Это мой отец, я как-то не успел тебя с ним познакомиться...

В последнем треугольнике написал о тех ужасах, которые увидел после отступления немцев. Жаловался, что ему мешают длинные ноги, тяжело сидеть в танке. Письмо было полно решимости мстить немцам. Запомнились его слова: «Жиманем, так жиманем, в последний раз!» Больше от него писем не получала. Ответа на мой запрос в часть не прислали...

...Очень захотелось побывать на могиле Левы, буду растить махровую сирень. Он так любил сирень!»

¹¹ Адрес Г.С. Градовцевой я узнал лишь через 30 лет. — Авт.

АРХИВ Б.Н. МАЛИНОВСКОГО

Брат сфотографировался в январе 1942 г. после окончания танкового училища в Ильино-Озере под Горьким. Мою фотографию, снятую в 1940 г. в городе Пушкино под Ленинградом, брат взял с собой, уходя добровольцем в армию в 1941 г.

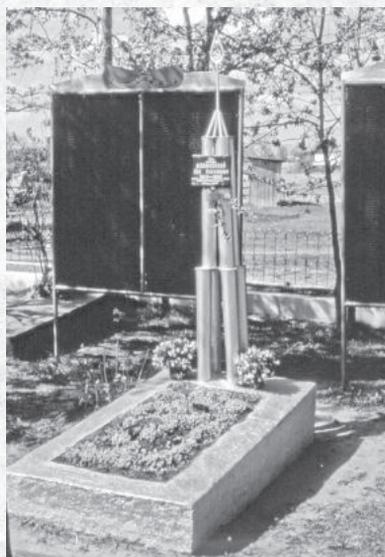
Эти фотокарточки были вынуты из кармана гимнастерки моего брата Льва Николаевича Малиновского и вместе с извещением о его гибели присланы с нарочным родителям. Обе фотографии пробиты осколком мины и хранят следы Лавиной крови

Белоруссия. На этом поле была деревня Пыльки, сожженная немецкими оккупантами. На месте, где стоим я и жена, была могила Львы. Танкисты части, где он служил, поставили на его могиле памятник-треножник из попарно сваренных гильз танковых снарядов. Сверху приварили пластину с надписью «Малиновский Лев Николаевич. 1919 - 1943» После войны прах Львы и памятник были перенесены на братское кладбище в деревне Гурки. 1966 г.

*Командир танка Т-34
Лев Николаевич Малиновский. 1919-1943 гг.
Рисунок на памятной шкатулке (Палех)*

*Могила Льва Николаевича Малиновского
на братском кладбище в деревне Гурки. 1966 г.*

Белоруссия. Братское кладбище в деревне Гурки. Виден памятник — солдат на постаменте и черные доски с 2400 фамилиями солдат и офицеров, погибших при освобождении Городокского района. Посередине могила Левы. 1966 г.

В братской могиле, где похоронен Лева, спят вечным сном 1273 верных сына Родины.

...На стене моей комнаты — отчеканенный на меди портрет дорогого Левы. Он смотрит на меня все таким же двадцатидвухлетним, каким был в 1941 году, до войны, унесшей десятки миллионов жизней. И я невольно, в который раз, думаю: человечество не должно допустить новой мировой войны, нельзя превратить Землю в общую братскую могилу!

* * *

«Курская битва была грандиозной победой в сражении, не имеющем себе равных по ожесточенности и упорству борьбы.

«...Не было безымянных героев, — писал когда-то Юлиус Фучик, — а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю».

Эти слова полностью можно отнести и к Курской битве и к Брату. Каждый ее участник внес свой вклад в победу, каждый имеет право войти в летопись тех былинных по героизму дней.»¹²

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ МАТЕРЕЙ

Наконец пришло мамино письмо.

«Милый мой сынок Борюшенька! Крепко-крепко тебя целую и желаю тебе всего-всего хорошего! Боря, откуда ты узнал о гибели нашего Левочки? К нам это известие пришло 10 января. Памятен этот день на всю жизнь... Скоро привезут его ордена. У нас все хранится: и Левины письма, и письма его товарищей, и начальства. Боренька, сыночек, ты о нас не беспокойся... Время излечивает понемногу, а особенно бодрит надежда увидеться с тобой. Этой надеждой мы и живем... Папа здоровьем ничего, пьет йод от сердечной болезни. Целую тебя крепко-крепко, мое ненаглядное дитячко. Твоя мама.»

В нескольких местах строчки письма, написанные красными чернилами, разбухли от слез. Словно стекала на них капля за каплей мамина кровь...

Вспоминая сейчас напутственные слова полесской женщины, свою маму, матерей тифозных деревень Полесья, я думаю о ве-

¹² Н.Б.Ивушкин “За все в ответе”. Стр. 92

ликом подвиге матерей в годы войны. Это был гражданский, а не военный подвиг. Матери не стреляли по фашистам. Это делали их сыновья, для которых Родина и мать были одинаково дороги. Защищая Родину, они защищали матерей. И рядом с ними, поддерживая в трудную минуту, была материнская любовь. Она была в письмах, в солдатских воспоминаниях о детстве, в бесхитростных посылках на фронт с сухарями, ватниками и вареньями, в беспримерном труде матерей на заводах, в поле и дома, в стойкости и мужестве женщин, оказавшихся в оккупации. Она укрепляла руки и дух солдат. Она вместе с ними разила захватчиков!

Матерей ранило и убивало так же, как солдат, только их раны и смерти были еще более мучительными, чем солдатские: ранились и убивались их души, их материнские сердца. С каждым ранением, известием о смерти дорогого сына все больше белели материнские волосы, раньше наступала старость. И все равно надо было работать, любить оставшихся своих и чужих детей, помогать стране бить врага!

Велика и самоотверженна любовь материнского сердца! И это, как никогда, проявилось во время войны!

«Перед великим разумом я склоняю голову, перед великим сердцем — колени», — сказал Иоганн Вольфганг Гете. На тысячах братских могил стоят в немом молчании фигуры солдат, склонивших колени перед лежащими в земле погибшими товарищами, их великим подвигом. И великим подвигом их матерей!

ОКТАБРЬ 1943 ГОДА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ. 61-я АРМИЯ

Идем на запад. Курская дуга позади. Впереди Днепр!

Отдых наш был коротким. Мы снова шагали днем и ночью на запад, теперь уже по украинской земле. Переходы нас утомляли, каждый день — шестьдесят-семьдесят, а то и больше километров. Ноги гудели. У многих начиналась «куриная слепота». Ночью они, как дети, шли, держась рукой за товарища. Случилось, как-то я отстал, а потом пришлось догонять свой взвод. Услышал: кто-то в поле плачет. Оказалось — это наш солдат, самый маленький ростом в дивизионе из последнего пополнения. Он стоял сбоку от дороги и громко хлюпал. Паренек заснул на привале, а когда проснулся, идти не может — ничего не видит. Не хватало солдатам витамина С.

А у меня появилась другая напасть. Во рту образовались язвы, горячее есть совсем не мог, только холодное, и то с трудом. Ходил в медсанбат, сказали: «язвенный гингивит», помазали чем-то. Стало легче, но ненадолго. Тоже, говорят, нехватка этого самого витамина. Мучился несколько недель. К счастью, о моей болезни узнал ветеринарный фельдшер дивизиона лейтенант Федор Лутай.

— Я тебя излечу, — сказал он, — у лошадей это часто бывает.

И стал мазать мне рот какой-то противной жидкостью. А я, сколько мог, пытался жевать спелую рябину, шиповник. То ли «лошадиное лекарство», то ли мои витамины помогли, но гингивит вскоре прошел. А может, и молодость выручила. Помню такой случай. Один из красноармейцев, ему уж было под пятьдесят, шел-шел и упал прямо на дороге. Сердце не выдержало. С молодыми так не бывало...

Случилось, что в походе заболел Мартынов. Командир дивизиона вызвал меня:

— Садись на лошадь Мартынова и проверь наш будущий маршрут! Жду тебя через шесть часов.

— Есть! — ответил я, взял карту и отметил маршрут.

Судя по карте, надо было одолеть всего сорок километров. Я лихо вскочил на лошадь, пришпорил — она пошла рысью, затем перешла в галоп. Меня трясло и бросало в седле, но постепенно приоровился и стал ритмично опираться на стремяна в такт движению коня, даже стало нравиться. Всю горечь своего положения понял на обратном пути. Внутренние стороны бедер горели, как обожженные огнем. Я пытался опираться попеременно на каждую ногу, освобождая по очереди от соприкосновения с седлом. Помогало, но мало...

На следующий день все повторилось. И так продолжалось несколько дней. Когда Мартынов выздоровел и сам сел на лошадь, я уже освоился с ездой. Конечно, у меня не было той лихости, что у Мартынова. Сам Николай Тимофеевич был отличным кавалеристом. Он научился езде еще в мирное время, когда служил в артиллерийской части на конной тяге.

Стрелковые полки шли впереди нас, освобождая один населенный пункт за другим, часто без помощи артиллерии, — так велик был наступательный порыв. До Чернигова оставалось не более сот-

ни километров. Начались партизанские края¹³. Немцы не могли хозяйничать здесь, как им хотелось. И жестоко мстили за это.

УКРАИНСКАЯ ХАТЫНЬ

20 сентября 1943 года дивизия освободила Корюковку — районный центр Черниговской области Украины, где до войны проживало около 7 тысяч человек. Нас поразили вид местечка. Вместо домов — бесконечный безжизненный строй уцелевших печных труб вдоль бывших улиц, заросшие сорняками огороды. Кто-то из солдат вытащил из подпечья чумазого мальчишку. Когда его накормили солдатским обедом и стали расспрашивать о матери, отце, родных, он на все вопросы отвечал двумя словами: «Немец убив». И видеть его и слышать такие ответы было тяжело и больно. Но мы еще не знали истинных масштабов трагедии, постигшей жителей Корюковки.

Чрезвычайная государственная комиссия по преступлениям оккупантов в Черниговской области позднее установила, что в марте 1943 года гитлеровцы сожгли в Корюковке 1290 домов из 1300 существовавших и уничтожили большую часть жителей местечка. Всего в районе было расстреляно 7640 человек, 1129 — угнаны в фашистское рабство. А за годы оккупации с Черниговщины было принудительно вывезено 41578 человек.

В самом Чернигове гитлеровские палачи убили 52453 человека. В селе Елино и на хуторе Мостки Щорсовского района было убито 440 советских граждан. В клубе села Тиница Бахмачского района гестаповцы сожгли заживо 112 сельских активистов. В Носовском районе было полностью сожжено село Козары и расстреляно 3908 его жителей. С лица земли было стерто село Пески Новобасанского района и уничтожено более 860 сельчан.¹⁴

Позднее, на одной из встреч ветеранов нашей дивизии, я поделился впечатлениями о трагедии Корюковки в присутствии бывшего военного врача Галины Сергеевны Федько. В свою очередь она вспомнила:

— В Корюковку наш санбат вошел почти одновременно со

¹³ Здесь формировалось и действовало соединение А.Ф. Федорова и Н.Н. Попудренко.

¹⁴ Подробно о трагедии в Корюковке можно прочитать в кн. *Нарыжный Б.Н., Пендюф Б.В. Помните нас! М., 1985.*

стрелковыми полками. Бой за нее был коротким. Враги убежали в панике, оставив развешанное на деревьях у пруда для сушки нижнее белье. Мы двигались первыми по одной из дорог, проходивших через местечко, и стали свидетелями потрясающей картины человеческой боли и отчаяния: на дороге лежал мертвый старик, перерезанный танковой гусеницей. Скелет полусожженного юноши виднелся рядом. Над трупами склонилась женщина. Увидев нас, она в немом порыве подняла руки кверху, как бы говоря: «Отомстите!» До сих пор вижу ее глаза, без слез, горящие болью и гневом.

Следующим на боевом пути дивизии был город Щорс. И в нем оккупанты оставили свои кровавые следы. Жители рассказали, что в городе активно действовала группа молодых подпольщиков — бывших школьников, в которую входила и пионерка Нина Сагайдак. Она была связана с партизанским отрядом А.Ф. Федорова, была душой юных подпольщиков, действовала отважно и дерзко.

7 ноября 1942 года Нина пробралась на городской радиоузел и поздравила жителей города с праздником Великого Октября, всполошив всю местную полицию и гестаповское начальство. Нина неплохо знала немецкий и сумела познакомиться с офицером, брат которого, как она узнала, погиб в концлагере. Патриотке удалось получить сведения о готовившейся карательной операции против партизан, и она сумела во время предупредить их.

Фашисты напали на след Нины и в мае 1943 года ее арестовали. Больше месяца гитлеровские палачи истязали девочку, добиваясь сведений о молодежном подполье и партизанах, Нина выдержала все пытки и никого не выдала. Когда через четыре месяца наша дивизия освободила город и двери тюрьмы открылись, на стене камеры, где она находилась, нашли надпись: «Хто вийде на волю, передайте — 19 травня 1943 року шістнадцятирічну Ніну Сагайдак розстріляно»¹⁵.

Память о пепле Корюковки, о нечеловеческих муках, которые пережила шестнадцатилетняя Нина Сагайдак — хрупкая и нежная девочка с героическим сердцем, уносили с собой шедшие на запад солдаты дивизии вместе с ненавистью к оккупантам, правившим все законы войны!

¹⁵ Шляхами комсомольської слави. К., 1968. С. 422.

Приехав через 35 лет в Корюковку, я увидел заново отстроенный город. В райкоме партии рассказали, как возрождался город, о встречах бывших партизан, о том, что нужны средства на создание мемориала.

А позднее мне прислали газету «Маяк» от 28 февраля 1987 года, орган Корюковского райкома Компартии Украины и районного Совета депутатов, где было напечатано сообщение, что республика выделила два миллиона рублей на создание мемориала памяти о каждом из 256 сел и деревень, уничтоженных и сожженных фашистами в Украине, что замечательный проект мемориала уже создан и обсужден общественностью и скоро начнется его создание в Корюковке¹⁶. Она, как и Хатынь, будет включена во всеобщие маршруты поездок по нашей стране. К названиям, известным во всем мире — Лидице, Орадур, Хатынь, — добавится еще одно, пока еще мало кому знакомое — Корюковка.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ¹⁷

За время войны мне пришлось много видеть всяких злодеяний фашистов, казалось, уже ничто не могло ни удивить, ни поразить. Но то, что узнали в развалинах Корюковки, вновь вывернуло душу.

В марте 1943 года гитлеровцы оцепили Корюковку и учинили дикую расправу над населением. Они врываются в дома и расстреливали всех, кого заставляли на месте, не щадили ни женщин, ни детей. Тех же, кто бежал из горящих домов, ловили и сгоняли на центральную площадь.

В местном ресторане шла попойка. Одуревшие от спирта садисты-эсэсовцы требовали развлечений. И тогда с площади в ресторан стали приводить женщин. Тут же, среди столиков, под звуки губных гармошек, игравших нечто отвратительно-сентиментальное, женщин насиловали, убивали. Потом, покинув ресторан, стреляли из автоматов по толпе. Обливали бензином живых и мертвых и поджигали.

В одну ночь было убито свыше 6700 человек. А тех, кто уцелел в марте, ждала новая ночь ножей и крови в сентябре...

С юности я был воспитан в духе симпатии к немецкому народу, к его рабочему классу. Не раз мы с волнением и радостью слушали

¹⁶ Проект мемориала «Корюковка» остался только на бумаге. Авт.

¹⁷ Из книги Н.Б.Ивушкин «За все в ответе». Стр.105-106

в Москве выступления Эрнста Тельмана и Клары Цеткин, встречали их, скандируя «Рот фронт» и провожали интернациональной песней итальянских рабочих «Бандьера Росса». Поколение моих сверстников по комсомолу в знак пролетарской солидарности носило форму юнгштурма — союза красных фронтовиков Германии. Многие из нас тогда считали, что капитализм не сможет привлечь массы для ведения войны против Советского Союза, думали, в случае нападения на родину социализма народ Германии откажется воевать, не будет стрелять в своих братьев по классу.

Однако фашизм не только расправился со свободолюбивыми людьми в своей стране, не только пытал и убивал коммунистов в тюрьмах и концлагерях. Ему удалось отравить ядом лжи и ненависти миллионы людей, растрлить их души гнуснейшей из всех теорий — «теорией» господ и рабов.

Мы поняли это в годы войны. Пусть не забывают об этом сегодня новые поколения, когда слышат хриплые завывания реваншистов из Бонна, оасовцев из Парижа, берчистов из США.

В призыве немецкого командования к своим солдатам, напечатанном в виде «памятки», говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки».

Этой «памятке» следовали не одни эсэсовцы.

Недаром такая глубокая горечь прозвучала в Обращении Коммунистической партии Германии к своему народу, опубликованном в 1945 году: «Наше несчастье состояло в том, что многие миллионы немцев оказались в плену нацистской демагогии, что яд звериной расовой теории, теории «борьбы за жизненное пространство», смог отравить душу народа».

Ненависть рождает ненависть. Наши воины научились ненавидеть врага всеми силами души. Они не могли тогда думать о том, что среди немецких солдат есть рабочие и крестьяне, которых насильно призвали и послали на фронт. Выдвинутый партией лозунг «Смерть немецким захватчикам!» стал волей всего народа. Иначе нельзя было победить. Истинный гуманизм требовал уничтожения врага, его армии.

Мы полны глубокой симпатии к своим немецким друзьям, к тем, кто ныне строит новую Германию. В годы войны мы громили войска оккупантов, тем самым помогая народу Германии избавиться от ига и позора фашизма.

ДАЕШЬ ДНЕПР!

...Перешли Десну по понтонному мосту. Значит, скоро Днепр! Новиков был вне себя от радости. До войны он жил в Украине. В оккупированном Днепропетровске находилась его жена, не успевшая выехать.

Вот и Днепр! Правда, его еще не видно. Наш дивизион остановился в небольшом прибрежном сосновом леске. За ним, меньше чем в километре, — река. Под соснами оказалось невероятное количество маслят. Солдаты бросились собирать их — будет к вечеру приварок! Невольно вспомнил, как по дороге с Курской дуги сюда мне попалась полянка, вся красная от сочной и спелой земляники. А я проехал мимо — очень уж торопился.

Решил посмотреть на реку. На всякий случай взял карабин с полным магазином патронов. Шел не спеша, понемногу поднимаясь по лесному склону. Подобрался к самому обрыву, переходя от дерева к дереву. Внизу открылась широкая полоса песка. За ней — красавец Днепр. Стал рассматривать, что делается на правом берегу. Ясно были видны траншеи противника, а в одной из них что-то очень похожее на голову. Далековато для карабина, но попробовать стоит... Может, будет одним фашистом меньше! Поставил на рамке дальность, тщательно прицелился и нажал спуск. После выстрела снова осмотрел траншеи. Голова исчезла.

ЕЩЕ РАНО...

Когда возвращался назад, подошли Мартынов и Беляев. Мы сели на землю около старого, может, еще сорок первого года, окопа. Никогда раньше у нас не возникало разговоров о том, что будем делать после войны. А тут Мартынов вдруг сказал:

— За Днепр немцев прогнали! Значит, войне скоро конец! Ты чем, Борис, после войны займешься?

Я не мог ответить так сразу, уж очень неожиданным был вопрос, и на секунду задумался. В тот же момент наш разговор оборвал близкий разрыв снаряда, а может, и мины. За Днепром послыша-

лись звуки выстрелов. Мы молниеносно очутились в спасительном старом окопе. Так я и не ответил тогда Мартынову на этот вопрос. Видно, рано задал он его... А меня цель, видимо нашла!

Приказа на развертывание еще не было. Утром как-то совершенно неожиданно для нас из-за леска появились «юнкерсы». Мы их заметили, когда они уже пошли в пике, намереваясь сбросить бомбы, и разбежались кто куда. Я прыгнул в окоп, на дне которого лежала старая железная печка. Попытался вышвырнуть ее, но она снова свалилась мне на голову, а за ней и лейтенант Сармакешев. «А-а-ах! А-а-ах!» Земля под нами заходила ходуном от взрывов. Такие большие бомбы и так близко, пожалуй, еще не падали! А «юнкерсы» пикировали снова. Опять колыхалась земля от мощных взрывов, а я, сжимаясь в комок, искал у нее защиты.

Когда пехота и артиллерия не были прикрыты с воздуха, «юнкерсы» нагнали, становясь грозным противником. Вот и в то утро двенадцать пикировщиков сделали 6 или 7 заходов. Они пикировали низко и бросали бомбы довольно точно.

После налета похоронили мы еще нескольких товарищей. А шестерых увезли в медсанбат. У одного из разведчиков Сармакешева, громадного широкоплечего молчуна, оторвало левую руку у самого плеча — да так, что и жгут не на что было наложить. Вряд ли довели его до медсанбата...

Наши орудия стояли недалеко в лесу, без всякого укрытия. Одно из них было повреждено, а командир убит. Громадный осколок отсек у него часть туловища. Человек прошел Северо-Западный фронт, Курскую дугу и вот такая бессмысленная, бесполезная гибель...

ХРАБРЫЙ ПОП

Под Лоевом, куда вышла дивизия, штаб и НП дивизиона расположились в каком-то каменном полуподземном склепе, недалеко от небольшой церквушки, стоящей на самой высокой точке днепровского берега. Церковь постоянно обстреливалась. Немцы, видно, думали, что там находятся наши наблюдатели. А там был поп, да еще с семьей — женой и дочерью. Я обнаружил это случайно. Шел по кладбищу и позади церкви увидел большой склеп. Вход в него был завешен одеялом. Любопытство заставило заглянуть внутрь. Там и увидел семью священника. Попадь

лежала на какой-то подстилке, а священник и дочь лет пятнадцати сидели.

— Что вы тут делаете? Вас может убить!

— Господь милостив, — ответил поп.

— Начнется наступление, вам будет совсем плохо, — пытался я уговорить их.

Они молчали. Немного подождав, я ушел. Ну и ну! Храбрые люди! А может, просто еще не поняли всей опасности...

Из-под Лоева нас перебросили к Любечу, маленькому городку, километрах в 70-ти ниже по Днепру. По дороге, где-то посредине, попали в такое болото, что едва вылезли: почище Сучана! В этом месте будем форсировать Днепр. Заняли боевые порядки. Оба берега реки здесь высокие. Места красивейшие! Поневоле всем вспоминались гоголевские слова: «Чуден Днепр при тихой погоде...» Кто-то из нас продекламировал их и задумчиво добавил: «А вот если приходится его форсировать...» Но это так, не всерьез.

Разведчики принесли в штаб патефон и несколько пластинок. Слушали песни, пока не лопнула пружина. Тогда стали крутить пластинки пальцем. Кто-то пробовал крутить в обратную сторону. Ничего. Тоже музыка. Пусть слышат фашисты, как нам весело!

ПЕТУХ СПАСИТЕЛЬ

Когда появились в Любечи, еще сказывались последствия боевых действий. Запомнилось: на ветвистом дереве уселся целый «батальон» куриц во главе с петухом. Напуганные птицы долго оставались на высоком дереве, считая себя в безопасности.

Через несколько дней нашу часть немного сместили от Любеча. Опять появился лесной берег. Напротив, немного правее, — белорусское местечко Деражичи. Значит, когда будем форсировать Днепр, попадем с Украины прямо в Белоруссию! Здорово!

Стрелковые полки первыми переправились через реку. Немцы, видно, зазевались, а тем временем полки дивизии захватили узкую прибрежную полосу и сделали попытку развить наступление. Однако противник сумел остановить атакующих.

Понадобилась артиллерийская поддержка. Начал переправляться частями и наш артиллерийский полк. Помню, оказался в неизвестно откуда взявшейся лодке. Вместе со мной в нее сели

АРХИВ Б.Н. МАЛИНОВСКОГО

Командировка,
выданная при
подготовке
форсирования
Днепра начальником
штаба 84 АП (84-й
артиллерийский
полк) лейтенанту
Сармакешеву В.Н.,
предписывающая
собрать имеющиеся
лодки в ближних
деревнях

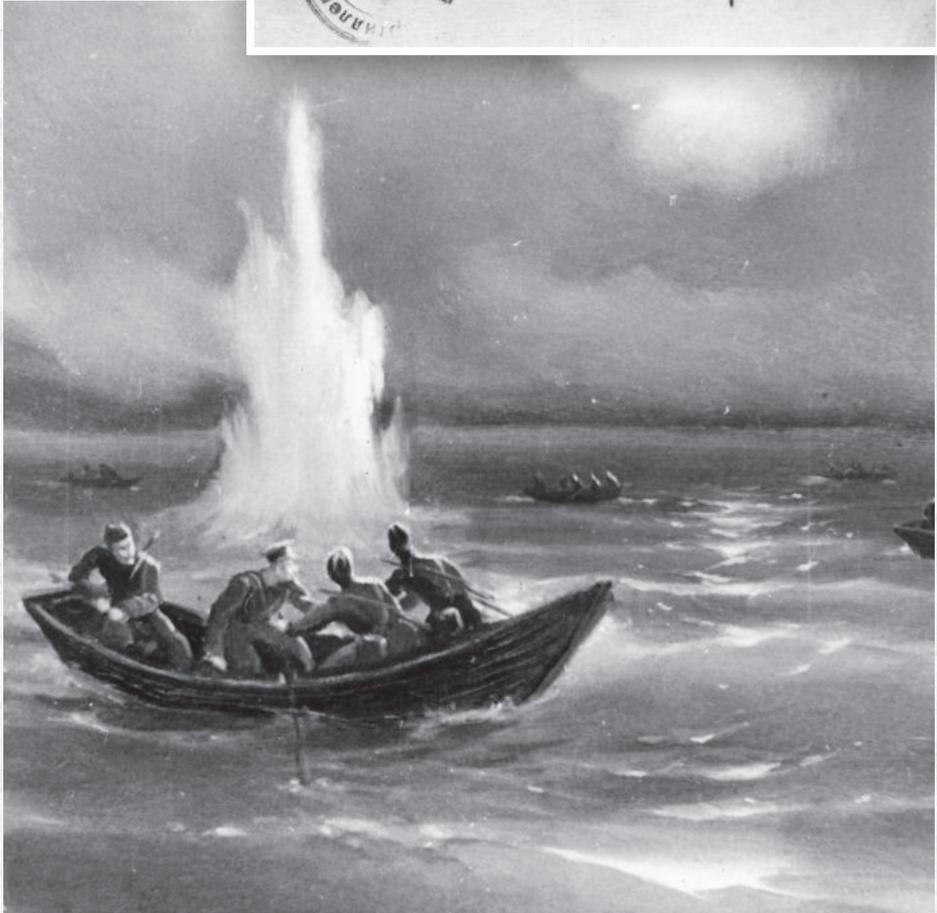
ШТАБ 84 АП
8.10.43 г.
№ 3/07

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ
На Лейтенанта САРМАКЕШЕВА В.Н.
и Ефрейтора БРОФЕЕВА

С получением настоящего предлагаю выехать в служебную командировку в д. ЗАЙМИШЕ Щорсовского района для мобилизации всех имеющихся лодок на потребности воинской части. Местные власти прошу оказать полное содействие по сбору лодок и обеспечения питанием командируемых.
Срок командировки.....43 г.

Начальник штаба полка
М а й о р *Копилун* (Каплун)

Битва за Днепр. Октябрь 1943 г. Через Днепр на лодке.
Физицы промахнулись. Рисунок В. Веденисава

Вперед, за Днепр, сыны отечества!

Смерть оккупантам!

Победа

№ 157 [Красноармейская газета. 16 октября 1943 г.]

ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ

Подразделение, решительно атакует противника на берегу, овладевает его огневыми точками и выступает при поддержке огневых средств до намеченного рубежа. При контратаках противника упорно удерживает захваченный рубеж.

(Б.П. часть 1, 1942 г.)

ВЧЕРА ПЕРВЫЕ ГРУППЫ НАШИХ ВОИНОВ ФОРСИРОВАЛИ ДНЕПР! СЛАВА ПЕРВЫМ!

НАС ЖДЕТ БЕЛУРОССЬ

Вперед! Перед нами Днепр! Мы слышим плеск его сильных волн. Мы видим гладь его светлых вод. ТАМ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ — ВАША РОДНАЯ ЗЕМЛЯ УКРАИНЫ И БЕЛУРОССИИ. Два года не мешаю вам — города и села за великим Днепром. Два года гнетерным вымывались над нашими близкими, ждали нас голодом и уничтожали все, что построено нашими руками.

ПРИШЛА ПОРА КОНЧАТЬ С НЕМЦЕМ! Ждет от нас победы Родина, наши семьи, наши отцы, матери, жены и дети. Мы уже прошли с боями сотни километров. Слани наш путь. Им гордится весь наш советский народ. СЕГОДНЯ НАШ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ДНЕПР. ТАМ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ, ПОДИМЕМ СЛАВНОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Славней отцов, славнее врателерств, миниметчиков, пулеметчиков. Покажите четкость и умный действенный доблестный разведчик.

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

ИЛЮТВА ПРИ ВРУЧЕНИИ НАГРАД

В подразделении т. Скопаченко, что призывает все свое боевое мастерство во время наступления, предстоит операция. — С имени Великого

ТВОИ ЗОЛОТЫЕ ПРАВИЛА

Война ты видишь и наступление. Знай, что по плану воевать — всегда побеждать. Поэтому строго соблюдай свои золотые правила записанные в Боевом уставе нехотю.

— бесприсловно, точно и быстро выполняй все приказы и распоряжения командиров;

— знай задачи своей, отделения и взвода;

— не оставляй своего места в боевом порядке, прозвоняйся в боевом порядке, придерживайся по команде и указаниям командира, держи постоянную связь с командиром и соседями;

— стремись к взаимной вырубке; всегда помогай товарищу огнем, штыком, гранатами, допотоп и личным слабостью, отряхни в защите в бой командира;

— веди огонь в бой спокойно и метко; взорвавшись в доловину выстрелов, доложи командиру; подбирай патроны и гранаты на поле боя;

— при убили командира, немедленно бери на себе командирские обязанности.

76 мм пушка ЗИС-5. На новую позицию. Приднепровские пески

пехотинец и два солдата моего взвода. Я впервые плыл на лодке, если не считать того, что когда-то в Иванове отец один раз брал нас на лодочную станцию и мы прокатились по тихой Уводи, обдавая друг друга брызгами с весел. К счастью, пехотинец оказался моряком. Сильный ветер и мощные матово-свинцовые накаты волн нисколько не смутили его. Он взял на себя команду, и общими усилиями, стараясь не очень поддаваться быстрому течению, которое относило лодку от позиций, занятых стрелковыми полками, и, «подбадриваемые» взрывами снарядов и мин, время от времени вздымающимися фонтаны воды в стороне от нас, мы пересекли Днепр.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Начались тяжелые дни сражения под Деражичами. Оказалось, что кроме болот и степей есть еще и другие места, где вести бои не менее трудно. Например, пески. Вырытые окопы не держатся, песок оползает со стенок. Он везде — на теле, на зубах вместе с кашей, даже в воздухе, когда дует ветер. Пушки и снаряды приходилось тащить на руках. А для меня здесь таилась еще одна неприятность: никаких ориентиров! Песок, кусты — и опять песок! Попробуй определись! Поначалу спасало то, что пушки выдвигались вперед, на стрельбу прямой наводкой: в таких случаях приязка отпадала.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 22 октября 1943 года
 Южнее Речицы наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали вести бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра и овладели сильно укрепленными опорными пунктами противника Возок, Райск, Михалевка, Городок, Тесны, Деражичи, Новая Лутава.

Той осенью не было, мне казалось, места на нашем участке фронта страшнее Деражичей: заросли кустов, песчаные прибрежные холмы на пути от берега Днепра к местечку хорошо просматривались и постоянно обстреливались противником.

Артиллеристы находились почти на одной линии со стрелковыми ротами. Был случай (о нем даже писала дивизионная га-

зета), когда артиллеристы 1-го дивизиона нашего 84-го АП при внезапной танковой атаке фашистов оказались один на один с наступавшими врагами и спасли положение. Это было за день до взятия Деражичей. Пушки 1-й батареи дивизиона стояли тогда на прямой наводке позади траншей одного из стрелковых батальонов, наступавшего вдоль днепровского берега. Рядом с траншеями находился наблюдательный пункт дивизиона. Отсюда разведчикам были хорошо видны заросли прибрежных кустов в направлении к Деражичам. Ближе к днепровскому берегу, рядом с двумя орудиями первой батареи, находился наблюдательный пункт командира взвода управления батареи лейтенанта Сармакешева. В сентябре ему исполнилось девятнадцать, но это был уже повидавший войну человек: семнадцати лет он ушел на фронт защищать родной Кавказ, вместе с нами воевал на Курской дуге.

В этот день фашисты сделали отчаянную попытку сбить наши наступавшие части с захваченных позиций и сбросить их в реку. Под массированный «аккомпанемент» артиллерийского и минометного огня танки и самоходки врага двинулись на наши роты. Первым их обнаружил находившийся на НП дивизиона старший лейтенант Константин Михайлович Лосев. Тогда, в сорок третьем, для меня и моих товарищей он был просто отважным парнем Костей, успевшим в свои двадцать лет окончить артиллерийское училище, а еще через несколько месяцев, в боях на Северо-Западном фронте, получить звание старшего лейтенанта, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

В бинокль Костя увидел два вражеских танка, две самоходки и автоматчиков, пробирающихся через кустарник. Судя по всему, десант противника пытался незаметно подойти к нашим траншеям: под гусеницами танков песчаная траншея сразу превратилась бы в братскую могилу для ее защитников.

По команде Лосева «заговорили» сразу две батареи — гаубичная и пушечная. Разрывы снарядов вблизи наступающих цепей противника прижали фашистских автоматчиков к земле, но не остановили танки и самоходные орудия. Под усилившимся минометным обстрелом машины приближались к нашему переднему краю. И тогда из полуобвалившихся траншей и наспех вырытых окопов выскочили бойцы стрелковых рот и побежали к Днепру, прямо на артиллеристов первой батареи.

Не выдержали нервы у солдат. Да, пожалуй, и не трудно понять, почему так получилось. После боев на Курской дуге и Левобережной Украине в стрелковых ротах дивизии остались считанные единицы закаленных, прошедших жестокое сражение бойцов. На каждого из них приходилось теперь по несколько молодых и необстрелянных солдат, почти мальчишек, призванных в армию с освобожденной черниговской земли. Они горели желанием отомстить за свой поруганный край, но совсем не имели боевого опыта.

Однако артиллеристы не поддались возникшей в ротах панике. Среди тех, что были у орудия первой батареи, многие прошли суровую школу Северо-Западного фронта, жестокие схватки с «тиграми» под Понырями.

Не испугал артиллеристов и минометный обстрел — бывало и похлеще. Спрятались с головой в окопы, отсиделись. Когда гул танковых моторов стал слышнее, выползли из укрытий к орудиям. Командир огневого взвода лейтенант Сергей Сухоедов подал команду для стрельбы по танкам. Но еще до его команды прильнул к прицелу командир первого орудия старший сержант Петр Гаганов. Человек обстоятельный и слегка медлительный, он в эти минуты, слившись с орудием, посылал снаряд за снарядом в надвигавшиеся танки врага. Наводчик второго орудия младший сержант Лебедев, говорун и заводила во всех шутках батарейцев, упал рядом с пушкой бездыханный, не успев сделать выстрела — осколок разорвавшейся вблизи мины сразил его наповал. Его место тут же занял командир орудия Николай Орешкин. Ожило и второе орудие. Смерч из песка и осколков поднялся над вражескими машинами. Танки и самоходки противника открыли ответный огонь.

Окоп командира огневого взвода Сергея Сухоедова находился как раз посередине между пушками. Почти каждый вражеский выстрел был и выстрелом по нему, Сережке, как звал его Сармакешев. Под таким огнем из окопа не высунешься. Но командиры орудий и без взводного отлично выполнили свое дело: завертелись на месте оба подбитых вражеских танка, отползли назад самоходки. Одновременно с огневиками в бой вступили те, кто был на наблюдательных пунктах. Когда Лосев и Сармакешев увидели оставивших передовую траншею и бегущих мимо них бойцов,

они вместе со своими разведчиками — Капустиным, Волинским, Черноголовым и другими — выскочили из окопов и сумели задержать бегущих, прекратить панику и повернуть их обратно.

ОРАЛ, СТРЕЛЯЛ И, КАЮСЬ, ХВАТАЛ КОГО-ТО ЗА ШИВОРОТ...

Через тридцать пять лет, вспоминая об этом эпизоде, Владимир Никитович Сармакешев напишет:

«Вперед, только вперед! А вот дрогнули, не удержались молодые солдаты, «драпанули», забывая на какие-то мгновения, что назад — это путь к неминуемой гибели, что назад — это позор и смерть. Чем измерить эти мгновения? И как поверить в то, что эти же солдаты, в считанные минуты преобразившиеся в победителей, остановились, опомнились, контратаковали и отбросили врага! Жаркие бои чаще всего скоротечны. Были скоротечны и та атака, и контратака под Деражичами. Задымили подбитые вражеские танки и самоходки, отползли от пушек в укрытие командиры орудий старшие сержанты Гаганов и Орешкин, другие ребята из орудийных расчетов. Ковырял ложкой в котелке остатки каши ефрейтор Петр Ерофеев, «управленец» батареи, только что ловко швырявший в набегающих немцев их же немецкие ручные гранаты с длинными деревянными ручками, поминая черта и остальную нечисть по причине полного молчания автомата, забитого песком при близком разрыве снаряда. И я, его командир лейтенант Сармакешев, уже не мог четко себе представить, что было в эти бесконечно длинные минуты жаркой схватки. А ведь что делал — орал, стрелял и, каюсь, хватал кого-то за шиворот... Обошлось. Все наладилось. Враг отброшен...»

В конце письма он добавил: «Если много лет спустя меня бы спросили о боях под Деражичами, что особенно памятно, какие воспоминания и по сей день свежи и яркие, я бы не стал вспоминать ни об этом бое, ни о двух немцах, взятых мною в плен в сумятице той ночи после атаки... До сего дня не могу забыть песок, скрипящий на зубах, забегающий за шиворот и в рукава гимнастерки, затекающий в сапоги... Песок, превративший пищу в несъедобное месиво, а пистолеты, автоматы, винтовки — в малополезные дубинки и кастеты. Чтобы спасти затворы от этой песочной пыли, мы пеленали ТТ и «вальтеры» в полотенца, портянки и упрятывали за пазуху. Не знаю уж, как ухитрились

некоторые солдаты сохранять и заставлять стрелять свое забитое песком оружие... И еще — неистребимый, тягостный трупный запах... Жаркие схватки не давали времени на уборку тел, а осень в тот 1943 год на Днестре была такая теплая...»

Потери у немцев были большие. Но и наших, особенно молодых, только что призванных солдат, иногда еще не успевших получить вместо гражданских курток и пальто шинели, полегло немало...

Ночью фашисты начали отходить. Попытавшись незаметно оторваться, они кинулись к городку Брагину.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

...Двадцать пять лет спустя я по просьбе своих уже взрослых детей поехал с ними на автомашине показать места боев под Деражичами. Около Любеча на хлипком пароме, перевозившем скот, мы перебрались с левого берега реки на правый и двинулись по направлению к Деражичам. Послевоенные годы мало что изменили в этих местах. Машина сразу же застряла в песке, и, чтобы хоть как-то двигаться, пришлось спустить давление в шинах. Так на распластанных покрышках мы с трудом проехали первые километры. То и дело приходилось вылезать и подталкивать беспомощно буксующий в песке автомобиль. Еле выбрались на дорогу, всю в глубоких выбоинах, покрытую толстым слоем пыли. Наша скорость увеличилась, но ненамного.

За нами тянулся густой шлейф пыли, а сверху нещадно жгло летнее солнце. В машине было трудно дышать. Дети вспоминали подробности недавней переправы.

Едва завидев хлипкий паром, узкие сходни и крутой спуск с берега, я понял всю рискованность нашей переправы. Но «отступать» было нельзя! На паром с берега были перекинуты сходни — сбитые две доски — отдельно под колеса с левой и правой стороны. Машина под большим углом спустилась вниз по берегу и стала передними колесами на сходни. Я добавил газ, и автомобиль круто пошел вверх, выезжая на сходни. Едва задние колеса достигли настила парома, как сходни упали в воду. Они не были закреплены. К счастью, машина уже выехала на паром.

Когда я вылез из кабины, то увидел побледневшее лицо жены. Она попросила:

— У тебя в аптечке есть валерьянка? Да! Мне плохо.

Переpravлявшийся с нами мужчина в форме летчика добавил:
— Что вам — мне стало плохо... Он ведь мог погубить машину и покалечить себя!

На короткой остановке в пути старший сын, выйдя из машины, сказал мне:

— Теперь я понимаю, как было трудно здесь во время боев и какими были вы тогда...

За эти короткие часы он действительно многое понял, я почувствовал это своим отцовским сердцем и был очень рад этому.

И все-таки представить по-настоящему, что было под Деражичами, могут только те, кто в октябре 1943 года прошел и прополз по этим пескам под обстрелом и бомбежкой первые метры братской белорусской земли!

При форсировании Днепра 55-я стрелковая дивизия входила в состав 61-й армии, которая понесла здесь большие потери. После войны, в год 20-летия Победы, в Деражичах был поставлен памятник воинам 61-й армии, навсегда оставшимся на песчаном берегу Днепра.

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ.

МАРТ-АПРЕЛЬ 1944 ГОДА.

МОЗЫРЬ НАШ! ДИВИЗИЯ СТАЛА МОЗЫРЬСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ

Чтобы обеспечить успех наступления на Мозырь, командир дивизии решил, помимо удара стрелковыми полками с фронта, провести наступательную операцию по правому, занятому противником берегу реки Припяти, на котором стоит город. Для этого была выделена учебная команда, располагавшаяся в Юревичах, и лыжный батальон дивизии. Перед рассветом 13 января эти подразделения по льду форсировали реку. Когда большая часть рот была уже на правом берегу, противник открыл ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по развернутым в наступлении цепям и по льду реки. Но было уже поздно. Наступающие смяли очаги сопротивления и стали продвигаться к Мозырю по берегу реки. Успеху наступления способствовали четкие и стремительные действия учебной команды. 700 будущих сержантов — восемнадцатилетние и девятнадцатилетние бойцы — горели желанием первыми ворваться в Мозырь. Их командиры — майор

Долинский, капитан Турчанинов и другие были опытными, смелыми, прошедшими через многие бои офицерами.

Берег, по которому шло наступление, очень изрезан оврагами и холмами, заросшими мелким лесом и лозняком. Это помогало противнику в обороне, но и способствовало маневру наших подразделений. При попытках задержать наступление наши роты обходили врагов с фланга, и гитлеровцы пятились и пятились назад, ближе к Мозырю. Так продолжалось весь день, в течение которого у противника было отбито столько оврагов и холмов, что потеряли им счет. Однако Мозырь был все еще далеко.

К вечеру пришел приказ — усилить темп наступления и во что бы то ни стало первыми ворваться в Мозырь! «Помню, мы, не дождавшись ужина, хотя не обедали и днем, начали решительное наступление,— написал мне Василий Иванович Турчанинов, участник этого боя. — Противник вначале оказывал серьезное сопротивление, а затем оно заметно ослабло, и все роты стали стремительно продвигаться вперед; к 2—3-м часам ночи 14 января вышли в район нынешней улицы Пролетарской, западнее места через реку. Остальная часть города была взята к этому времени другими частями фронта».

Участник наступления на Мозырь, Григорий Васильевич Бондаренко, тогда девятнадцатилетний боец учебной команды, рассказывает: «Долинский приказал батальону собраться и построиться. Он поблагодарил нас и поздравил с освобождением города. Хотя была ночь, но рядом с нами быстро собралась толпа народа. Они не дали говорить Долинскому, начали нас обнимать и целовать. Многие плакали, приговаривая: «Какие вы молоденькие!», и щупали наши, недавно введенные в армии погоны. Часа в три ночи меня и еще нескольких автоматчиков завели в полуподвальное помещение без дверей, только пол да крыша над головой. Мы побросали автоматы в угол и, мертвецки уставшие, попадали на пол и уснули. Я успел подумать — не дай бог немцы опомнятся и пойдут в контратаку... Но все обошлось. Утром подошла наша кухня, и нас накормили кашей с мясом».

РАЗВЕДКА БОЕМ¹⁸

Наступление продолжалось, но бои стали более жестокими. В одном из них Бондаренко чуть не погиб. Ему было приказано вместе с группой автоматчиков произвести ночную разведку боем — пробраться к вражеским траншеям и вызвать огонь на себя, чтобы немцы обнаружили свои огневые точки. Дальше я снова привожу его рассказ.

«Мы поползли к заграждению из колючей проволоки и там открыли сильный огонь. Ствол моего пулемета накалился, за него нельзя было взяться рукой. Потом дело дошло до гранат. Мы бросали их в немецкие траншеи, а немцы в нас. У них гранаты с длинными ручками, бросать удобно, и они падали и рвались далеко за нами. А когда рассвело и немцы увидели, что бойцов мало, они стали расстреливать нас в упор, кричали и смеялись: «Рус Иван, спой «Катюшу»! Рус, сдавайся!» Я протягиваю руку своему второму номеру за диском, а он уже мертвый. Вдруг перед моими глазами вспыхивает столб огня, и я лечу в пропасть, теряю сознание...

Когда пришел в себя, лежал кверху лицом, мела метель, на губах таял снег, было темно. Почти рядом разговаривали немцы. При стрельбе из немецких и наших окопов надо мной свистели пули. Пошевелил ногами — целы, руками — тоже. Сильно хотелось пить и гудело в голове. Вытащил из-под снега свой пулемет за ремень и пополз к своим. До окопов было метров шестьсот. Кое-как добрался. Подполз к окопу, где стоял наш станковый пулемет, а пулеметчик чуть не прошелся по мне очередью — подумал, что ползет немец. Он дал мне в руки телефонный кабель — ползи дальше. В землянке, когда свои увидели, ахнули: вид был ужасный! В котелке, что висел на боку, — шестнадцать пробоин. Целые сутки спал. Потом лечил в медсанбате обмороженные пальцы на ногах и отходил от контузии».

Наш дивизион продвигался слева от города. Когда переправляли гаубицы, ледяной покров Припяти в буквальном смысле стоял, пугая нас звуками образующихся трещин. Но все обошлось благополучно.

¹⁸ Я, автор книги, надеюсь, что она, после издания будет прочитана мозырянами. Постараюсь создать инициативную группу для представления Г.В.Бондаренко к награде за успешную смертельно опасную разведку боем при освобождении Мозыря.

В «Правде», которую прочитали через несколько дней, был напечатан приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении нескольким частям, в том числе и нашей дивизии, наименования Мозырских.

Москва салютовала войскам, освободившим Мозырь и Калинковичи, двадцатью залпами артиллерийских орудий.

Наименование воспринималось каждым бойцом как признание особых заслуг, как утверждение традиций.

Может быть, цифрами и весьма удобно пользоваться в штабах, расставляя соединения на картах, но для солдата цифра — абстракция, пустой звук без души. Редко бойцы называли свою дивизию 55-й, чаще — «непромокаемой», «зайюльевской». Теперь мы стали и «мозырцами» — это было уже официальное имя, звучавшее гордо.

Общая радость была омрачена тем, что Зайюлев покидал нас. Его отзывали в Москву на учебу. Сам он ходил мрачный, словно в воду опущенный. Хотя и понимал, что знаний ему не хватает, но обидно было расставаться с друзьями, казалось нелепым сидеть за партой, когда другие шагают под пулями.

Жаль было расставаться с Зайюлевым и мне¹⁹. И сильные стороны комдива, и его слабости были давно изучены. Первых было гораздо больше, чем вторых. Бойцы верили Зайюлеву, любили его, он был для них «своим братом», никому не уступавшим в личной храбрости, и командиром, который вел их к победе в самые тяжкие времена.

А я думал о том, каким будет новый комдив, как сложатся отношения с ним.

В начале февраля Зайюлев уехал, а к нам прибыл новый комдив — Герой Советского Союза полковник Корней Михайлович Андрусенко²⁰.

С ПУШКОЙ ЧЕРЕЗ ПРИПЯТСКИЕ БОЛОТА

Больших боев пока не было. Один из наших командиров батареи капитан Павел Иванович Бешлега, сменивший убитого на Курской дуге Панкратова, и с ним два радиста ушли со стрелковым батальоном по нейтральной полосе вдоль Припяти в тыл к немцам. Каких-либо сведений от них еще не поступало.

¹⁹ Н.Б.Ивушкин. Начальник политотдела дивизии.

²⁰ Н.Б.Ивушкин “За все в ответе”, стр.145.

К вечеру меня вызвал майор Новиков!

— Поздравляю, тебе добавили звездочку! Теперь ты лейтенант, — сообщил он. — Отмечать будешь потом, а сначала придется потрудиться. Батальон, с которым ушел Бешлега, забрался очень далеко, наши пушки туда не достанут. Придется тащить к нему хотя бы одно орудие. Батальон завтра утром вступает в бой, времени в обрез. Находятся они километрах в 16—18 от нас. Примерно вот здесь. — Новиков поставил крестик на моей карте. — В штабе полка сказали, чтобы я поручил это тебе, — добавил он как бы оправдываясь. — Придется идти по компасу, а ты в этом деле виртуоз! Не задерживайся, отправляйся прямо сейчас. Бешлега должен успеть еще затемно поставить пушку на прямую наводку. Вопросы есть?

Я ответил, что все ясно.

Уже темнело, когда мы выступили. Две пары лошадей тащили орудие. Впереди шел я. За пушкой шагали пять бойцов орудийного расчета. Движению мешали кусты и глубокие болотистые места. «Хоть бы не утопить пушку и лошадей», — думал я. Вначале мы шли по направлению к Припяти, чтобы выйти на никем не занятую болотную полосу, потом повернули направо. По моим прикидкам выходило, что отсюда надо двигаться прямо на север. Беззвездная ночь, густо падающий снег, занесший все следы, затрудняли ориентировку. Я все время посматривал на компас. На немецкой передовой, справа от нас, время от времени взлетали осветительные ракеты, раздавались редкие очереди автоматов. Постепенно и передний край остался у нас за спиной.

Мы пробирались очень долго, почти не отдыхая. Чем дальше, тем больше возрастала тревога. Вначале я считал шаги, пытаюсь точнее определить место поворота, и мне удалось это сделать. Но вот пошли параллельно реке, и дальше вести счет шагам стало бесполезно. Начались густые кустарники, канавы, топкие болотные участки, которые приходилось объезжать. Как же тут идти по азимуту? Многие мучительные часы кружили мы среди болотных топей и кустарников. Падающий снег забивал глаза, ночная тьма окружала нас со всех сторон и пугала причудливыми очертаниями одиноких кустов, похожих на людей. Часа в четыре ночи, когда уже отшагали не меньше пятнадцати километров, стало казаться, что мы окончательно заблудились.

Да разве можно найти батальон среди этого моря кустов? Но не выполнить приказ тоже нельзя. Теперь я понял всю трудность моего задания. Что же делать? Поторопился сказать Новикову, что «все ясно!»

Мы продолжали идти вперед, забыв про усталость и мокрые ноги. Подумалось: «Неужели заблудился? Чего доброго — вместо батальона притащу пушку к фашистам!» Я был уже готов остановиться и подождать утра, чтобы обнаружить батальон по звукам боя, когда нам наперерез из-за куста внезапно вышли радисты Бешлеги с рацией. Случилось так, что рация перестала работать, и комбат послал их за новой. Обрадованные, мы двинулись по следам радистов. Через полчаса я передал Бешлеге задание командира дивизиона. Он затащил меня в наскоро вырытую землянку, а сам пошел устанавливать орудие. Утром, еще до начала боя, я отправился в обратный путь.

К обеду прибыл в штаб дивизиона. После моего доклада Новиков сказал:

— Радисты доложили, что видели вас. Их после встречи с вами обстреляли немецкие автоматчики-патрули. Фрицы должны были контролировать болото. Я очень беспокоился. Но тебе, лейтенант, повезло! Как говорится, пришло к тебе вовремя солдатское счастье, успел проскочить! — Он весело взглянул на меня. — Иди отдыхай!

Батальон, куда мы притащили пушку, успешно выполнил задачу: захватил ближайшую деревню и занял там оборону. У немцев началась паника. Услышав артиллерийскую стрельбу у себя в тылу, они решили, что их обходят крупные подразделения нашей армии. Спротивление на передовой ослабело. Стрелковые полки прорвали линию вражеской обороны и пошли вперед.

Замполит дивизиона, увидев меня через день после моего «путешествия» с пушкой по болоту, не утерпел и сообщил, что Новиков представил меня к награде.

Через тридцать пять лет после войны, когда я разыскал Бешлегу, мы вспомнили этот случай. Он рассказал подробности боя. Когда забрезжил рассвет, ему стало ясно, что немцы, к счастью, ничего не подозревают. В деревне, расположенной в нескольких сотнях метров впереди, дымились немецкие полевые кухни, у изгородей топтались привязанные лошади, безоружные немецкие

солдаты то и дело выходили из домов, шли к кухням и лошадям, грузили ящики на повозки.

Перед началом наступления Бешлега сам навел орудие на ближайший дом. Первый же снаряд угодил в крышу. Капитан приказал расчету вести беглый огонь. Автоматная стрельба бросившегося в атаку батальона довершила дело — среди вражеских солдат в деревне поднялась настоящая паника. Одни бросились в дома, за оружием, навстречу им выскакивали другие, полуодетые. Артиллерийский огонь и пули автоматчиков косили фашистов. Подоспевший на помощь фашистам танк мог бы натворить беды, но его подбил последними снарядами расчет орудия Бешлеги.

Деревня была захвачена без особого сопротивления. На улице валялись десятки убитых гитлеровских солдат, в сараях и домах нашли большое количество боеприпасов. Батальон закрепился в деревне и удерживал ее до подхода основных сил дивизии.

Перед Новым годом командир дивизии собрал офицеров, награжденных за декабрьские бои, тепло поздравил и раздал награды. Капитану Бешлеге вручил орден Александра Невского. К моей медали добавился орден Красной Звезды. Присутствовавший при награждении командир нашего полка Петр Андреевич Любимов подошел к Бешлеге и расцеловал его.

* * *

...От Деражичей дивизия двинулась на Брагин, догоняя откатывавшегося назад противника. Еще при немцах сюда заходили партизаны Ковпака и несколько дней удерживали город. Мы появились в нем утром и расположились у домов — отдохнуть. Меня, Мартынова и Беляева позвала к себе хозяйка ближайшего дома. Мы не стали отказываться. Давно уже не сидели вот так, по-человечески, за столом — от самой Курской дуги. Дочь хозяйки вытащила из подвала спрятанные от оккупантов пластинки. Зазвучала песня:

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!*

У меня даже мурашки по коже пошли: вспомнил, как с этой песней мы ехали на фронт, еще не зная, что будет с нами и какой будет война. Сейчас я слушал эту песню с каким-то особым, все нараставшим чувством гордости — да, мы пошли в поход, в бой за Родину! И вот теперь гоним немцев на запад, все быстрее и быстрее!

Хозяйка и дочь ее, девушка лет восемнадцати, выглядели одинаково молодо. Когда мы сказали им об этом, женщина неожиданно заплакала. Оказывается, у нее была еще младшая дочь, которую угнали немцы. Вестей от нее не приходило...

Не только у меня было приподнятое настроение. Володя Сармакешев, полный мальчишеского восторга и солдатской гордости за успешные бои под Деражичами, написал вот такие вдохновенные строки своей маме:

*«Видишь, родная, что дни моей службы идут,
А немцы бегут...
Идет по лесам белорусским
Солдат русский!..»*

Забегая вперед, скажу, что через два месяца Сармакешев снова попал в Брагин, но уже на медсанбатовской машине. От деревни Прудок, под Мозырем, теряющего сознание и захлебывающегося кровью, везли его сюда по болотному бездорожью на телеге. Разведчик Капустин — тот самый, что вместе с ним бросился в контратаку под Деражичами, — теперь маялся возле своего тяжело раненного в лицо комвзвода и поддерживал ему голову, стараясь принять на себя резкие толчки и покачивания телеги. Болотистый лужок с копенками сена и кочковатый, чуть припорошенный снежком лесок у деревни Прудок на самых подступах к Мозырю остались для Сармакешева последним видением Белоруссии...

ВИДЕТЬ ЭТО – БОЛЬНО И СТРАШНО...

После Брагина путь дивизии пролег через Хойники. Перед этим миновали концлагерь — большой, огороженный колючей проволокой участок поля с вышками на углах. Лагерь был уже пуст. После короткой остановки выступили дальше. Прошли через одну сожженную деревню... другую... Первая была сожжена

давно, вторая — совсем недавно, когда через нее проходил фронт; кое-где над сгоревшими хатами еще вился дым. Сиротами стояли обгоревшие печи с торчавшими вверх трубами.

Когда выехали за деревню и спустились за прикрывающий ее бугор, навстречу попала телега, покрытая одеялами и тряпками, которую тащила корова. Сбоку плелась пожилая женщина. Ее лицо было чугунно-синего цвета, от внутренней дрожи она почти не могла говорить. Мы поняли, что, когда здесь проходил фронт, женщина отсиживалась в болоте. В ответ на наши расспросы она откинула покрывавшее телегу одеяло. Под ним лежала куча ребят — мал мала меньше. Посиневшие от холода, они неподвижно лежали, прижавшись друг к дружке. А деревня, куда везла их мать, уже догорала.

Не первый раз встретился я с лихой бедой. Война принесла для населения, в первую очередь для женщин и детей, неисчислимое количество бед и несчастий. На Курской дуге в одном из сел, оставленном немцами и взятом нашей пехотой без единого выстрела, я наткнулся на убитую женщину с мертвым ребенком на руках. Уходя, немцы в бессильной злобе обстреляли деревенские хаты, убили и ранили нескольких не успевших спрятаться жителей. Потом была Корюковка...

К убитым и раненым в военной форме волей-неволей на войне мы как-то привыкали. Иногда мысленно себя приструнивали — нечего, мол, переживать, сам завтра будешь лежать здесь же поблизости или идти вот так же, обливаясь кровью и пугая окружающих...

Совсем другое — погибшие женщины и дети. Видеть их всегда было больно и страшно.

КОГДА КОРОВА УМНЕЕ ЧЕЛОВЕКА

После короткого отдыха, во время которого мы порядком отошали из-за плохого, еще не наладившегося снабжения, выступили маршем к большому белорусскому селу Юревичи. Был конец октября. Долго месили сапогами грязную, разъезженную дорогу. К вечеру подошли к Юревичам. Дома стояли темные, пустые. На улице, идущей вдоль деревни, — грязь по колено, сапоги засасывает. Не помню, по какой причине, но я оказался один. Впереди, во тьме, увидел бредущую корову. Решил привести ее на кухню. Будь что будет! Я понимал, что это самое настоящее

мародерство, но не мог удержаться от соблазна: не мы, так пехота съест заблудившуюся коровенку. Я прибавил шагу, корова — тоже. Сделал рывок бегом, но и она припустила. Не раздумывая, схватил рукой болтавшийся передо мной хвост и попытался остановить ее. Не тут-то было! Перепуганная корова потащила меня с такой дьявольской силой, что я едва успевал переставлять ноги, глубоко увязавшие в жидкой глине. Чувствуя, что сейчас или упаду, или оставлю в глине сапоги, я разжал пальцы и отпустил хвост. Строптивая корова сразу же сбавила шаг, но я уже не пытался догонять ее, — и так был достаточно наказан за свое легкомыслие.

«НЕ ВЫПОЛНИШЬ ПРИКАЗ — РАССТРЕЛЯЮ!»

В один из вечеров я вместе с недавно назначенным начальником штаба дивизиона капитаном Владимиром Кожевниковым грелись кипятком в штабной полуземлянке-блиндаже, расположенной в районе огневых позиций. Мы сидели на некоем подобии нар из толстых кольев, а перед нами на столике, сооруженном из тонких колышков, стоял солдатский котелок.

Вошел командир дивизиона майор Новиков. Кривая усмешка исказила его обычно доброе лицо.

— А, чай распиваете! — крикнул он с несвойственной ему злостью и кулаком сшиб со стола котелок с кипятком.

Мы с Кожевниковым встали, с недоумением глядя на командира. А он заорал чужим для меня голосом:

— Малиновский! Приказываю: пушку на конной тяге доставить сегодня же ночью на передовую — в распоряжение командира батальона! Сам со своими бойцами будешь наступать с ротами и к десяти утра должен занять новый НП дивизиона здесь, — майор показал на карте место в глубине немецкой обороны, километрах в двух от нашей передовой. — Не выполнишь приказ — расстреляю!

Никогда ранее Новиков не отдавал таких необычных и жестоких приказов и не обращался так ни со мной, ни тем более с Кожевниковым, которого очень ценил и уважал. Да и Кожевников был такой, что не допустил бы с собой грубого обращения. Он был немного старше меня и отличался отчаянной смелостью. Лицо Кожевникова залилось краской. «Сейчас он скажет что-

нибудь Новикову, — подумал я. — И будет прав! Приказывать — приказывай, но рукам воли не давай, так и до мордобоя дело дойдет!»

Я громко, с вызовом, сказал:

— Есть, товарищ майор! Разрешите выполнять? — и пошел к выходу.

— Подожди, младший лейтенант! — остановил меня Новиков.

Он сел на нары, схватился руками за голову, облокотился на стол и начал ругаться жутким матом, перемежая его своим любимым ругательством «кусок дурака».

Никто из нас, побывавших на настоящей войне, не был праведником. Что и говорить, материться приходилось, особенно в трудную минуту. Так и Новиков — «отвел душу», а потом рассказал нам более спокойным тоном, что произошло.

А случилось вот что. Новикова и остальных командиров дивизионов вместе с командиром артполка вызвали в штаб дивизии. Комдив Заиюльев из-за неудачных наступлений последних дней, и особенно — этого дня, был взвинчен до предела. Молча достав карту, он нарисовал на ней далеко за передним краем, — в тылу немецкой обороны, — условные обозначения наблюдательных пунктов для дивизионов нашего полка и приказал:

— Сегодня ночью пушки, имеющие конную тягу, вытащить на передний край для стрельбы прямой наводкой. Завтра через полчаса после начала наступления артиллеристы должны быть там, где нарисовал НП. За невыполнение приказа — расстреляю! Все, можете идти!

Каким бывает командир дивизии в гневе, я видел сам. Как-то во время короткой передышки на Курской дуге Заиюльев появился в нашем дивизионе — высокий стройный красавец с мужественным лицом, украшенным усами под Чапаева. Что-то ему тогда не понравилось — то ли показалась неудачной маскировка машин и орудий, то ли палатка для командира дивизиона, наспех поставленная вблизи дороги.

Подозвав Новикова, комдив на виду у всех грубо отчитал его, а уезжая, гневно бросил:

— Орден успел нацепить, а маскировке не научился! — При этом глаза его сверкнули так яростно, что окажись Новиков рядом — испепелил бы его взглядом. А ведь орден Александра Не-

вского командир дивизии сам вручил Новикову всего неделю назад после тяжелейших боев в районе Понырей за решительные и умелые действия дивизиона.

Помню, зайдя в палатку, где были я и Мартынов, Новиков схватил руками орден, рванул его так, что креплением разорвал гимнастерку и швырнул ни в чем неповинную награду в угол:

— Сам нацепил, а меня упрекает! — и долго потом не мог успокоиться от оскорбительного разноса.

Но вернемся к той злополучной ночи.

Приказ обсуждению не подлежал. Хоть Новиков и горячился, а отменить его не мог. Поняв все и немного успокоившись, я пошел за своими бойцами и пушкой. Когда орудие было подготовлено и собрались огневики и красноармейцы моего взвода, подошел Новиков.

— Повезете орудие на передовую для стрельбы прямой наводкой, — сказал командиру орудия. — Огневую позицию укажет лейтенант. Цели спросите у командира батальона. Я к утру приду. Сухие портянки с собой взяли? — спросил солдат и ко мне: — Малиновский, отправляйтесь!

Не зря спросил Новиков о портянках. Пока мы довели орудие до передовой, перетащив его через многочисленные незамерзшие болотные языки, то и дело перерезавшие лес, сапоги наши нахлебались воды. Выйдя из последнего, тринадцатого или четырнадцатого по счету, болота, намотали сухие портянки на заочевенные ноги. Стало теплее, но мокрые сапоги охладили ноги. Терпи, казак, атаманом будешь!

Вот наконец и передовая. Я уже раньше был здесь, поэтому сразу нашел блиндаж командира батальона. Вдвоем выбирали место для орудия.

К концу ночи все было сделано: готов орудийный окоп, подтащено на руках, установлено и замаскировано орудие. Подготовлены снаряды. Вырыты окопы для расчета. К счастью, немцы нас не обнаружили.

Обессиленные, мы свалились на бруствер орудийного окопа, потные и жаркие. Первая часть приказа, зависевшая только от нас, была выполнена. А утро уже надвигалось. Скоро придет Новиков, и мы пойдем к командиру батальона узнать, с какой ротой бежать в атаку...

Смертельная усталость сковала тело и вытеснила все мысли, кроме одной, — нет-нет мелькающими в мозгу словами командира дивизии: «Не успеете — расстреляю!»

Перед рассветом к нам подошел командир батальона вместе с незнакомым офицером в белом полушубке с планшеткой на боку. Веселым голосом тот сказал: «Артиллеристы, сматывайте удочки, смена пришла!»

Нашу дивизию подменяла свежая, подошедшая этой ночью.

СТАРИННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Отшумели песни нашего полка.
Отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка.
Маркизантка юная убита.

Нас осталось мало, мы да наша боль.
Нас немного и врагов немного.
Живы мы куда – фронтная голь,
А пойднем – райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске.
А душа уже взлетела вrede.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.

Спите себе братцы, все придет опять:
Новые родятся командиры,
Новые солдаты будут полугаты
Вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, все вернется вновь,
Все должно в природе повториться:
И слова и пули, и любовь и кровь...
Времени не будет помириться.

Булат Окуджава

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН».

Июнь-июль 1944 г.

НАСТУПАТЬ БЫЛО НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ ТРУДНО

Вдоль реки Припять тянулось двухкилометровое болото, простреливаемое противником. «Решительные действия 107-го полка¹, захватившего на левом берегу реки плацдарм, позволили другим частям дивизии развить общий успех. 111-й полк под командованием подполковника Черноусенко обошел город Петриков с севера, перерезал шоссейную дорогу Тростинец — Петриков, а также дорогу Рабочий поселок — Копцевичи — Петриков и, создавая угрозу окружения гарнизона противника, отвлек на себя его главные силы. И тут 228-й полк под командованием подполковника Коломацкого, преодолев болото с юго-восточной стороны, ворвался в город.

30 июня, в 23 часа 30 минут, части нашей дивизии освободили город Петриков от немецко-фашистских захватчиков.

Действия Днепровской флотилии бронекатеров и десантных групп были безупречны.

ВСТРЕЧА С ПАРТИЗАНАМИ. ВТОРОЕ РАНЕНИЕ

В эти дни наступление развернулось по всей Белоруссии. Войска Рокоссовского рвались к Минску. Наша дивизия также входила в состав 1-го Белорусского фронта. За семь дней мы продвинулись почти на 200 километров! За это время только наш дивизион построил 28 мостов и 5 километров гати по топким болотам: припятского края!

¹ Н.Б. Ивушкин “За все в ответе”, стр.172-185

Немцы минировали все, что могли. Большинство убитых и раненых в эти дни составляли пострадавшие от мин, которыми были буквально начинены дороги, лесные завалы и села. Саперы самоотверженно расчищали путь для войск; в меру сил помогали остальные бойцы. Когда встречалась противопехотная мина, делалось это предельно просто. Брели длинный кол и, размахнувшись и падая на землю одновременно с ним, били его концом по тому месту, где взрыхленная почва указывала на мину. Гремел взрыв, земля и дым фонтаном поднимались вверх. Теперь можно было вставать и идти дальше.

На mine замедленного действия подорвалась автомашина с имуществом взвода связи. Контузило и тяжело ранило моего товарища по Северо-Западному фронту старшего сержанта радиста Сашу Ипполитова, пострадали еще несколько бойцов, находившихся в кузове машины. Взрыв был очень сильный. Когда я подбежал, Сашу поднимали с земли, говорить он не мог, из сапог текла кровь. Мне же повезло — наша машина проехала заминированное место благополучно. За нашей прошло еще две или три. Следующей шла машина, в которой находился Саша.

Гена Беляев... Саша Ипполитов... Вчера садануло осколком по животу Николая Мартынова, к счастью, не опасно, только кожу содрало... Кто следующий?

Вслед за Петриковым и многими селами дивизия освободила Житковичи — маленькое белорусское местечко с несколькими пыльными улицами и частично разрушенными, в большинстве деревянными домами.

Нам выдали новые карты. Еще несколько дней наступления — и мы выйдем на старую государственную границу с Польшей! Это радовало и прибавляло сил.

В конце одного из последующих дней наступления меня вызвали в штаб полка и приказали вместе с командиром штабной батареи за ночь отыскать ушедшие вперед стрелковые полки, установить связь с командирами дивизионов и получить у них указания о дальнейшем передвижении. Вероятное местоположение стрелковых подразделений было показано на карте — километров пятнадцать-восемнадцать впереди нас. Чтобы мы успели это сделать, нам дали двух отличных кавалерийских лошадей, еще сохранившихся при штабе полка.

Выехали, когда уже смеркалось. День был жаркий, солнце нагрело землю, и от нее шло пахнувшее пылью тепло. Судя по карте, впереди, километрах в трех, была деревня. Вскоре мы ее увидели и проехали единственной улицей, покрытой толстым слоем пыли. Кругом — ни души. Мертвая тишина. Очевидно, люди вместе с живностью ушли в лес, чтобы переждать, пока пройдет фронт.

В стороне от деревни увидели пробивающийся, как из далеко-го окна, свет. Подъехали поближе, привязали коней к изгороди, а сами потихоньку подошли к дому и заглянули в окно. Человек пять красноармейцев лежали на лавках и прямо на полу. Как оказалось, это были разведчики соседней стрелковой дивизии. О наших ротах и батальонах они ничего не знали. Мы двинулись дальше. Через три-четыре километра, выехав с проселочной дороги на безлюдное шоссе и повернув направо, наткнулись на завал. Деревья, росшие по обе стороны шоссе, были спилены и повалены на проезжую часть дороги. К тому же немцы, конечно, его заминировали. Решили вернуться назад и объехать завал по лесной дороге, которая шла почти параллельно шоссе.

Когда выехали на дорогу, совсем стемнело. По обе стороны стояли высокие деревья, верхушки их смыкались над нашими головами. Вдруг лошади остановились. Вглядевшись как следует в темноту, обнаружили остов разбитой повозки, рядом лежали две убитые лошади. Судя по всему, повозка и кони были немецкие. Наскочили на свои же мины?

До этих пор мы ехали рядом. Теперь мой напарник отстал метров на пятьдесят: если что случится с одним, то останется второй и поможет. Километра через полтора из темного куста у дороги вдруг раздался оклик:

— Стой, кто едет? Русские?

Одновременно я почувствовал прикосновение чего-то твердого к животу и сообразил, что это винтовка или автомат.

— Русские! — машинально ответил я.

— Мы партизаны! — крикнули из темноты.

Лошадь остановилась. Меня окружили вооруженные люди. Почти тут же один из них возбужденно спросил:

— Нашу работу по дороге видели?

Я догадался, что речь идет о разбитой повозке.

— Видели!

— А впереди по дороге будет мостик, и там стоит наш фугас! — добавил тот же голос.

Мы поехали к мостику, и партизаны на наших глазах убрали фугас. Сейчас думаю: что было бы с нами без этой встречи?! Тогда же было не до переживаний. Просто на несколько минут остановились и расспросили, как ехать дальше, чтобы не напороться на немецкие или партизанские мины. В свою очередь, рассказали партизанам, где искать штаб нашей дивизии. Я даже не догадался записать чью-либо фамилию и название отряда. А жаль!

Перед рассветом наконец наткнулись на нашу пехоту, занявшую оборону в редком молодом сосняке. Отыскали командиров дивизионов, расспросили об обстановке и планах на наступающий день. Эти сведения доложили начальнику штаба нашего арtpолка, когда вернулись обратно.

Отдохнуть мне не удалось: только позавтракал, как пришла команда выступать. Машины потащили наши орудия. Я сел в одну из них. Проезжая через еще вчера безлюдную деревню, увидели, что там работают саперы с миноискателями. Дорогу они, очевидно, уже успели проверить и разминировать, и теперь по ней шли воинские подразделения, ехали машины. За деревней, километра за два до завала на шоссе, нам встретилась группа офицеров из штаба дивизии. Они стояли под деревом, на ветвях которого висели какие-то рваные тряпки. В воздухе пахло недавним взрывом. Кто-то из нас спросил, что здесь произошло. Оказывается, один из офицеров, переводчик, попавший в дивизию еще на Северо-Западном фронте, вот тут, где дерево, отошел на шаг с дороги и, сказав: «Смотрите, мина?!», — носком сапога копнул земляной бугорок. Все это он сделал механически, скорее всего так и не осознав своей роковой неосторожности. А мы ездили всю ночь по местам, начиненным вот такой неожиданной смертью, и все обошлось благополучно!

Во время одной из затянувшихся остановок я слез с машины и вышел на обочину с намерением присесть и хоть немного отдохнуть. Мимо нас проходило какое-то стрелковое подразделение. Обходя нашу колонну машин и орудий, выстроившуюся перед восстанавливаемым мостом, один солдат свернул с дороги и пошел в мою сторону. Раздался сильный взрыв. Воздушной волной меня отбросило назад. Шмякающая боль во многих местах тела и

одновременный удар в голову погасили сознание. Когда мои глаза снова стали различать свет, понял, что лежу на земле. Вскочив, почувствовал, что по щеке и шее течет кровь. Очень ломило всю правую руку и левую ногу. В голове стоял сплошной звон, она была какая-то не своя... Возвращавшееся зрение и слух постепенно вырисовывали страшную картину. Направлявшийся в мою сторону пехотинец лежал мертвый, а на дороге образовалась целая груда тел, оттуда раздавались стоны раненых. Очевидно, солдат наступил на прыгающую мину.

Бойцы моего взвода Захаров и Суриков наскоро перевязали меня бинтами из индивидуальных пакетов и помогли забраться в кабину автомашины. Через километр, в придорожной деревне Сытница, меня оставили в каком-то пустом доме, пообещав пригласить врача из санчасти полка. Последним от меня ушел Николай Портяной.

Прошло несколько часов. Мне оставили немного еды, но я к ней не притрагивался. Волновало другое: насколько опасно я ранен? Почему так болит голова? Становилось все хуже, мысли путались, тошнило. Когда приехала машина, почти потерял сознание...

В медсанбате дивизии мне сразу же сделали противостолбнячный укол в живот, напоили чаем, добавили бинтов, уложили. Стало легче, и я попытался уснуть.

«А У ВАС ЕСТЬ ДЕВУШКА, КОТОРУЮ ВЫ ЛЮБИТЕ?»

Утром меня перенесли в операционную. Если не считать повязок на голове, бедре, плече и предплечье, я лежал на столе, покрытом белой простыней, совершенно обнаженный. Подошла молодая красивая сестра, стала разматывать бинты на ноге и вдруг спросила:

— А у вас есть девушка, которую вы любите?

Я посмотрел на нее с недоумением. Такая обстановка и такой вопрос? В моей голове это никак не укладывалось! Но сестра ждала ответа. Тогда я с сердцем сказал:

— Сейчас нет, но обязательно будет!

Сестра улыбнулась, а мне стало как-то легче, перестал думать о том, когда она начнет отдиирать присохшие к ранам бинты.

После проведенной под наркозом операции две сестры помогли приподняться. Я обхватил одну из них здоровой рукой за плечи,

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
 Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
 Вот стоят у постели моей кредиторы
 Молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолго века,
 Да пусть кошельки упадают с руки...
 Не грусти, не печалься, о моя Вера,-
 Остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
 Две руки виновато губами ловя:
 - Не грусти, не печалься, мать Надежда,-
 Есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
 Покаянный услышу я голос ее:
 - Не грусти, не печалься, память не стынет,
 Я себя раздарила во имя твое.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
 Как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
 В трехкратном размере болтливость людская
 За тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый, чистый лежу я в напльвах рассветных,
 Перед самым рождением нового дня...
 Три сестры, три жены, три судьи милосердных
 Открывают последний кредит для меня.

Булат Окуджава

потихоньку спустился со стола, и они отвели меня в помещение, где собирали раненых для отправки пароходом по Припяти.

Пароход пришел только через день. Это была старая, заезженная, с трудом передвигающаяся посудина. Нас положили на палубу. Пароход часто садился на мель и тогда часами простаивал.

В Мозыре, в который прибыли ночью, нас перевезли в эвакуогоспиталь. Меня поместили в небольшую палату, где лежали еще трое — летчик, капитан-артиллерист и старший лейтенант-танкист.

Во время перевязки врач, осмотрев меня, сказала, что мне надо сделать переливание крови — за дни после ранения я очень ослаб. Но почему-то это откладывалось со дня на день, а потом о переливании вообще замолчали, хотя раны затягивались медленно, особенно на левой ноге.

Прошло несколько дней, из всех нас «ходячим» был только летчик. Он уже выздоравливал. Однажды, придя с базара, щедро угостил нас ягодами и, глядя на меня, предложил:

— Тебе надо подкормиться. Давай я загоню твои часы и буду покупать тебе, что захочешь.

Часы подарил мне отец, когда я окончил десятый класс. Они отлично шли. Я сказал, что подумаю. На другой день летчик снова завел разговор об этом.

— Я неплохо разбираюсь в людях, — сказал он. — У тебя, Борис, сила воли есть, а решительности мало. Чего ты тянешь с часами? Отец поймет тебя!

Я отдал часы летчику. Наверное, он был прав. Денег у меня ни копейки не было: вся «зарплата» посылалась по аттестату домой. А «подкормиться» все-таки нужно было. Продав часы, летчик завалил меня едой. Недели через три я уже смог добираться до столовой. Там познакомился с моряком, раненным при форсировании Припяти. Нога у него была еще в гипсе, но он мог ходить, опираясь на палку. Как-то он пригласил меня к знакомым девушкам, которые жили вблизи от госпиталя. Мы зашли в дом, поздоровались. Начался разговор, заиграл патефон.

С каким наслаждением я слушал музыку! Впервые за три года войны, если не считать испорченного патефона, попавшего нам на Днепре, да нескольких пластинок в Брагине! Может быть, впечатление усиливалось тем, что рядом сидели две красивые девушки?

А в это время наша дивизия продолжала наступление: смело, уверенно, дерзко! В госпиталь часто приходили письма от товарищей по дивизиону, и я представлял, как она быстро продвигалась.

За операцию по освобождению города Лунинец Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всему личному составу нашей части. Дивизию наградили орденом Красного Знамени. 107-й и 111-й стрелковые полки получили название Лунинецких, а 228-й — Пинского и был награжден орденом Красного Знамени!

Из воспоминаний Н.Б. Ивушкина:

«Активные действия партизан оказали соединениям Советской Армии, наступавшим на город Лунинец, большую помощь. Они вынудили врага оттянуть часть своих сил с оборонительных рубежей и бросить их на охрану дорог и станций.

К 6 часам утра 10 июля 107-й и 111-й полки дивизии, перерезав железную дорогу Лунинец — Барановичи, заняли в районе Новина исходное положение для штурма города. В 7 часов утра наши части, взаимодействуя с 23-й дивизией, ворвались в Лунинец и к 10 часам полностью освободили его.

Действия наступающих частей были настолько стремительны, что немцы не успели даже вывезти эшелоны с военным имуществом. Понесли они большие потери и в живой силе.

В тот же вечер мы приняли по радио приказ: личному составу дивизии объявлялась четвертая благодарность. А через несколько дней был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени. 107-й и 111-й полки получили наименование Лунинецких.

Во всех частях и подразделениях прошли митинги. Офицеры и солдаты поздравляли друг друга. Всем бойцам и командирам вручались именные благодарственные грамоты. Дивизионная газета «Победа» писала: «Поклянемся сегодня покрыть новой славой наши знамена. Да будет счастливым наш путь на запад — победный путь!»

Продолжая преследовать противника, части дивизии вступили в полосу Пинских болот, которые тянулись на многие и многие километры. Дороги фашисты, отступая, заминировали. Стрелковые подразделения обходили минные поля и завалы, часто по пояс и по грудь в гнилой воде.»

12 июля части дивизии вышли на последний водный рубеж, прикрывающий город Пинск, реку Ясельду, и сосредоточились в районе населенных пунктов Сошино и Вулька.

Гитлеровское командование подготовило Пинск к круговой обороне. На тактически выгодных рубежах фашисты оборудовали две линии сплошных траншей, соорудили много долговременных огневых точек. Правый крутой и обрывистый берег реки и господствующие высоты давали им огромные преимущества.

Но уже не было такой силы, которая могла бы остановить наступательный порыв наших бойцов и командиров. Бывалые воины рассказывали молодому пополнению об опыте форсирования Десны, Днепра и Припяти. Всюду готовились плоты, челноки, лодки.

«За эту войну я повидал моряков и на море, и в воздухе на самолетах, видел их на суше — в Одессе, под Севастополем. И вот впервые пришлось наблюдать их на реке... Но примечательно, что все те качества советского военного моряка, какие я наблюдал на море, на суше и в воздухе, полностью сказались и в речной войне.»

С этим утверждением писателя Леонида Соболева нельзя не согласиться. Военные моряки были на высоте положения. Они оказали нам большую помощь. Но об этом ниже.

Из воспоминаний Н.Б. Ивушкина:

«Главный удар был нацелен на восточную окраину Пинска, отвлекающий наносил слева десант 415-й стрелковой дивизии. Ему пришлось поначалу особенно туго. Нужно было оказать поддержку десантникам. Тогда приняли решение направить на катерах учебную роту пашей дивизии. Она уже имела опыт взаимодействия с кораблями флотилии.

«Рано утром двенадцатого июля, — рассказывал командир роты капитан Андреев, — мы погрузились на два катера и взяли курс на Пинск. Противник быстро обнаружил нас — мы попали в полосу заградительного огня...

Вода закипела от мин и снарядов. Пули с визгом зашелкали о броню катеров. Мы пытались отвечать, но что могли поделывать несколько пушчонок. Вражеский огонь усиливался. Снаряд, упавший рядом с катером, на котором я находился, поднял огромную

волну. Вода залила палубу. Где-то на корме раздался сильный взрыв, вспыхнуло ослепительное пламя.

Я посмотрел на берег — до него было метров сорок! Прямо против нас на горе, в парке, стояли четыре «фердинанда» и вели огонь. Горящий катер начал тонуть, и его командир приказал:

— Десанту за борт!

Раздумывать было некогда. Не прошло и минуты, как все мои люди попрыгали в реку... Немцы били по нас из пулеметов длинными очередями. Раненые скрывались под водой и захлебывались. Ноги живых вязли в иле.

А город был недалеко. Мы хорошо видели «фердинандов» в парке, ясно слышали выстрелы в центре города. Там дрались, зажатые в кольцо, бойцы из четырехста пятнадцатой.

Мы все-таки добрались до берега и здесь залегли, не в силах ничего больше предпринять...

К счастью, быстро стемнело. Осталось нас человек тридцать пять. Мы окопались, расставили ручные пулеметы и заняли оборону.

Утром бой в центре города возобновился. По моей команде десантники открыли огонь по парку. Прибыл еще один катер и под прикрытием нашего огня сравнительно беспрепятственно выгрузил на берег десант, вооружение и боеприпасы.

Следующей ночью мы, наконец, проникли в город с юго-востока и завязали бой в городском парке. К этому времени подошел 111-й полк и стал штурмовать другую окраину города».

Той же ночью 107-й полк и артиллеристы дивизиона Сарычева перерезали дорогу Пинск — Подблоче. Враг попытался пробиться по этой дороге, но попал под шквальный огонь.

Всю ночь шли бои... А утром 14 июля части дивизии, вместе с другими соединениями 61-й армии, со всех сторон ворвались в Пинск и полностью освободили его.

Вечером Москва салютовала освободителям Пинска двадцатью артиллерийскими залпами.

Личный состав дивизии получил пятую благодарность, 228-му полку присвоили почетное наименование «Пинского», а 107-й полк был удостоен ордена Красного Знамени.

В те дни в дивизионной газете появились стихи сержанта В. Петрова. Они сразу полюбились бойцам. Вскоре во время привала я услышал, как солдаты пели:

Мы шли по лесам и болотам,
В огне, и в дыму, и в пыли
Шагала, сражалась пехота
За счастье родимой земли.
В атаки ходили, не тфуся.
Счет мести платили сполна,
И нам города Беларуси
Дарили свои имена.
Шагами прфостранство измерив,
Мы смело к победе идем,
Клянемся: фашистского зверя
В берлинской берлоге добьем.

ВОЗМЕЗДИЕ НЕМИНУЕМО!

«Мне отмщение — аз воздам»
Л. Толстой

ГАУБИЦЕЙ ПО ОСТАТКАМ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Я еще оставался в одном из госпиталей в Мозыре. Чаще всех мне присылал письма начальник связи нашего дивизиона Николай Портяной. В письме ко мне он описал один из боев, случившихся, пока я залечивал свои раны в госпитале. Сам тон и содержание письма свидетельствовали об огромном наступательном порыве и радости моих товарищей, быстро гнавших врага на запад.

«...Я лежал на снаряжных ящиках на четвертой машине, считая с головы колонны, и дремал под негромкий гул моторов. Мое дремотное состояние было прервано внезапно наступившей тишиной и чьим-то привычным возгласом:

— Немцы!

Я видел, что слева из слегка волнующейся ржи торчат (более подходящего слова не подобрать) пять или шесть солдатских голов в немецких мышинового цвета пилотках с невероятно вытянутыми от удивления физиономиями, из чего можно сделать вывод, что столкновение было обоюдно внезапным. Немая сцена длилась всего несколько секунд. И вдруг все словно взорвалось.

Крики: «Бей гадов!», «Вперед!», «За Родину!», «За мной!» — слились с автоматными очередями, и всех словно смело с машины. С ходу открыв огонь из автоматов и карабинов, разведчики, огневики и связисты бросились в атаку.

Доставая в кузове завалившуюся между снаряжными ящиками полевую сумку с пистолетом, я видел, как один за другим

атакующие врезались в рожь, над которой повисло хватающее за душу протяжное «ура-а-а!». Тут же, во ржи, завязался рукопашный бой.

Когда наконец моя сумка была извлечена из-под ящиков, а пистолет — из сумки, бой переместился уже метров на 500 дальше, к лесу. В это время справа, куда до сих пор никто не догадался посмотреть, по машинам внезапно ударил вражеский пулемет. Установленный в 100—120 метрах от дороги на картофельном поле, у самой ржи, в свежевырытом, совсем не замаскированном гнезде, он бил длинными очередями вразброс от головной машины до последней. И поэтому, а может быть, от внезапности нашего появления или неопытности пулеметчика, огонь был не очень метким — пули срезали картофельную ботву перед машинами, поднимали фонтанчики пыли на дороге, под машинами и между ними. Однако все живое было прижато к земле. Я очутился в кювете справа от машины с Форталевым и шофером. Кювет был мелким даже для наших тощих фигур, и нам показалось, как всегда кажется в таких случаях, что весь огонь вражеского пулемета сосредоточен на нас. Вдруг, перекрывая шум боя, почти одновременно раздались знакомые голоса: один со среднеазиатским акцентом, другой певучий, как все украинские: «За Родину! За мной!», и где-то справа у шестой или седьмой машины с пистолетами в руках во весь рост поднялись младший лейтенант Юлдашбеков и комсорг полка Бражник и бросились навстречу пулемету. За ними поднялось несколько бойцов. Но вражеские пулеметчики перенесли огонь на атакующих, и Юлдашбеков, не пробежав десяти метров, упал, срезанный пулеметной очередью. К нему бросились Бражник и солдаты шестой батареи. Он был мертв. Три пули навывлет прошили грудь. А пулемет словно озверел, бил и бил без передышки, теперь уже короткими очередями, но все также по низу. Наши артиллеристы стали отвечать огнем из карабинов. И тут у меня мелькнула мысль, что стоит только поднять прицел пулемета и ударить по машинам, как после первого же попадания в головку снаряда (а их на каждой машине сотни) мы все излетим в воздух вместе с машинами. Видимо, такая мысль пришла в голову не одному мне, потому что, словно в ответ, раздался голос нашей медсестры Юли Тико (Сарычевой):

— Черепанов! Разворачивай гаубицу!

Командир орудия будто только и ждал такой команды: выскочил из-за машины и каким-то отчаянным рывком снял гаубицу с передка. Два огневика выбросили ящик со снарядами из кузова на землю и тут же были ранены. Юля, увидев это, выхватила из ящика снаряд и зарядила орудие. Отработанным маневром, совершив левый поворот по картофельному полю, машина ушла к лесу. У орудия метались двое: маленькая худенькая Юля и тоже невысокий, но коренастый Черепанов. Они с трудом разворачивали орудие.

Мы лежали от гаубицы в каких-то пятнадцати метрах. Я к ней был ближе всех и поэтому первым бросился на помощь. Потом подбежал еще кто-то из шоферов, четвертый. Уже снаряд с зарядом были в канале ствола, Юля и я развели станины гаубицы, а Черепанов не мог опустить ствол — что-то заело. Несмотря на огонь, он стоял перед щитом и чем-то деревянным ожесточенно колошматил по механизму, в то время как Юля за щитом пыталась опустить ствол. Наконец задержка была устранена и ствол начал опускаться. Черепанов одним прыжком оказался за щитом, приник к прицелу, и... грохнул выстрел. Отдачей гаубицу вместе с незадачливой прислугой отбросило на картофельное поле и развернуло почти на 90 градусов. В спешке мы забыли отбросить сошники, да откровенно говоря, на такой укатанной дороге они были бесполезны.

Снаряд разорвался во ржи, далеко за пулеметом. Вчетвером мы ухватились за колеса, пытаясь вновь развернуть орудие в нужном направлении. Но этого уже не потребовалось. Все, кто оставался у машин, а таких набралось не более полутора десятка, ведя огонь с ходу, поднялись в атаку на пулемет. Пулеметчики, бросив свой пулемет, припустились к лесу. Их было двое. До леса добежал только один, второй был убит.

Все бойцы действовали смело и решительно. По сути дела, исход боя решили быстрота и натиск. При этом выделить более храбрых и тех, кто первыми бросился в атаку, было невозможно.

Телефонист рядовой Астапенко догнал во ржи немца и с такой яростью двинул его прикладом карабина, что тот упал замертво с раскроенным черепом, а в руках растерявшегося телефониста остался обломок карабина без приклада и даже цевья. Плюнув в

сердцах и отбросив в сторону обломки, он выхватил у убитого немца автомат (кстати, оказавшийся новейшей конструкции) и бросился за ушедшими вперед товарищами.

Сержант Кабишев (командир отделения радистов) и с ним два разведчика настигли командира немецкой роты, обер-лейтенанта, и попытались взять его невредимым, но тот так яростно отбивался, при этом больно кусаясь, что пленить его удалось только после того, как он был ранен. И хотя в бою было убито всего около десятка немцев и взято в плен только двое, разгром вражеской роты был полным. Наши потери составили: двое убитых и несколько легкораненых, которые наотрез отказались идти на полковой медпункт. Их перевязала Юля...»

...Описанный Николаем случай был каплей в море боевых событий. И все-таки этот быстротечный бой артиллеристов, неожиданно встретившихся с пехотной ротой противника, отражал главное: боевой порыв бойцов и командиров, завершавших великий подвиг освобождения Родины, их возросшее мастерство, умение действовать решительно и бесстрашно даже в совершенно непредусмотренных уставами обстоятельствах.

«СЕКИМ БАШКА!»²

Это невозможно представить по описаниям...

Поле и редкий лесок, сколько видит глаз с машины, усыпаны техникой. Усыпаны буквально — почти вплотную друг к другу, в разных позициях, стоят и лежат перевернутые и целые автомашины всех марок, тягачи, орудия. Между машинами — воронки взрывов, покалеченные деревья, тряпье, масса разбросанных бумаг... Трупов уже не было, их убрали. Можно себе представить, что здесь делалось, когда 27-го наши самолеты бомбили этих немцев, густо сбившихся в кучу.

Разумеется, мы остановились... Все останавливались. Нельзя, просто невозможно проехать мимо этого богатства техники... А вдруг там окажутся целые грузовики? Федя кинулся, как пес в стаю куропаток...

Каких только марок тут не было! «Мерседес», «Фиат», «Ситроэн», «Оппель», «Хорх». Огромные дизельные грузовики МАН, «Шкода»... Германия, Италия, Бельгия, Франция, Чехос-

² Н.М.Амосов “ППГ-2266” или “Записки полевого хирурга”

ловакия, Венгрия. Непостижимо уму, как мы могли противостоять такому обилию первоклассной техники со всей Европы, противостоять силами молодых заводов, разбомбленных в спешке отступления и снова собранных в такой же спешке руками женщин и подростков где-то в Сибири и на Урале. Это — больше, чем героизм. Это — упорство, жизненная сила народа, партии. Да — и партии, несомненно. Но вступать в нее я все равно не собирался!

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. ЛЕТО 1944 ГОДА ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»³

...Теперь мы вдоволь насмотрелись на немцев. Их вылавливают в лесах — попрытались во время окружения. Впрочем, они сами выходят и сдаются, партизан боятся. Жалкий вид имеют пленные из окружения. Вот ведут группу человек в пятьдесят. Не ведут, а сопровождают в плен, дорогу показывают и от населения охраняют. Один пожилой солдат нестроевого вида идет впереди колонны — устал, ему жарко, винтовка сзади через плечо... Он не беспокоится, что пленные разбегутся.

По дорогам идет бесконечный поток обозов и машин. Много трофейных, некоторые даже раскрашены в желтый цвет, говорят, что немцы привезли их из Африки. Забавно они выглядят среди других — камуфлированных зеленым с коричневыми полосами. До 1943 года они не раскрашивали своих машин, не маскировали свет, а после Сталинграда надломилась — стали бояться наших самолетов.

УЖЕ ПОЛЬША!⁴

...Страшные злодеяния творили немцы. Недалеко от нас был лагерь Тремблинка. Сейчас там работает комиссия. Разрыли рвы, заполненные трупами, и производят вскрытия. В них участвует и патологоанатом нашей армии. Он приходит оттуда почти в шоке. Слой за слоем снимают трупы, и у всех находят сквозные пулевые ранения головы. Всех убивали выстрелом в затылок. Как будто стоял станок и стрелял. А ведь это стрелял человек... Кажется, что ничего не дала цивилизация этим людям. Ничего...

³ Н.М. Амосов “ППГ-2266” или “Записки полевого хирурга”

⁴ Н.М. Амосов “ППГ-2266” или “Записки полевого хирурга”

ВЕРНУЛАСЬ, ОВЕЯННАЯ СЛОВОЙ

Наши части вышли на дальние подступы к Бресту.⁵

Наверно, редко так случалось, чтобы военная часть после четырех лет войны возвратилась в те места, где ее застали первые выстрелы врага. «Время не имеет власти над величиим всего, что мы перенесли в войну» — сказал в своих воспоминаниях и размышлениях Г.К.Жуков.

Враг тогда рассчитывал одним ударом проложить путь для триумфального шествия на восток. Но доблестные воины 4-й армии отстаивали здесь каждый метр советской земли. 24 июня 1941 г. 55-я дивизия остановила гитлеровцев. Всему миру известна героическая оборона Брестской крепости. В составе 4-й армии сражалась и 55-я стрелковая дивизия. Теперь она снова вернулась сюда, завершая свой подвиг в первые дни войны, овеянная славой, краснознаменная освободительница оккупированных городов и земель.

«ОСВОБОДИТЕЛИ ДОРОГИЕ НАШИ»

Третий Прибалтийский фронт. Осень 1944 г. Мне уже 23!

После второго ранения летом 1944 года я возвратился в свой 84-й артиллерийский полк 55-й СД и был временно назначен начальником разведки полка. Пришлось много ездить верхом, выясняя обстановку в стрелковых полках дивизии. Положение на нашем 3-ем Прибалтийском фронте менялось очень быстро. Часто получалось так, что на стыке частей появлялись целые коридоры, где не было ни немецких, ни наших войск, хотя фронт уже продвинулся далеко вперед. В один из дней проезжал через латышский хутор. Немцы ушли из этой местности без боя, наши части обошли ее стороной. Навстречу мне выбежала старуха. Я для нее был первым представителем той армии, о приходе которой она, видимо, думала все тяжелые годы своего пребывания в оккупации.

— Освободители дорогие наши! — кричала она, повторяя и повторяя эти слова. По лицу женщины текли слезы. Подбежав к лошади, она обняла мою ногу руками, прижалась лицом к выдавшему виды солдатскому кирзовому сапогу, потом начала неистово целовать его. Я соскочил с лошади и постарался успокоить ее. Глотая слезы и всхлипывая, старуха рассказала, что жила в

⁵ Н.Б. Ивушкин “За все в ответе”, стр.197, 198

Псковской области, что их деревню сожгли немцы и она с двумя детьми на руках и коровой долго жила в лесу; потом корова сдохла, холод и голод погнали их по селам; она добралась сюда, под Ригу, и стала работать у богатого хозяина. Он всячески издевался, бил ее детей, а сейчас, испугавшись, убежал вместе с немцами. Всмотревшись в ее лицо, я заметил, что эта женщина — совсем не старуха: горе и издевательства состарили ее раньше времени.

Рассказывая, она снова порывалась обнимать меня, повторяя:
— Освободители наши! Освободители наши!

Эти слова еще долго потом звучали в моей голове. Я понимал, как ждет население оккупированных областей нашу армию-освободительницу, и много раз испытывал на себе теплоту встреч и радость освобожденного населения. Но с таким взрывом человеческих чувств, да еще выраженных так непосредственно, встречался впервые. «Какой же ад прошла эта женщина, если она совсем обезумела от радости, увидев первого советского солдата!» — думалось мне, когда ехал дальше.

В начале войны мне исполнилось двадцать лет. В описываемые дни — уже двадцать три. Если к трем годам военного времени прибавить два года службы в мирное время, получится пять лет. За пять лет люди заканчивают институт. Мой институт был особого рода — пришлось учиться воевать. Об этом в свое время хорошо сказал Маяковский: «Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывается в стих...»

Мое пребывание в должности начальника разведки полка было недолгим. Как только появился офицер, присланный из резерва, меня направили в мой 1-й дивизион капитана Кудинова.

ВОТ ТЫ И ПРИМЕШЬ ЕГО ПЕРВУЮ БАТАРЕЮ!

Войска 3-го Прибалтийского фронта подходили к Риге. Сопротивление немецких войск усилилось. Я нашел Кудинова утром на НП дивизиона. Он разговаривал по телефону — тяжело ранило командира взвода управления одной из батарей. Капитан приказал отправить его в санчасть полка. Закончив разговор, он поздоровался со мной, потом дал распоряжение связисту соединить его с начальником штаба дивизиона:

— Командира взвода управления первой батареи тяжело ранило. Напиши на него наградной лист — сегодня же!

Потом, как бы оправдываясь, сказал мне:

— Человека чуть не убило. Подвига он не совершил, но разве пролитая кровь не заслуживает награды?

Я поддержал Кудинова, хотя знал: в первые годы войны только за ранение не награждали.

— Второго человека теряю, — продолжал Кудинов. — Вчера капитана Антипова на повышение взяли. Вот ты и примешь его первую батарею! — и объяснил обстановку и задачи для батареи.

Всю первую половину дня я был очень занят — лазил по переднему краю. С НП в стереотрубу обнаружил две пулеметные точки. Они, как и наспех вырытые траншеи, были плохо замаскированы. Не те стали гитлеровцы!

Потом пошел на огневые позиции. Многие бойцы мне были знакомы — сколько дорог с ними пройдено!

Когда возвращался обратно на НП, ноги едва шагали, а голова словно налилась свинцом. Сказывалось напряжение последних дней: спать почти не приходилось. Казалось, никогда не доберусь до передовой.

Мощный близкий взрыв и град осколков вывели из этого состояния. Броском прижался к земле. Усталости как не бывало! Мгновенно осмотрелся. Неподалеку зияла глубокая, еще дымящаяся воронка. Что есть силы бросился в нее. Обстрел продолжался. Снаряды рвались кругом, сотрясая землю, калеча деревья, забивая звоном уши. «А если сейчас убьет?» — промелькнуло в голове. По старой привычке, пошел один. «Оказаться к концу войны без вести пропавшим?» Тело сжалось в напряженном ожидании, сознание воспринимало только звуки разрывов, свист осколков и их удары по земле...

Когда обстрел закончился, я поднялся и побежал на НП. Откуда и силы взялись! Наверное, только на войне да в минуты крайних напряжений человек понимает, что его силы во много раз больше тех, на которые он привык рассчитывать в обычной жизни!

ОБИДНАЯ СМЕРТЬ...

Нелегким был этот день. Не обошелся он без смертей и ранений. Не успел я отдохнуть, вернувшись на НП, как всех командиров батарей дивизиона вызвали в штаб 107-го СП, батальоны которого мы должны были поддержать артиллерийским огнем при наступлении.

Начальник штаба — молодой статный гигант майор Григорий Швайко, который раньше командовал батальоном, а недавно был переведен в штаб, быстро и толково объяснил боевую обстановку и сообщил о плане наступления. Когда стали расходиться, он, выйдя из блиндажа, чтобы проводить нас, подошел к расположенной рядом траншее. И тотчас прямо перед ним разорвался снаряд... Все, кроме Швайко, остались целы, словно заслонил он нас своим могучим телом... Майор был общим любимцем, гибель его переживал весь полк и мы, артиллеристы...

Основные цели на немецкой передовой я успел пристрелять вечером. По координатам, присланным из штаба, подготовил данные для стрельбы по вражеским батареям. Гитлеровцы ответили минометным огнем по передовой, не причинив нам вреда: наш НП они не сумели обнаружить.

К ночи у меня все было готово к началу артподготовки.

Теперь — отдохнуть...

«ВПЕРВЫЕ ЗА ВСЕ ГОДЫ ВОЙНЫ...»

Рано утром заговорили «Катюши». Их голос был условным сигналом для всех батарей нашего участка фронта, где намечалось решающее наступление на Ригу. Пора начинать!

— Батарея, цель номер один, двадцать снарядов на орудие, беглый огонь!

Засвистели снаряды. Пронеслись мимо звонкие хлопки пушечных выстрелов. Немецкая траншея зафонтанировала взрывами.

— Батарея, цель номер два, пятнадцать снарядов на орудие, залпами, огонь!

Взрывы окружили пулеметное гнездо на вражеской передовой. Кругом загрохотало. Обстрел нарастал с каждой минутой. Звуки выстрелов сотен орудий, разрывы молотивших передовую противника снарядов и мин слились в разноголосый, мощный, забивающий уши гул. Звонко, словно хлестая воздух, били пушки, басовито ухали гаубицы, урчали одна за другой «Катюши». От разрывов мин и снарядов часто-часто дрожала земля. Вспомнился 1941 год, элеватор под Калинином, наши молчавшие пушки, зловещие, пронзившие сердце и душу слова вновь назначенного только что вышедшего из окружения командира батареи, оказавшимся потом предателем: «Как человеку без рук и ног на де-

рево влезть, так нам победить!» Одно правильно он тогда сказал: действительно мы в то время были без рук и без ног — почти без самолетов, танков и многого другого, что у врагов имелось в избытке. А сейчас все наоборот! Пришел на нашу улицу праздник!

Впервые за все военные годы словно опалила неумемной радостью и поэтому хорошо запомнилась мелькнувшая вдруг надежда дожить до конца войны...

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь! — за Леву! За страшные, покрытые кровью настилы болота Сучан! За сожженные белорусские и тифозные курские деревни! За страдания женщины, так неистово целовавшей мои солдатские сапоги! За моих погибших товарищей! За остальные увиденные на моем солдатском пути и пережитые беды!

...По сигналу зеленой ракетой батальоны пойдут в наступление. Надо перенести огонь вглубь, чтобы подавить немецкие батареи. Не проворонить бы... Вот и она!

— По немецкой батарее, прицел... угломер... двадцать пять снарядов на орудие, беглый огонь!

Неподалеку рывкнул вражеский снаряд. Один из осколков врезался в бруствер окопа, словно напоминая, что война еще не кончилась...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из сообщения от 26 сентября 1944 года

На Рижском направлении наши войска, развивая наступление, овладели городами Айнажи, Салацгрива, Алоя, Лимбажи, Цесис, а также с боями заняли более 300 других населенных пунктов...

ПРИМЕНЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ ОСТАНОВИЛ СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

До Риги мы не дошли всего несколько километров. Шоссе Псков—Рига, на которое мы выехали, и окружающий лес были засыпаны листовками необычно большого размера с нарисованными на них огнем, дымом, осколками от огромного взрыва и надписью: «Советские солдаты, не продвигайтесь дальше, иначе мы применим новое страшное оружие!»

Мы посмеялись над этой угрозой — ведь если бы такое оружие было, враги давно бы его использовали! Заврались окончательно

но — думал я тогда. А на самом деле фашистская пропаганда, как никогда, была близка к истине: речь шла об атомной бомбе! Над созданием ее лихорадочно работали немецкие физики. Стремительное наступление советских войск сорвало планы Гитлера.

Неожиданно для всех дивизию сняли с фронта и передали в состав Краснознаменного Балтийского флота, переформировав ее в Первую дивизию морской пехоты. Нас отправили в капитулировавшую Финляндию, на создававшуюся военно-морскую базу в Порккала-Удде⁶. Война для нас закончилась... День Победы дивизия встретила в Порккала-Удде.

ИЗ РЕШЕНИЯ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ДИВИЗИИ

«За время боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны с 3 мая 1942 года по 10 октября 1944 года дивизия прошла с боями 890 километров, освободила 5993 кв. км территории с 805 населенными пунктами.

За этот период частями дивизии уничтожено: солдат и офицеров противника — 50469, танков — 115, самолетов — 18, самоходных орудий — 11, бронемашин — 5, орудий и минометов разных калибров — 649, пулеметов — 1324, автоматов — 2191, винтовок — 4335, складов с боеприпасами — 5.

Захвачено 499 пленных солдат и офицеров и много различной боевой техники.

Воины 55-й Мозырской Краснознаменной стрелковой дивизии (с октября 1944 г. Первой дивизии морской пехоты) до конца выполнили долг перед Родиной.»

ПОБЕДА СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ...⁷

БЕРЛИН

Одной из последних привезли девушку-разведчицу. Ей уже сделали высокую ампутацию бедра по поводу оскольчатого перелома, и она в тяжелейшем остром сепсисе. Красивая белокурая девушка с мужественным лицом. У нее было четыре ордена, из них два — Красного Знамени. Теперь ее представили к званию Героя, но ей уже не дожить до награды...

⁶ Полуостров на юге Финляндии.

⁷ Н.М. Амосов “ППГ-2266” или “Записки полевого хирурга”

— Я умру, доктор? Да?

— Ну, что ты, милая. Жалко ноги, но жизнь дороже... Сделают протез.

— Что протез... Я чувствую, как жизнь уходит. Засыпаю, забываюсь и все боюсь, что не проснусь... А не спать не могу...

Что мы могли для нее сделать? Переливали свежую кровь каждый день, вливали глюкозу, всякие витаминные препараты. Культура была покрыта омертвевшими тканями, из нее торчал острый обломок бедра почти у шейки. Надо думать, что инфекция прошла в тазобедренный сустав.

Сепсис развивался стремительно, каждый день потрясающие ознобы и поты по несколько раз. В интервалах лежит бледная, как труп. Несмотря на ежедневные переливания крови, процент гемоглобина снизился до 30. За ней ухаживала Шура Маташкова. Слабеньким голосом больная спрашивала:

— Шурочка,... уже объявили о победе?

— Нет ещё... еще нет.

— Ты же меня сразу разбуди... Так хочу дожить, чтобы уже сказали: «Все!»

И она дожила...

Вечером 8-го мая инженеры из соседней радиочасти принесли новость: готовится формальное подписание капитуляции.

Утром 9 мая наша перевязочная работала как всегда, хотя все ждали экстренного сообщения.

На столах лежали раненые, некоторые развязаны, другие ожидали перевязки, третьих готовили к гипсованию. Канский делал рентгено снимки, перекатывал передвижной аппарат от одного стола к другому. Было часов одиннадцать.

Вдруг слышим стрельбу из винтовок и автоматные очереди. Все сильнее и сильнее. Сначала не поняли.

— Что они там, сказались? Сейчас кого-нибудь подстрелят. Вдруг Степа Кравченко объявил из двери:

— Победа! Победа! На улицу!

Все кинулись наружу. Я тоже. Лида накладывала повязку и задержалась.

— Сестрица... Оставайтесь с нами...

Так она и осталась, ходила от одного стола к другому, пожимала руки, поздравляла.

А на стадионе около госпиталя уже собралась толпа. Наши в халатах, другие в форме, солдаты из разных частей. Кругом слышим беспорядочную стрельбу.

Майор влез на ящик и объявил:

— Товарищи! Фашистская Германия капитулировала! Ура! Все закричали, бросились обниматься. Майор выстрелил вверх, нашелся еще кто-то с оружием, послышались редкие хлопки. Салют слабенький, мы — госпиталь.

Долго еще не хотелось расходиться, с трудом удалось отправить сестер и врачей.

В перевязочной Лида уже успела перевязать почти всех, кто лежал на столах. Я поздравил их с победой.

Дальше были сцены, которые запомнились на всю жизнь.

Шура Маташкова заглянула в перевязочную:

— Николай Михайлович, пойдете к Зое...

— А что, плохо?

— Нет, нужно ей сказать... просила. Вы лучше скажете. Мне не хотелось идти... Нет, не хотелось... Но что сделаешь — надо. Доктор.

Она лежала одна в маленькой палате, бледная, с синевой, глаза закрыты, и даже не знаешь, жива ли. Шура шепчет:

— У нее был озноб в восемь часов... Теперь забылась. Но очень просила разбудить...

— А может, не будить? Проснется — скажем.

— Разбудить, Николай Михайлович... Пожалуй, и не проснется уже сама.

— Зоя, Зочка!

Чуть приоткрыла веки. Облизала сухие губы.

— П-и-ть.

Шура напоила ее из поильника морсом. Глаза совсем открылись. Взгляд осмыслился.

— Зоя, Германия капитулировала! Поздравляю тебя с победой! Оживилась, улыбнулась болезненной, робкой улыбкой. Слеза поползла из угла глаза по виску вниз.

— Позд-р-а-в-ляю... и вас поздравляю... Дождалась... Теперь бы поправиться...

Сел около нее на кровать, взял руку, тонкую, бледную, бескровную, с грубой кожей на ладони. Говорил, утешал...

— Ты усни, Зочка. Набирайся сил... И она уснула...

К вечеру был еще один озноб, после которого полный упадок сил и сердечная слабость... Ничего сделать не могли. Умерла...

Это была последняя смерть в нашем госпитале. И оттого особенно обидная и печальная. Но все вокруг так переполнилось счастьем, что ничем не затмить радость. Просто не верилось: «Уже не убивают!».

Днем 9 мая заканчиваются мои дневники в «Книге записей хирурга».

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

На послевоенных встречах собирались многие десятки, иногда сотни однополчан. Посмотрите на них на фотографиях. Сейчас они — «друзья, которых я не увижу» — из близких мне однополчан, не осталось ни одного...

Первым из самых близких фронтовых друзей уже после войны ушел из жизни Геннадий Михайлович Беляев — просто Гена. На фотографии в книге он вместе со мной (стр. 188). Тогда я приехал на встречу ветеранов в Москву. Побывали на Красной площади, сфотографировались. Шел 1975 год. Я и он сверстники. Через год из Москвы пришла ошеломляющая весть — Гена умер.

ПРОЩАНИЕ⁸

Прошла минута или две напряженного молчания, а я все не мог заставить себя заговорить. На меня уже стали бросать тревожные взгляды окружающие. Только жена Гены ничего не замечала и не отрывала взора от неестественно бледного и неподвижного лица мужа.

— Мы пришли проститься с тобой, Гена...

Словно кто-то другой сказал эти слова, а не я, стоящий за невысокой трибуной московского крематория. Голос был не мой — хриплый, прерывающийся, наполненный тем внутренним напряжением, которое, — я инстинктивно почувствовал это, — заполнило сердца и души стоящих передо мной людей. Это заставило меня взять себя в руки, и я продолжал говорить уже не слыша своего несуществующего двойника.

⁸ Выступление Б.Н.Малиновского во время прощания с Г.Беляевым. Московский крематорий.

— Мы, однополчане, помним тебя двадцатилетним, каким ты был тогда, в годы нашей военной юности, командиром взвода связи нашего артиллерийского дивизиона. На войне не выбирали профессии. Твоя была не из легких... Без связи замолкала артиллерия. Лишались огневой поддержки наступающие роты и батальоны. Губительный обстрел врагов не встречал отпора... И тогда ты, со своими связистами бежал «на линию», под огонь, подбирая раскромсанный снарядами и разбросанный неведомо куда провод, восстанавливая живительную нить связи. Рвались снаряды и мины, свистели осколки и пули, а ты бежал вдоль «нитки» вперед и вперед, в гущу терзающих землю разрывов, ища и соединяя то там то здесь разорванные концы провода, вставляя запасной провод там, где уже ничего соединить было невозможно. Вместе мы мокли и замерзали в болотах и лесах Северо-Западного фронта, выстояли и перешли в наступление в боях на Курской дуге, форсировали Днепр и вступили на землю Белоруссии. Сотни раз, а может и больше, тебя могло убить или ранить. И только в 1944 году, когда конец войне был уже близок, случилось непоправимое. Ты не хотел возвращаться к жизни, потому что двадцатитрехлетнему нужны здоровые ноги, а под твоими взорвалась фашистская мина... Ты перестал писать нам и исчез из нашей жизни. Тогда казалось — навсегда. Но ведь ты был настоящим фронтовиком, настоящим человеком, настоящим коммунистом, наконец! Мы — то это знали! Ты первым выскакивал из укрытия, чтобы исправить связь, первым бросался помочь раненому товарищу, первым из нас получил боевой орден и первым вступил в члены партии. И когда почти через тридцать лет после великого Дня Победы, к которому ты шел рядом с нами, случай снова свел нас вместе, мы увидели, что ты и тогда не отступил. Ты победил в борьбе со случившейся бедой. Победил свою физическую беспомощность, пришедшие за ней болезни, свою неустроенность в жизни, снова стал тем Геной Беляевым, которого мы знали и в которого верили. Ты встал вместе с нами в ряды тех, кто восстанавливал наше народное хозяйство. Не щадя своих сил, не делая никаких скидок на свою инвалидность ты работал, растил семью, всем чем мог помогал стране.

— Смерть первым вырвала тебя из наших рядов...

— Прощай ...

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

*Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это всё любви счастливые моменты.*

*Давайте горевать и плакать откровенно,
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не надо придавать значения злословью,
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.*

*Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошндившись раз, не ошндиться снова.*

*Давайте жить, во всём, друг другу потакая, –
Тем более, что жизнь короткая такая.*

Булат Окуджава

«ВЫПОЛНИЛИ ДОЛГ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ»

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Добиться победы над врагом, покорившим и использовавшим экономический потенциал почти всей Западной Европы, могли только люди с очень высокими моральными человеческими качествами, способные на полную самоотдачу и самопожертвование. Это о них образно и точно сказал писатель В. Конецкий:

«Поколение воевавших уходит... Это серьезное обстоятельство для общества. Ибо это последнее поколение, которое с абсолютно чистой совестью, без всяких общих слов, могло считать себя еще при жизни выполнившим долг перед историей с полнейшей наглядностью»¹.

Эти слова и о Вас дорогой Николай Михайлович! И о Вас дорогая девушка-разведчица! Не надо путать воевавших с теми, кто развалил великую страну, привел к многочисленным испытаниям и трагедиям о которых предупреждал писатель: всем и всегда надо помнить, что поколение воевавших — ваши отцы, матери и деды оказались более всех причастными к событию, определившему судьбу нашей эпохи, — разгрому фашизма!

Николая Михайловича Амосова уже нет... Осталось мировое признание как великого хирурга, уникального писателя, философа. Остался сайт Амосова, где хранится его интеллектуальное наследие, через который он общался с Миром, а Мир с ним. Остались мудрые книги, которые читали и читают миллионы людей. Будут еще долго жить те, которые доверили ему свое сердце и он выполнил свой долг хирурга — спас тысячи людей. Его помнит народ. А значит он жив и всегда будет с нами.

¹ Конецкий Виктор. Ледовые брызги. Л., 1987. С. 12.

Вечная память девушке-разведчице — символе мужества и стойкости тех, кто как и она шли впереди, обеспечивая Победу!

Открытие музея и обелиска 55-й Мозырьской Краснознаменной стрелковой дивизии СД.²

«Ветераны 55-й Мозырьской Краснознаменной стрелковой дивизии приехали в Мозырь из Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Казани, Сочи и других городов нашей страны. В эти дни весь Советский народ отмечает 40-летие Победы над фашизмом, чувствует ветеранов войны и тружеников военного тыла. Но именно в Мозыре, название которого носит наша часть, в деревнях и селах Полесья, где мы только что побывали, мы увидели и почувствовали всю глубину любви и уважения народа к памяти тех, кто не дошел до Победы и к нам, ветеранам.

Боевой путь нашей дивизии — частица славного боевого пути Советской армии. Дивизия встретила и завершила войну в Белоруссии, пройдя путь трагического отступления от Бреста в 1941 г. и победного наступления от Мозыря до Пинска и Бреста в 1944 г. Здесь на земле Белоруссии она стала Мозырьской, Краснознаменной, а ее полки Луненецким и Пинским.

150 ветеранов, стоящих перед вами, представляют более чем 50-тысячную армию людей, воевавших в составе дивизии на Северо-Западном фронте, Курской дуге, Украине, Белоруссии и Прибалтике. Боевой путь части отражен в книгах наших маршалов и полководцев, писателей Симонова и Морозова, наших однополчан — Ивушкина, Кудинова, Ерового, Сармакешева, в кинофильме «Стратегия победы», запечатлен мемориалами в Поньрях, на Днепре, в Мозыре, Петрикове, Пинске.

Из 50 тысяч человек, прошедших через дивизию в годы войны, 5 тысяч получили ордена и медали Советского Союза. Создание и открытие музея — награда всем без исключения, память о всех, кто погиб, о всех ветеранах дивизии в ней служивших.

40 лет со всей страной строили ветераны мирную жизнь.

И сейчас, когда нас становится все меньше и меньше, мы уверены, что благодаря музею, те, кто отдал жизнь за Родину и мы, оставшиеся в живых ветераны, навсегда останемся в строю,

² Выступление Б.Н.Малиновского на открытии Музея 55 стрелковой дивизии при школе №10 г.Мозыря во время встречи ветеранов дивизии, посвященной 40-летию Победы. 1985 г.

вместе с Вами с Советским народом и память о боевых делах дивизии будет верно служить нашей стране, воспитывая молодежь, призывая к миру во всем мире.

Многие ветераны привезли и подарили Музею подарки — письма военного времени, фронтовые газеты, фотографии — свои и однополчан. Я подарил свои книги — «Путь солдата», «Участь свою не выбирали» и свою фронтовую шинель, прошедшую, вместе со мной, через настоящий огонь, воду и медные трубы. Следы огня и воды на шинели очевидны. Что касается «медных труб» — это, считаю, — ордена и медали, но они хранились не на шинели, а на гимнастерке, поэтому следов на шинели не оставили.

Ветераны сердечно благодарят город Мозырь, его руководителей, коллектив школы №10 за дорогой подарок — создание музея и памятного обелиска 55-й Мозырьской Краснознаменной стрелковой дивизии.»

Первая послевоенная фотография. Я и сестра Елена Иваново. 1945 г.

Наша молодость. Борис и Октябриса Малиновские. 1960-е годы

Октябриса Малиновская с дочерью. 1955 г.

Женщине всегда только за тридцать!
Октябриса Малиновская

Памятник в Деражичах.
Сколько их было на боевом пути
дивизии! Здесь похоронено 1259
воинов 61-ой армии павших за
освобождение Лоевщины в 1943 г.

Здесь 24 июня 1941 года стояли насмерть воины 55-ой Стрелковой дивизии
им. К.Е.Ворошилова в составе 111 СП, 141 ГАП, 129 отдельный артдивизион.
Вечная слава Героям. Установлена 16.06.1991 г.
Курган на берегу реки Шара. Белоруссия

*Открытие музея
55-й Мозырьской
Краснознаменной СД.
От имени ветеранов
выступает Б. Малиновский.
8 мая 1985 г.*

*Первое утро в Мозыре
у гостиницы «Припять». Кудинов,
Малиновский, Лосев, Сармакешев.
Ветераны 1-го дивизиона 84 АП
перед поездкой по местам,
где шли бои. 7 мая 1985 г.*

*Б.Малиновский и Г.Беляев
на Красной площади,
г. Москва. 9 мая 1975 г.*

Музей 55-ой Мозырской Краснознаменной стрелковой дивизии, построенный общественностью г. Мозыря с участием коллектива школы № 10

Стенды музея. Фотографии ветеранов, книги, солдатская одежда и др. С музеем знакомится сын автора Николай

Обелиск в честь воинов 55-й Мозырской Краснознаменной стрелковой дивизии в саду Мозырской школы № 10. Слева Б. Малиновский. Справа В. Сармакешев, И. Бражник. Пионеры школы № 10

Курская дуга. Памятник батарее Игашева.
Слева направо: И. Бражник, Б. Малиновский, И. Новиков и школьники. 1988 г.

Встреча ветеранов в Поньрях
(левый фланг Курской дуги).
1983 г. Наш наблюдательный
пункт находился на колокольне
этой церкви

Ветераны в дни 45 летия Курской битвы у блиндажа К.К. Рокоссовского, командующего Центральным фронтом. Я во втором ряду, второй слева. 1988 г.

Курская дуга. Ветераны в Прохоровке. У музея боевой славы. Над входом гнездо ласточки. 45 лет назад на Прохоровском поле шло небывало жестокое танковое сражение, определившее победный исход Курской битвы. 1988 г.

Президиум НАНУ. Группа участников Великой Отечественной войны, награжденных медалями «65 лет освобождения Белоруссии». В центре Б. Патон.
Справа от него получившие медали: Б. Малиновский, А. Наумовец, И. Походня. Справа от военного атташе Белорусского посольства — поэтесса — вдова Героя Советского Союза Е. Лавриненкова. Май 2010 г.

Атташе посольства Белоруссии вручает памятную медаль Б. Малиновскому «65 лет освобождения Белоруссии». Май 2010 г.

Б. Патон, Б. Малиновский, И. Походня в Президиуме НАНУ. После вручения медалей. Май 2010 г.

ОБ ЭТИХ ДНЯХ

*Седой солдат расскажет внукам
Про эту бль своих времен,
Как он, герой, да маршал Жуков
Из Польши немцев инали вон;*

*Как славил их салют московский,
России добрых сыновей;
Как двинул справа Рокоссовский,
Как тотчас Конев дал левей.*

*И разъяснит, как по уставу,
Куда какой врезался клин,
Когда взята была Варшава
И встал на очередь Берлин..*

Александр Твардовский

КОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ И АРМИЯМИ В СОСТАВЕ КОТОРЫХ ВОЕВАЛА 55-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ.

«Родину спасшего вслух говоря»

И. Бродский

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Фронтвики, как никто, помнят этого Человека. Георгий Константинович Жуков — советский государственный и политический деятель, полководец, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, министр обороны СССР (1955—1957), член Президиума ЦК КПСС (1956—1957), в годы Великой Отечественной войны заместитель Верховного главнокомандующего, командующий рядом фронтов.

«В деревне Стрелковке Калужской губернии стоял осевший на угол дом в два окна с одной комнатенкой. От ветхости стены и крыша поросли мхом. Оно и понятно, дом был поставлен где-то в начале 19 века. В нем, в царствование Николая I, жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Сердобольная бездетная женщина, она взяла из приюта двухлетнего мальчика, брошенного там трехмесячным младенцем с запиской: «Сына моего зовите Константином». Подкидыш! Это был отец будущего Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

Георгий Константинович Жуков родился 1 декабря (19 ноября по старому стилю) 1896 года, в деревне Стрелковка, Калужской губернии, позднее Жуковский район, Калужская область.

...Приемыш пошел в обучение к сапожнику и тем приобрел средства к существованию на всю жизнь. Он женился на матери Георгия поздно — в 50 лет, ей было 35. Для обоих это был второй

брак, в первом оба рано овдовели. Так что Георгий (Егор) появился на свет, когда отцу было хорошо за пятьдесят, а матери под сорок».

«Отца Жуков видел мало, он сапожничал в городах. Мать билась на тяжелой работе. Заработки... «Я думаю, — напишет на склоне лет Георгий Константинович Жуков, — нищие собирали больше». Еще он напишет: «Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а

скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде».¹

В 1915 г. он был призван в армию, в унтер-офицерском чине участвовал в Первой мировой войне. В Красной Армии он служил с 1918 г., в 1919 г. вступил в РКП(б). В годы Гражданской войны Жуков был красноармейцем, командиром взвода и эскадрона; окончил кавалерийские курсы в 1920. С 1923 г. он командовал кавалерийским полком. После окончания Курсов усовершенствования командного состава кавалерии и Курсов высшего начсостава с мая 1930 г. Георгий Константинович командовал бригадой. Позднее был помощником инспектора кавалерии РККА, командиром 4-й кавалерийской дивизии, 3-го и 6-го кавалерийского корпусов. С июля 1938 г. он занимал должность заместителя командующего войсками Белорусского военного округа.

Летом 1939 г. Жуков возглавил 1-ю армейскую группу советских войск в Монголии, которая совместно с частями Монгольской народно-революционной армии разгромила группировку японских войск на реке Халхин-Гол. За умелое руководство войсками ему было присвоено звание Героя Советского Союза. С июня 1940 г. он командовал войсками Киевского военного округа, с января 1941 г. был начальником Генерального штаба Красной Армии — заместителем народного комиссара обороны СССР. Тогда же Жуков стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

С началом Великой Отечественной войны генерал армии Георгий Константинович Жуков был введен в состав Ставки Главного коман-

¹ Яковлев Н. Жуков. — М.: Молодая гвардия, 1992, с. 6.

дования Красной Армией (позднее Ставки Верховного главнокомандования). В первые дни войны как представитель Ставки он совместно с командованием Юго-Западного фронта организовал контрудар силами нескольких механизированных корпусов в районе городов Броды и Дубно, в результате которого была сорвана попытка противника прорваться с ходу к Киеву.

30 июля 1941 г. Жуков был смещен с должности начальника Генштаба. В августе-сентябре 1941 г. Жуков, являясь командующим войсками Резервного фронта, успешно провел первую в ходе войны наступательную операцию по разгрому ударной группировки немецко-фашистских войск в районе Ельни. В сентябре-октябре 1941 г. в период тяжелых боев на подступах к Ленинграду он командовал Ленинградским фронтом, войска которого совместно с Балтийским флотом остановили врага, сорвав его попытки ворваться в город. Во время Московской битвы (с октября 1941) Жуков был назначен командующим Западным фронтом. Войска фронта в оборонительных боях измотали и обескровили гитлеровские войска, а затем, перейдя в контрнаступление, во взаимодействии с войсками Калининского и Юго-Западного фронтов завершили разгром врага и отбросили его от столицы на 100–250 км.

С августа 1942 г. Георгий Жуков занимал должность первого заместителя наркома обороны СССР и заместителя Верховного главнокомандующего. Он непосредственно участвовал в разработке и осуществлении стратегических планов Ставки, в подготовке и проведении крупных операций Красной Армии. В 1942–1943 гг. Жуков руководил действиями фронтов под Сталинградом, затем по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В марте-мае 1944 г. он командовал войсками Первого Украинского фронта, летом 1944 г. координировал действия Второго и Первого Белорусских фронтов в Белорусской наступательной операции. За эту операцию и изгнание врага с Украины полководец был удостоен второй медали «Золотая Звезда». На завершающем этапе Отечественной войны (ноябрь 1944 – май 1945) Жуков командовал войсками Первого Белорусского фронта, которые в начале 1945 г. совместно с войсками Первого Украинского фронта провели Висло-Одерскую наступательную операцию.

В апреле-мае 1945 г. войска Первого Белорусского фронта под командованием Жукова во взаимодействии с войсками Первого Украинского и Второго Белорусского фронтов провели Берлинскую операцию, разгромили крупнейшую группировку гитлеровских войск и овладели

Берлином. От имени и по поручению советского Верховного главнокомандования Жуков 8 мая 1945 г. в Карлсхорсте (близ Берлина) принял капитуляцию вооруженных сил Германии. За образцовое выполнение заданий Верховного главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина он был награжден третьей медалью «Золотая Звезда». 24 июня 1945 г. Жуков принял Парад Победы в Москве.

После войны он командовал Группой советских войск в Германии (июнь 1945 – март 1946), был главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных сил СССР (март-июль 1946). В 1946 г. Жуков попал в опалу, был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б), в дальнейшем командовал войсками Одесского военного округа, Уральского военного округа. В 1952 г. он стал кандидатом в члены ЦК КПСС.

После смерти Иосифа Виссарионовича Сталина с марта 1953 г. Жуков вернулся в Москву, занял должность первого заместителя министра обороны СССР, стал членом ЦК КПСС. Г.К. Жуков сыграл решающую роль в устранении от власти и аресте Лаврентия Павловича Берии, в утверждении Никиты Сергеевича Хрущева в роли главы Советского государства. С февраля 1955 г. Жуков руководил деятельностью министерства обороны СССР, в 1956 г. был введен в состав высшего партийного руководства.

В связи с 60-летием со дня рождения Георгий Константинович в 1956 г. был награжден четвертой медалью «Золотая Звезда». Однако в октябре 1957 г. он был отстранен от всех занимаемых должностей и отправлен в отставку. Причиной этого стали безосновательные опасения Хрущева из-за роста – будь то бы влияния маршала на партийные и государственные дела. В 1960-х годах Г.К. Жуков работал над мемуарами «Воспоминания и размышления», которые были опубликованы в 1969 г. и имели большой общественный резонанс.

Огромное напряжение в годы войны, оскорбительная опала расшатали могучий организм великого полководца, привели к преждевременной смерти 18 июня 1974 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. КАЗЬМИНА

«Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: «Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там, в Кремле, можете расстав-

лять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим заниматься». Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг. Сталин после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил:

— Товарищ Жуков, как с Москвой?

— Москву я не сдам.»

* * *

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьиx тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.

* * *

Маршал! Поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря...

Иосиф Бродский

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ РОКОССОВСКИЙ. ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВОЕНОНАЧАЛЬНИК²

В 1968 г. ушел из жизни легендарный советский военачальник.

В 1939 году Константина Рокоссовского как врага народа дважды вывозили на расстрел, до этого пытали, выбив зубы и сломав ребра. Мог ли он подумать в те страшные минуты, что 24 июня 1945 года ему выпадет честь командовать Парадом Победы на Красной площади и что в жизни его ждет еще немало ярких событий?

О том, каким человеком был ее прадед, «Фактам» рассказала правнучка маршала журналист «Российской газеты» Ариадна Рокоссовская.

— Ариадна, что сегодня в вашем доме напоминает о легендарном прадеде?

² Из интервью Ариадны Рокоссовской — правнучки маршала. О.Сметанская. «Факты». 2013 г.

— У нас в семье сохранились его рукописи, записные книжки, сабля, с которой он командовал Парадом Победы 24 июня 1945 г. — ее он подарил моему отцу на... пятидесятилетие. Многие прабабушка Юлия Петровна после смерти Константина Константиновича отдала в музей военной истории: письма, кители...

— На долю вашего прадеда выпали тяжелейшие испытания. В 1937 году его обвинили в связях с польской и японской разведкой. Что стало причиной и как ему удалось «воскреснуть» из этого ада?

И правда ли, что Сталин сказал Рокоссовскому: «Глядя на вас, мне хочется опустить глаза»?

— Константин Константинович не любил вспоминать этот период. Очевидно, для него это было слишком тяжело. До конца жизни он носил с собой пистолет — браунинг немецкого фельдмаршала Паулюса, армия которого капитулировала под Сталинградом. Когда Паулюс попал в плен, он отказался сдать оружие, сказав, что отдаст его только командующему фронтом. И, когда фельдмаршала привели на допрос к Рокоссовскому, передал ему браунинг лично.

Ариадна Рокоссовская: «Константин Константинович был удивительным человеком — обаятельным, добрым, отзывчивым. Практически все, кто знал прадеда, любили его и уважали.»

Однажды жена поинтересовалась у Константина Константиновича, зачем он постоянно носит этот пистолет. Рокоссовский ответил: «Если за мной еще придут, живым не дамся». О своем аресте прадед писал в мемуарах, но потом все это вычеркнул. Его посадили по ложному доносу. Пытая, выбивали признания. Но Рокоссовский ничего не подписывал и ни в чем не признавался.

А спасло его вот что. Министром обороны СССР был назначен маршал Семен Тимошенко, под началом которого Константин Рокоссовский в свое время служил. Тимошенко в преддвее-

рии войны начал вытаскивать из тюрем опытных командиров, которых знал лично.

Прадеда восстановили в звании и отправили отдыхать в Сочи. В семейном архиве есть фотография 1940 г., где тощий, исхудавший Константин Рокоссовский с ввалившейся из-за отсутствия передних зубов верхней губой по пояс стоит в море, рядом с ним дочь — совсем еще маленькая девочка. То, что Сталин извинялся перед Рокоссовским, — легенды.

— *Как складывались их взаимоотношения?*

— Сталин был хорошим психологом, он чувствовал людей. К разным полководцам даже обращался по-разному. Только Шапошникова и Рокоссовского называл по имени и отчеству. Константин Константинович был человеком очень интеллигентным. Никогда ни на кого не повышал голос и тем более не матерился. Это все знали.

Был случай, когда Жуков позвонил ему и разговаривал на повышенных тонах. Рокоссовский сказал, что продолжать беседу в таком тоне не желает, и положил трубку. Свидетелями этого разговора были люди из Ставки.

На следующий день прадеду позвонил Сталин и разговаривал очень уважительно. Сталин Рокоссовскому доверял, а Константин Константинович уважал его как главнокомандующего. К слову, когда уже после смерти Иосифа Виссарионовича Хрущев предложил прадеду написать о Сталине что-то разоблачительное, очень негативное, он отказался, ответив: «Нельзя бить умершего льва».

— *Случались в жизни маршала мистические совпадения?*

— Напротив, в его биографии много нестыковок. Например, Константин Рокоссовский появился на свет в Варшаве, но официально местом рождения в советское время считались Великие Луки. Почему? Как дважды Герою Советского Союза ему полагалось установить памятник на родине. Соорудить в Великих Луках, понятное дело, было удобнее.

Отец прадеда был не машинистом, как гласила официальная биография, а инспектором Варшавско-Венской железной дороги. Мать не умерла, когда ему было 14 лет, а... бесследно исчезла. Он до конца жизни так и не знал, где ее могила. После смерти отца (он умер, когда Константину Рокоссовскому было шесть лет) и исчезновения матери жил у родственников, а в 18 лет ушел в ар-

мию. Участвовал в Первой мировой войне и вместе с полком оказался на территории Российской империи.

Кстати, всю жизнь прадед говорил с польским акцентом. А что касается мистики, разве не чудо его спасение в 1939 г. и то, что выжил в 1942 г. после тяжелого ранения? Судьба не раз Рокоссовского хранила.

— *О полководческом таланте маршала написано немало. А как познакомились ваши прадед и прабабушка?*

— Несмотря на привлекательную внешность, Рокоссовский был человеком робким и стеснительным. Свою будущую жену заметил в театре. У нее был романтический облик: хрупкая, с темными кудрями и большими глазами. И, очевидно, прадед любил ее с первого взгляда. Узнав, где девушка живет, каждый день проезжал на коне мимо ее дома, но познакомиться не решался. Так продолжалось почти год.

Помог случай. Она с подругами гуляла по парку. В это время там оказался и Рокоссовский. В компании увидел своего знакомого, который и представил будущего маршала девушке. Так начался роман прадеда и прабабушки. Через год, несмотря на то, что ее родители были против замужества дочери, они поженились. А еще спустя год у них родилась дочь Ариадна — моя бабушка. Я дочь ее сына Константина.

— *Читала, будто бы актриса Валентина Серова, которой Константин Симонов посвятил свое знаменитое стихотворение «Жди меня», без памяти влюбилась в Константина Рокоссовского, но он ей взаимностью не ответил.*

— Да, это было. Прадед в 1942 г. попал в госпиталь с тяжелым ранением. Валентина Серова выступала перед ранеными и, увидев офицера с загадочной бледностью, влюбилась. Начала его навещать. И была очень расстроена, когда Рокоссовский вежливо попросил ее больше к нему не приходить. Валентина Серова сделала еще одну попытку, но актрису не пропустили, объяснив: ее не ждут. Тогда она попросила, чтобы к ней спустилась Юлия Петровна, жена Рокоссовского. Ей Серова призналась, что неравнодушна к Константину Константиновичу. Прабабушка пыталась ее успокоить, мол, свою судьбу актриса еще встретит, у нее все впереди. История продолжения не получила. Прадедуська и прабабушка прожили вместе 45 лет. Он всегда ее нежно называл Люлю.

— В документальном фильме видела, как горько плакала она на его похоронах. Наверное, очень любила.

— Безумно! Он был для нее всем.

— Как они жили материально?

— Хотя возможности были, не роскошествовали. Юлия Петровна одевалась скромно. Константин Константинович тоже был прост в быту. В спортивных брюках, майке брал лопату и отправлялся на огород — копать, сеять редиску...

«До последнего дня своей жизни делал зарядку и обтирался холодной водой»

— Маршальская дача была какая-то особая?

— Когда ее начали строить, прошел слух, что Рокоссовский возводит себе... дворец. Недоброжелатели написали жалобу в ЦК. Была создана специальная комиссия во главе с Булганиным, которая приехала проверять, что за хоромы строит прадед. И когда Булганин увидел деревянный дом, сказал: «Костя, что это за изба? Давай построим тебе нормальный кирпичный дом!» На что Рокоссовский ответил: «Нет, спасибо. На мой век хватит». А когда прадед ушел с поста министра обороны Польши (с 1949-го по 1956 год он занимал его по распоряжению советского правительства) и возвращался в Москву, все свое имущество раздал друзьям и людям, которые с ним работали. За ним прислали два самолета: один — для него и семьи, второй — для вещей. А маршал пришел на аэродром с женой и одним чемоданом.

— Правда, что Рокоссовский тяготился обязанностью посещать приемы, банкеты?

— Этого он действительно не любил. Его адъютант Борис Захацкий вспоминал, как однажды позвонил Хрущев, но Рокоссовского не застал. Никита Сергеевич просил передать Константину Константиновичу, чтобы тот обязательно присутствовал на приеме по случаю визита одного высокопоставленного гостя. Адъютант передать забыл. На следующий день Хрущев позвонил Рокоссовскому: «Я просил, чтобы ты был! Почему ты не приехал?» Константин Константинович ответил: «Я ничего об этом не знаю — впервые от вас слышу». Хрущев взорвался: «Как? Гони своего адъютанта в шею!» Когда же Рокоссовский повесил трубку, то, по воспоминаниям Захацкого, пожал ему руку со словами: «Спасибо, Борис Николаевич, что избавили от неприятной необходимости».

— Тем не менее, читала, что Рокоссовский очень любил танцевать.

— Еще с юных лет! Его бабушка, к слову, была прима-балериной Варшавской оперы. В юности Рокоссовскому даже вынесли взыскание «за чрезмерное увлечение танцульками». Записи этой в партийной книжке он стыдился и просил выдать новый документ. А еще был интересный эпизод. Уже после войны в паре с женой своего соратника генерала Малинина они в Сочи на набережной на спор протанцевали краковяк — от одного дома отдыха к другому. К слову, ездили на юг прадед и прабабушка ежегодно — это было семейной традицией.

— Константин Рокоссовский был заядлым охотником, рыбаком, грибником...

— И даже садоводом! Когда на даче созревал большой урожай яблок, лично ставил подпорки для каждого дерева. Потом эти яблоки ведрами раздавал друзьям и знакомым. А еще немаловажное значение в жизни прадеда играл спорт. До последнего дня он делал зарядку и обтирался холодной водой. С большим удовольствием играл в теннис и волейбол, обожал плавание.

— Каким Рокоссовский был отцом и дедушкой?

— Замечательным! По рассказу моего папы, никогда не отказывался поиграть с внуками «в войну». Очень любил их.

— От чего умер Константин Константинович?

— От рака. Он прожил 71 год.

— Говорят, на похоронах Рокоссовского Брежнев плакал.

— Возможно. Константин Константинович был удивительным человеком — обаятельным, добрым, отзывчивым. Практически все, кто знал прадеда, любили его и уважали.

КРУПНЕЙШИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Константин Константинович (Ксаверьевич) Рокоссовский родился в Варшаве 21 декабря 1896 года. Поляк.

По некоторым сведениям, К.К. Рокоссовский родился в 1894 г., но находясь в Красной Армии (не позднее 1919 года) стал указывать год рождения как 1896 и изменил отчество на «Константинович».

После присвоения звания дважды Героя Советского Союза, местом рождения стал указывать Великие Луки, где и был установлен бюст Рокоссовского. Согласно краткой автобиографии,

написанной 27 декабря 1945 г., родился в городе Великие Луки (согласно анкете от 22 апреля 1920 г. — в городе Варшаве). Отец — поляк Ксаверий Юзеф Рокоссовский (1853—1902), происшедший из шляхетского рода Рокоссовских, ревизор Варшавской железной дороги. Его предки утратили шляхетство в середине XIX века. Прадед — Юзеф Рокоссовский, подпоручик 2-го уланского полка Герцогства Варшавского, участник Отечественной войны 1812 г. Мать — белоруска Антонина (Атонида) Овсянникова (ум. 1911), учительница, родом из Телехан (Белоруссия).

Отец послал его учиться в платное техническое училище Антона Лагуна, но 4 (17) октября 1902 г. умер (согласно анкете Рокоссовского, на момент смерти отца ему было 6 лет, и техническое училище сюда никак не вписывалось). Константин работал помощником кондитера, потом стоматолога, а в 1909—1914 г.г. — каменотёсом в мастерской Стефана Высоцкого, мужа его тётки Софьи, в Варшаве, а потом в местечке Груец, в 35 км к юго-западу от Варшавы. В 1911 г. умерла мать. Для самообразования Константин читал много книг на русском и польском языках.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

2 августа 1914 г., 18-летний (согласно анкете, а в действительности — 20-летний) Константин, добровольцем вступил в 6-й эскадрон 5-го Каргопольского драгунского полка 5-й кавалерийской дивизии 12-й армии. 8 августа Рокоссовский отличился при проведении конной разведки у деревни Ястржем, за что был награждён Георгиевским крестом 4-й степени и произведён в ефрейторы. Участвовал в боях под Варшавой, научился обращаться с лошадью, овладел винтовкой, шашкой и пикой.

В начале апреля 1915 г. дивизия была переброшена в Литву. В бою под городом Поневежем Рокоссовский атаковал немецкую артиллерийскую батарею, за что был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени, однако награду не получил. В бою за железнодорожную станцию Трошкуны, вместе с несколькими драгунами, скрытно захватил окоп немецкого полевого караула, и 20 июля был награждён Георгиевской медалью 4-й степени. Каргопольский полк вёл окопную войну на берегу Западной Двины. Зимой-весной 1916 г. в составе партизанского отряда, сформированного из драгун, Константин многократно пересекал реку с

целью разведки. 6 мая за атаку немецкой заставы получил Георгиевскую медаль 3-й степени. В отряде он познакомился с унтер-офицером Адольфом Юшкевичем, имевшим революционные взгляды. В июне вернулся в состав полка, где снова переправлялся через реку в разведывательный поиск.

В конце октября переведён в учебную команду 1-го запасного кавалерийского полка. В феврале 1917 г. Каргопольский полк переформировали, Рокоссовский попал в 4-й эскадрон, вместе с другими бойцами по льду переходил Двину и атаковал немецкие караулы. 5 марта полк временно находился в тылу, был созван и перед конным строем полковник зачитал акт об отречении Николая II от престола. 11 марта полк присягнул Временному правительству. В полку появились убеждённые сторонники большевиков, среди которых был Иван Тюленев, согласно Приказу №1 Петроградского Совета был избран полковой комитет. 29 марта Рокоссовский произведён в младшие унтер-офицеры.

Немцы наступали на Ригу. С 19 августа Каргопольский полк прикрывал отступление пехоты и обозов в Латвии. 23 августа Рокоссовский с группой драгун отправился в разведку у местечка Кроненберг и обнаружил немецкую колонну, двигавшуюся по псковскому шоссе. 24 августа 1917 г. представлен и 21 ноября награждён Георгиевской медалью 2-й степени. Драгуны выбрали Рокоссовского в эскадронный, а затем в полковой комитет, решавший вопросы жизни полка. Двоюродный брат — сослуживец Франц Рокоссовский с группой драгун-поляков вернулся в Польшу и вступил в военную организацию, формировавшуюся лидерами польских националистов. В декабре 1917 г. Константин Рокоссовский, Адольф Юшкевич и другие драгуны вступили в Красную Гвардию. В конце декабря Каргопольский полк был переброшен в тыл на восток. 7 апреля 1918 г. на станции Дикая, западнее Вологды, 5-й Каргопольский драгунский полк был расформирован.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

С октября 1917 г. добровольно перешёл в Красную Гвардию (в Каргопольский красногвардейский отряд рядовым красногвардейцем), затем в Красную Армию.

С ноября 1917 г. по февраль 1918 г., в составе Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда, в должности помощ-

ника начальника отряда, Рокоссовский участвовал в подавлении контрреволюционных восстаний в районе Вологды, Буя, Галича и Солигалича. С февраля по июль 1918 года принимал участие в подавлении анархистских и казацких контрреволюционных выступлений на Слобожанщине (в районе Харькова, Унеча, Михайловского хутора) и в районе Карачев — Брянск. В июле 1918 г., в составе того же отряда, переброшен на Восточный фронт под Екатеринбург (Екатеринбург в 1924 г. переименован в Свердловск) и участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Екатеринбургом, станциями Шамары и Шаля до августа 1918 г.. С августа 1918 г. отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавалерийский полк, Рокоссовский назначен командиром 1-го эскадрона.

7 марта 1919 г. вступил в РКП(б).

В Гражданскую войну — командир эскадрона, отдельного дивизиона, отдельного кавалерийского полка. 7 ноября 1919 г. южнее станции Мангут, в схватке с заместителем начальника 15-й Омской Сибирской стрелковой дивизии армии Колчака, полковником Николаем Саверьяновичем Вознесенским (в мемуарах Рокоссовского ошибочно «Воскресенским») зарубил последнего, а сам был ранен в плечо.

23 января 1920 г. Рокоссовский был назначен командиром 30-го кавалерийского полка 30-й дивизии 5-й армии.

Летом 1921 г., командуя красным 35-м кавалерийским полком в бою под Троицкосавском нанёс поражение 2-й бригаде генерала Бориса Петровича Резухина из Азиатской конной дивизии генерала барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга и был тяжело ранен. За этот бой Рокоссовского наградили орденом Красного Знамени.

В октябре 1921 г. переведён командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

В октябре 1922 г. в связи с переформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду, по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавалерийского полка этой же бригады.

В 1923—1924 г.г. участвовал в боях против вышедших на территорию СССР, в Забайкалье, белогвардейских отрядов генерала Мыльникова, полковника Деревцова, Дуганова, Гордеева и есаула Щедрина. 9 июня 1924 г., во время проведения оперативно-

войсковой операции против отрядов Мыльников и Деревцова, Рокоссовский возглавлял один из отрядов красноармейцев, шедший по узкой таёжной тропе.

Мыльников выжил. Вскоре красные оперативным путём установили местонахождение раненого генерала Мыльников в доме одного из местных жителей и 27 июня 1924 г. арестовали его. Отряды Мыльников и Деревцова были разгромлены в один день.

МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

30 апреля 1923 г. Рокоссовский женился на Юлии Петровне Барминой. 17 июня 1925 г. у них родилась дочь Ариадна.

Сентябрь 1924 — август 1925 — слушатель Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава, вместе с Г.К. Жуковым и А.И. Ерёмченко.

С июля 1926 г. по июль 1928 г. Рокоссовский служил в Монголии инструктором отдельной Монгольской кавдивизии (г. Улан-Батор).

С января по апрель 1929 г. прошёл курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии им. М.В. Фрунзе, где познакомился с работами М.Н. Тухачевского.

В 1929 г. командовал 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригадой, в ноябре 1929 г. участвовал в Маньчжуро-Чжэньцзиньской наступательной операции РККА.

С января 1930 г. Рокоссовский командовал 7-й Самарской кавалерийской дивизией (одним из командиров бригад в которой был Г.К. Жуков). В феврале 1932 г. переведён на должность командира-комиссара 15-й Отдельной Кубанской кавалерийской дивизией (Даурия).

С введением в 1935 г. персональных званий в РККА получил звание комдива.

В 1936 г. К.К. Рокоссовский командует 5-м кавалерийским корпусом в Пскове.

АРЕСТ. РЕПРЕССИИ В РККА 1937–1938

27 июня 1937 г. был исключён из ВКП(б) «за потерю классово-бдительности». В личном деле Рокоссовского имелась информация, что он был тесно связан с К.А. Чайковским. 22 июля 1937 г. уволен из РККА «по служебному несоответствию».

Комкор И.С. Кутяков дал показания на командарма 2-го ранга М.Д. Великанова и прочих, а тот, в числе прочих, «показал» на К.К. Рокоссовского. Начальник разведотдела штаба Забайкальского военного округа дал показания, что Рокоссовский в 1932 г. встречался с начальником японской военной миссии в Харбине Мититаро Комацубара.

В августе 1937 г. Рокоссовский поехал в Ленинград, где был арестован по обвинению в связях с польской и японской разведками, став жертвой ложных показаний. Два с половиной года провёл под следствием.

Доказательства строились на показаниях поляка Адольфа Юшкевича, соратника Рокоссовского в гражданской войне. Но Рокоссовский-то хорошо знал, что Юшкевич погиб под Перекопом. Он сказал, что всё подпишет, если Адольфа приведут на очную ставку. Стали искать Юшкевича и обнаружили, что он давно умер.

С 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г., согласно справке от 4 апреля 1940 г., содержался во Внутренней тюрьме УГБ при НКВД по Ленинградской области на Шпалерной улице. По словам правнучки Рокоссовского, сославшейся на рассказы жены маршала Казакова, Рокоссовский подвергался пыткам. В этих пытках принимал участие начальник Ленинградского УНКВД Заковский. Рокоссовскому выбили несколько передних зубов, сломали три ребра, молотком били по пальцам ног, а в 1939 г. его выводили во двор тюрьмы на расстрел и давали холостой выстрел. Однако Рокоссовский не дал ложных показаний ни на себя, ни на других. По рассказу правнучки, в своих записях отметил, что враг посеял сомнения и обманул партию — это привело к арестам невинных. По сведениям полковника юстиции Ф.А. Климина, бывшего в числе трёх судей Военной коллегии ВС СССР, разбиравших дело Рокоссовского, в марте 1939 г. состоялся суд, но все свидетели, давшие показания, уже были мертвы. Рассмотрение дела было отложено на доследование, осенью 1939 г. состоялось второе заседание, также отложившее вынесение приговора. По некоторым предположениям, Рокоссовский был этапирован в лагерь. Есть версия, что всё это время Рокоссовский находился в Испании в качестве военного эмиссара под псевдонимом, предположительно, Мигель Мартинес (из «Испанского дневника» М.Е. Кольцова).

«При этом, надо отметить, что не всегда репрессии были совершенно необоснованны. Так, будущий Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский был осужден по 58-й статье. Какие выдвигались основания? Будучи командиром кавалерийской дивизии в Забайкалье, Рокоссовский пренебрег предупреждениями о предстоящем резком изменении погоды, поднял дивизию по тревоге и вывел в поле. Кавалеристы попали под проливные дожди, а затем ударили заморозки. Кони не имели утепленных потников и попон, были подкованы по-летнему. Не имел бурок и шинелей и личный состав. В результате многие кони заболели и пали или поломали ноги на гололеде. Были случаи простуды со смертельным исходом и среди личного состава дивизии. Случай можно, конечно, квалифицировать, как преступную халатность, но в 1938 г. действия К.К. Рокоссовского посчитали вредительством».

22 марта 1940 г. Рокоссовский был освобождён, в связи с прекращением дела, при ходатайстве С.К. Тимошенко к И.В. Сталину, и реабилитирован. К.К. Рокоссовского полностью восстанавливают в правах, в красноармейской должности и в партии, весну он проводит с семьей на курорте в Сочи. В том же году с введением генеральских званий в РККА ему присваивается звание «генерал-майор».

После отпуска Рокоссовский назначается в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом (далее КОВО) генерала армии Г.К. Жукова, а, по возвращении 5-го кавалерийского корпуса из похода в Бессарабию (июнь-июль 1940 г.) в состав Кавалерийской армейской группы КОВО (г. Славута), вступает в командование корпусом.

В ноябре 1940 г. Рокоссовский получает новое назначение на должность командира 9-го механизированного корпуса, который ему предстояло сформировать в КОВО.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

К.К.Рокоссовский командовал 9-м механизированным корпусом в сражении под Дубно-Луцком-Бродами. Несмотря на некомплект танков и транспорта, войска 9 мехкорпуса в течение июня — июля 1941 г. активной обороной изматывали противника, отступая только по приказу. За успехи был представлен к 4-му ордену «Красного Знамени».

11 июля 1941 г. назначен командующим 4-й армией на южном фланге Западного фронта. Рокоссовский прибыл в штаб Западного фронта, однако в связи с ухудшением обстановки ему поручено руководство оперативной группой для восстановления положения в районе Смоленска. Ему выделили группу офицеров, радиостанцию и два автомобиля; остальное он должен был добирать сам: останавливать и подчинять себе остатки 19-й, 20-й и 16-й армий, выходивших из смоленского котла, и удерживать этими силами район Ярцево.

Группа Рокоссовского способствовала деблокаде окружённых в районе Смоленска советских армий. 10 августа она была реорганизована в 16-ю армию (второго формирования), а Рокоссовский стал командующим этой армией; 11 сентября 1941 г. получил звание генерал-лейтенанта.

БИТВА ЗА МОСКВУ

В начале Московской битвы основные силы 16-й армии Рокоссовского попали в Вяземский «котёл», однако управление 16-й армии, передав войска 19-й армии, успело выйти из окружения. «Новой» 16-й армии было приказано прикрыть Волоколамское направление, при этом Рокоссовскому опять пришлось собирать себе войска. Рокоссовский перехватывал войска на марше; в его распоряжение поступил отдельный курсантский полк, созданный на базе Московского пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР, 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И.В. Панфилова, 3-й кавалерийский корпус генерал-майора Л.М. Доватора. Вскоре под Москвой была восстановлена сплошная линия обороны, и завязались упорные бои.

Именно под Москвой К.К. Рокоссовский приобрел полководческий авторитет. За битву под Москвой К.К. Рокоссовский был награждён орденом Ленина. В этот период в 85-м походно-полевом госпитале при штабе армии он познакомился с военврачом 2-го ранга Галиной Васильевной Талановой.

РАНЕНИЕ

8 марта 1942 г. Рокоссовский был ранен осколком снаряда. Ранение оказалось тяжёлым — были задеты правое лёгкое, печень, рёбра и позвоночник. После операции в Козельске был доставлен

в московский госпиталь в здании Тимирязевской академии, где проходил лечение до 23 мая 1942 г.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

26 мая прибыл в Сухиничи и вновь принял командование 16-й армией. 30 сентября 1942 г. генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский был назначен командующим Донским фронтом. При его участии был разработан план операции «Уран» по окружению и уничтожению вражеской группировки, наступавшей на Сталинград. Силами нескольких фронтов 19 ноября 1942 г. началось проведение операции, 23 ноября кольцо вокруг 6-й армии генерала Ф. Паулюса было замкнуто.

Руководство по разгрому вражеской группировки Ставка поручила Донскому фронту во главе с К.К. Рокоссовским, который 15 января 1943 г. получил звание генерал-полковника.

31 января 1943 г. войска под командованием К.К. Рокоссовского пленили фельдмаршала Ф. фон Паулюса, 24 генерала, 2500 немецких офицеров, 90 тыс. солдат.

28 января 1943 г. Рокоссовский был награждён только что учреждённым орденом Суворова.

КУРСКАЯ БИТВА

В феврале — марте 1943 г. Рокоссовский руководил войсками Центрального фронта в Севской операции. 7 февраля штаб командующего фронтом разместился в Фатежском районе, Курской области. Мостить дороги было нечем. Рокоссовский приказал разобрать разрушенную церковь в Фатеже и пустить её на строительство дороги. По этим камням прошли войска и танки... Несмотря на неудачу наступления 28 апреля 1943 г., Рокоссовский был произведён в генералы армии.

Из донесений разведки следовало, что летом немцы планируют большое наступление в районе Курска. Командующие некоторых фронтов предлагали развивать успехи Сталинграда и провести широкомасштабное наступление летом 1943 г., К.К. Рокоссовский был другого мнения. Он считал, что для наступления нужно двойное, тройное превосходство сил, чего у советских войск на этом направлении не было. Чтобы остановить немецкое наступление летом 1943 г. под Курском, не-

обходимо перейти к обороне. Необходимо буквально укрыть в земле личный состав, боевую технику. К.К. Рокоссовский проявил себя блестящим стратегом и аналитиком — на основании данных разведки он сумел в точности определить участок, на котором немцы нанесли главный удар, создать на этом участке глубокоэшелонированную оборону и сосредоточить там около половины своей пехоты, 60% артиллерии и 70% танков. Поистине новаторским решением была также артиллерийская контрподготовка, проведённая за 10-20 минут до начала немецкой артиллерийской подготовки. Оборона Рокоссовского оказалась настолько прочной и стабильной, что он смог передать значительную часть своих резервов Ватутину, когда у того на южном фланге Курской дуги возникла угроза прорыва. Его слава уже гремела по всем фронтам, он стал широко известным на Западе в качестве одного из самых талантливых советских военачальников. Очень популярен был Рокоссовский и среди солдат. В составе Центрального фронта в 1943 г. был сформирован и вступил в бои 8-й Отдельный (офицерский) батальон, прозванный немецкой пропагандой «Бандой Рокоссовского».

После Курской битвы Рокоссовский успешно провёл силами Центрального (с октября 1943 г. переименованного в Белорусский) фронта Черниговско-Припятскую операцию, Гомельско-Речицкую операцию, Калининковичско-Мозырскую и Рогачевско-Жлобинскую операции.

БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В полной мере полководческий талант К.К. Рокоссовского проявился летом 1944 г. при проведении операции по освобождению Белоруссии.

План операции разрабатывался Рокоссовским совместно с А.М. Василевским и Г.К. Жуковым.

Стратегической изюминкой этого плана было предложение Рокоссовского нанести удар по двум главным направлениям, что обеспечивало охват флангов противника на оперативной глубине и не давало последнему возможности манёвра резервами.

Операция «Багратион» началась 22 июня 1944 г.. В рамках Белорусской операции Рокоссовский успешно проводит Бобруйскую, Минскую и Люблин-Брестскую операции.

Успех операции заметно превзошёл ожидания советского командования. В результате двухмесячного наступления была полностью освобождена Белоруссия, отбита часть Прибалтики, освобождены восточные районы Польши. Практически полностью была разгромлена немецкая группа армий «Центр». Кроме того операция поставила под угрозу группу армий «Север» в Прибалтике.

С военной точки зрения сражение в Белоруссии привело к масштабному поражению немецких вооружённых сил. Распространена точка зрения, согласно которой битва в Белоруссии является крупнейшим поражением немецких вооружённых сил во Второй мировой войне. Операция «Багратион» является триумфом советской теории военного искусства благодаря хорошо скоординированному наступательному движению всех фронтов и проведённой операции по дезинформации противника о месте генерального наступления.

29 июня 1944 г. генералу армии К.К. Рокоссовскому была вручена бриллиантовая звезда Маршала Советского Союза, а 30 июля — первая Звезда Героя Советского Союза. К 11 июля была взята в плен 105-тысячная группировка противника. Когда на Западе усомнились в количестве пленных в ходе операции «Багратион», то И.В. Сталин приказал провести их по улицам Москвы. С этого момента И.В. Сталин стал называть К.К. Рокоссовского по имени и отчеству, такого обращения удостоивался лишь маршал Б.М. Шапошников. Далее войска 1-го Белорусского фронта участвовали в освобождении родной К.К. Рокоссовскому Польши.

Рокоссовский пишет: «В ноябре 1944 г. назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта, получив лично от товарища Сталина задачу: подготовить наступательную операцию по прорыву обороны противника на рубеже р. Нарев и разгрому восточно-прусской группировки немцев...»

Командующим 1-м Белорусским фронтом был назначен Г.К. Жуков, и честь взятия Берлина была предоставлена ему. Рокоссовский спросил у Сталина за что его переводят с главного направления на второстепенный участок: «Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трёх фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и

1-го Украинского; успех этой операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание... Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий.»

В качестве командующего 2-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский провёл ряд операций, в которых проявил себя как мастер манёвра. Ему дважды приходилось разворачивать свои войска практически на 180 градусов, умело концентрируя свои немногочисленные танковые и механизированные соединения. Он успешно руководил войсками фронта в Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операциях, в результате которых были разгромлены крупные мощные немецкие группировки в Восточной Пруссии и Померании.

Во время Берлинской наступательной операции войска 2-го Белорусского фронта под командованием К.К. Рокоссовского своими действиями сковали главные силы 3-й немецкой танковой армии, лишив её возможности участвовать в битве за Берлин.

1 июня 1945 г. за умелое руководство войсками фронта в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях, Маршал Советского Союза Рокоссовский Константин Константинович был удостоен второй медали «Золотая Звезда».

7 января 1945 г. Галина Таланова родила от него дочь Надежду. Рокоссовский дал ей свою фамилию, потом помогал, но с Галиной не встречался.

В феврале 1945 г., спустя тридцать лет, Рокоссовский встретил свою сестру Хелену в Польше.

24 июня 1945 г. по решению И.В. Сталина К.К. Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве (принимал Парад Победы Г.К. Жуков). А 1 мая 1946 г. Рокоссовский принимает парад.

С июля 1945 до 1949 г., по приказу Верховного Главнокомандующего, он — создатель и Главнокомандующий Северной группой войск на территории Польши в г. Легница, Нижняя Силезия.

Рокоссовский налаживал связь с правительством, военными округами Войска Польского, общественными организациями, оказывал помощь в восстановлении народного хозяйства Польши. Были построены казармы, дома офицеров, склады, библиотеки, лечебные учреждения, переданные в дальнейшем Войску Польскому.

СЛУЖБА В ПОЛЬШЕ

В 1949 г. польский президент Болеслав Берут обратился к И.В. Сталину с просьбой направить в Польшу для прохождения службы на посту министра национальной обороны поляка К.К. Рокоссовского. Несмотря на длительное проживание в России, Рокоссовский остался поляком по манере и речи, что обеспечило благосклонность большинства поляков. В 1949 г. городские народные советы Гданьска, Гдыни, Картуз, Сопота, Щецина и Вроцлава своими постановлениями признали Рокоссовского «Почётным гражданином» данных городов, которые во время войны были освобождены войсками под его командованием. Однако, некоторые газеты и западная пропаганда усиленно создавали ему репутацию «москвиты» и «наместника Сталина». В 1950 г. на него дважды было совершено покушение польскими националистами, в том числе из кадров польской армии, состоявших ранее в Армии крайовой.

В 1949—1956 г.г. он проделал большую работу по перевооружению, структурной реорганизации польской армии (сухопутные моторизованные войска, танковые соединения, ракетные соединения, войска ПВО, авиация и Военно-Морской флот), подъёму обороноспособности и боеготовности в свете современных требований (угроза ядерной войны), сохранив её национальное своеобразие. Согласно интересам армии, в Польше были модернизированы пути сообщения и связь, создана военная промышленность (артиллерия, танки, авиация, другая техника). В апреле 1950 г. введён новый Устав внутренней службы Войска Польского. Обучение строилось на основе опыта Советской Армии. Рокоссовский постоянно посещал военные части и манёвры. Для обучения офицеров были открыты Академия Генерального штаба им. К. Сверчевского, Военно-техническая академия им. Я. Домбровского и Военно-политическая академия им. Ф. Дзержинского.

Также работал заместителем председателя Совета Министров Польши, был членом Политбюро ЦК Польской объединённой рабочей партии. 14 мая 1955 г. присутствовал при подписании Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в Варшаве.

После смерти президента, Болеслава Берут и Познанских выступлений, первым секретарём ПОРП был избран «антисталинист» Владислав Гомулка. Конфликт между поддерживавшими Рокоссов-

ского «сталинистами» («натолинская группа») и «антисталинистами» в ПОРП привёл к смещению Рокоссовского из Политбюро ЦК ПОРП и Министерства национальной обороны как «символа сталинизма». 22 октября в письме в ЦК ПОРП, подписанном Н.С. Хрущёвым, советская сторона выразила согласие с таким решением. Рокоссовский уехал в СССР и больше не приезжал, а всё своё имущество в Польше раздал обслуживавшим его людям.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

С ноября 1956 г. по июнь 1957 г. — заместитель Министра обороны СССР, по октябрь 1957 г. — Главный инспектор Министерства обороны СССР с оставлением в должности заместителя Министра обороны. С октября 1957 г. по январь 1958 г. в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке — командующий войсками Закавказского военного округа. Этот перевод связывают также с тем, что на состоявшемся в 1957 г. Пленуме ЦК КПСС Рокоссовский сказал в своём выступлении, что многие из находящихся на руководящих постах должны чувствовать вину за неправильную линию Жукова на посту Министра обороны СССР. С января 1958 г. по апрель 1962 г. — снова заместитель Министра обороны СССР — главный инспектор Министерства обороны. В 1961—1968 г.г. возглавлял Государственную комиссию по расследованию причин гибели подводной лодки С-80.

По утверждению главного маршала авиации Александра Голованова, в 1962 г. Н.С. Хрущёв предложил Рокоссовскому написать «почерней и погуще» статью против И.В. Сталина. По словам Александра Голованова, Рокоссовский ответил: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!», — и на банкете не стал чокаяться с Хрущёвым. На следующий день его окончательно сняли с должности заместителя Министра обороны СССР. Бесшумный адъютант Рокоссовского генерал-майор Кульчицкий объясняет упомянутый выше отказ отнюдь не преданностью Рокоссовского Сталину, а глубоким убеждением полководца в том, что армия не должна участвовать в политике. Встречавшиеся и служившие с ним неизменно отмечали его интеллигентность и уважительное отношение к людям.

С апреля 1962 г. по август 1968 г. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Расследовал сдачу недостроенных кораблей на флоте.

Писал статьи в «Военно-исторический журнал». За день до своей смерти в августе 1968 г. Рокоссовский подписал в набор свои воспоминания «Солдатский долг».

3 августа 1968 г. К.К. Рокоссовский скончался. Урна с прахом К.К. Рокоссовского похоронена в Кремлёвской стене.

ОТЗЫВЫ О МАРШАЛЕ К.К. РОКОСОВСКОМ

Главный маршал авиации А.Е. Голованов:

«Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению со своими подчинёнными, к которым он всегда относился с уважением, никогда не подчёркивая своего служебного положения, волевым качествам и выдающимся организаторским способностям он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех тех, с кем ему довелось воевать. Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их и, как правило, выходил победителем. Сейчас ещё не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что когда это произойдёт, К.К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев».

Маршал А.М. Василевский:

«Хочу сказать несколько теплых, сердечных слов о общем любимце Красной Армии Константине Константиновиче Рокоссовском. Это один из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил. Командуя рядом фронтов, причём всегда на весьма ответственных направлениях, Константин Константинович своим упорным трудом, большими знаниями, мужеством, храбростью, огромной работоспособностью и неизменной заботой о подчинённых снискал себе исключительное уважение и горячую любовь. Я счастлив, что имел возможность на протяжении Великой Отечественной войны быть свидетелем полководческого таланта Константина Константиновича, его завидного во всех случаях спокойствия, умения найти мудрое решение самого сложного вопроса».

Н.С. Хрущёв:

«Я считаю его одним из лучших командующих войсками. И как человек он мне нравился. Особенно нравилась его служебная порядочность».

Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков:

«Я много раз думал, почему все, кто так или иначе знал Рокоссовского, относились к нему с безграничным уважением. И ответ напрашивался только один: оставаясь требовательным, Константин Константинович уважал людей независимо от их звания и положения. И это главное, что привлекало в нём».

Генерал армии П.И. Батов:

«Он никогда не навязывал своих предварительных решений, одобрял разумную инициативу и помогал развить её. Рокоссовский умел руководить подчинёнными так, что каждый офицер и генерал с желанием вносил в общее дело свою долю творчества. При всём этом сам К.К. Рокоссовский и мы, командармы, хорошо понимали, что полководцем нашего времени без сильной воли, без своих твёрдых убеждений, без личной оценки событий и людей на фронте, без своего почерка в операциях, без интуиции, то есть без собственного «я», быть нельзя».

Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян:

«Рассказывая о встрече с К.К. Рокоссовским, а их у меня было несколько, я хочу ещё раз подчеркнуть обаяние Константина Константиновича, которое порождало глубокую симпатию к нему не только среди тех, кто имел с ним непосредственный служебный контакт, но и в среде широких солдатских масс. Рокоссовский помнил и лично знал сотни людей, заботился о них, никогда не забывал о тех, кто достоин поощрения и награды, умел вникать в дела и заботы командиров, умел благожелательно выслушать каждого».

Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов:

«Донским фронтом командовал генерал К.К. Рокоссовский, которого я знал ещё по Ленинградскому военному округу, где он в 1936—1937 г.г. командовал кавалерийским корпусом. А всего несколько месяцев назад мы встречались с ним на Западном фронте, где Константин Константинович командовал 16-й армией. Он всегда мне нравился — я ценил его знания, умение руководить войсками, большой опыт, исключительную скромность и тактич-

ность в общении с людьми. Рокоссовский пользовался какой-то особой любовью у своих подчиненных».

Генерал армии С.М. Штеменко:

«Очень колоритна полководческая фигура Константина Константиновича Рокоссовского... Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что его не только безгранично уважали, но и искренне любили все, кому довелось соприкасаться с ним по службе».

СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ ТИМОШЕНКО. МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Родился 6 (18) февраля 1895 г. в селе Фурманка (ныне – Фурмановка), Килийского района Одесской области. Супруга – Анастасия Михайловна. Сын – Константин Семенович, дочери – Екатерина Семеновна и Ольга Семеновна.

В 1914 г. призван в царскую армию. В Первой мировой войне принимал участие рядовым пулеметчиком на Западном фронте. В 1917 г. в составе 1-го Черноморского красногвардейского отряда участвовал в ликвидации корниловщины.

В 1918 г. сражался в Крыму и на Кубани в составе 1-го конногвардейского полка, созданного на базе Черноморского отряда. Командовал взводом, эскадронам, вскоре стал командиром полка.

В ноябре 1918 г. С.К.Тимошенко принял 2-ю отдельную кавалерийскую бригаду. Спустя год он стал командиром 6-й кавалерийской дивизии, вошедшей в состав 1-й Конной армии С.М. Буденного. Дивизия отличилась в боях под Воронежем, Касторной, Ростовом-на-Дону, Егорлыкской, Житомиром и Бродами.

В августе 1920 г. С.К. Тимошенко вступает в командование 4-й кавалерийской дивизией. Она нанесла весьма серьезный урон войскам Врангеля и банде Махно. За мужество и героизм в сражениях Гражданской войны С.К.Тимошенко награжден двумя орденами Красного Знамени. Вскоре Семену Константиновичу доверили командовать 3-м кавалерийским корпусом. В 1922 и в 1927 г.г. окончил высшие академические курсы, в 1930 г. – курсы единоначальников при Военно-политической академии. В 1933 г. С.К. Тимошенко получил назначение на должность заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. В ту пору им командовал талантливый военачальник И.П. Уборевич. Два героя Гражданской войны вместе успешно провели учения в районе

Слуцка и других гарнизонов с целью повышения боевой готовности войск. В те годы С.К. Тимошенко сблизился с Г.К. Жуковым. Эти отношения они пронесли сквозь многие годы и испытания.

В сентябре 1935 г. С.К. Тимошенко получает новое назначение — заместителем командующего войсками Киевского военного округа. Через два года новая должность — командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Спустя четыре месяца С.К. Тимошенко принял Харьковский военный округ, в феврале 1938 г. — Киевский Особый военный округ.

В сентябре 1939 г. под его командованием армии Киевского ОВО, объединенные в Украинский фронт, совершили исторический поход в Западную Украину.

Цель походов 1939—1940 годов заключалась в оказании помощи народам Западной Украины, Западной Белоруссии и Северной Буковины, насильственно отторгнутым от Советской России в годы Гражданской войны, в их борьбе за восстановление Советской власти и воссоединение с СССР. К тому же вторжение немецко-фашистской армии в сентябре 1939 г. в Польшу не только создавало прямую угрозу фашистского порабощения населения Западной Украины и Западной Белоруссии, но и представляло собой опасность для западных границ СССР.

В состав фронта входили три армии, подготовленные для длительного марша, и авиационные части. Начальником штаба фронта был один из талантливых военачальников — Н.Ф. Ватутин.

Началась советско-финляндская война 1939—1940 гг. В январе 1940 г. С.К. Тимошенко поставили во главе Северо-Западного фронта, войска которого осуществляли прорыв мощной системы долговременных укреплений — знаменитой линии Маннергейма, построенной при участии немецких, китайских, французских и бельгийских военных специалистов и при фи-

нансовой помощи Великобритании, Франции, Швеции, Германии и США.

Наиболее тяжелые бои развернулись на Карельском перешейке. Лишь к 12 декабря 1939 г. войска 7-й армии при мощной поддержке авиации и артиллерии преодолели прочно укрепленную полосу обороны и вышли к линии Маннергейма. С.К. Тимошенко приказал использовать всю мощь артиллерии фронта и флота, наносить массированные удары с воздуха. За три дня линия прочной обороны была прорвана. В прорыв командующий фронтом ввел танки, и противник начал отступление. Правительство Финляндии, не считаясь с мнениями союзников, обратилось к советскому правительству с просьбой о заключении мирного договора. 12 марта 1940 г. в Москве такой договор был подписан.

За выдающиеся заслуги в руководстве войсками и решительные действия в ходе войны с Финляндией Семену Константиновичу Тимошенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

В мае 1940 г. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко становится наркомом обороны СССР. На этой должности он принимал максимально возможные меры, направленные на перевооружение Красной Армии более мощной боевой техникой и автоматическим оружием, стратегическую перегруппировку войсковых соединений, укрепление государственной границы, подготовку командных кадров, укрепление дисциплины в войсках, реорганизацию частей и соединений.

Г.К. Жуков, командовавший тогда войсками Киевского Особого военного округа, отмечал, что в течение 1940 г. часто проводились учения. На многих из них присутствовал лично нарком обороны С.К. Тимошенко. Зимой 1940-1941 года прошла большая оперативно-стратегическая военная игра. В своем выступлении во время подведения ее итогов нарком обороны сказал, что в 1941 г. войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно и организованно. Прежде всего потому, что они уже обустроились в новых районах дислокации.

Но этим планам не суждено было сбыться... Грянула Великая Отечественная война.

Для С.К. Тимошенко наступило самое ответственное и трудное время. Он становится председателем Ставки Главного Командования. Но 8 августа 1941 г. Верховным Главнокомандующим на-

значается И.В. Сталин, возглавивший Ставку Верховного Главнокомандования. Это вызвало перестановку в Наркомате обороны. С.К. Тимошенко был назначен заместителем наркома обороны и вошел в состав Ставки Верховного Главнокомандования.

В июле 1941 г. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко назначается Главкомандующим Западным направлением.

С сентября 1941 г. по июнь 1942 г. С.К. Тимошенко — главком Юго-Западным направлением. Под его руководством было подготовлено и осуществлено контрнаступление советских войск под Ростовом-на-Дону в 1941 г..

12 июля 1942 г. создается Сталинградский фронт. Командующим этим фронтом назначается С.К. Тимошенко. Роль этого фронта трудно переоценить. Войска Сталинградского фронта приняли на себя удары превосходящих сил противника и на некоторое время остановили продвижение немецко-фашистских войск.

В октябре 1942 г. С.К. Тимошенко вступает в командование Северо-Западным фронтом. В труднейших условиях войска этого фронта ликвидировали Демянский плацдарм противника и вышли на реку Ловать. А с марта до июня 1943 г. маршал Тимошенко уже в качестве представителя Ставки осуществлял координацию действий Ленинградского и Волховского фронтов, в июне—ноябре 1943 г. — Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота.

Предстояла сложная Новороссийско-Таманская операция. И опять сюда направляется Семен Константинович Тимошенко. Хорошо знавший этот район боевых действий, он сумел организовать четкое взаимодействие сухопутных войск с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией. В результате боев в сентябре—октябре 1943 г. были освобождены Новороссийск, порты Таманского полуострова и созданы условия для ударов по крымской группировке гитлеровцев. В феврале—июне 1944 г. С.К. Тимошенко обеспечивает координацию действий 2-го и 3-го Прибалтийских, и с августа 1944 г. и до конца войны — 2, 3, 4-го Украинских фронтов. Все эти фронты провели ряд крупных стратегических операций, в которых действовали в интересах общего плана Ставки и добивались серьезных успехов.

В своих мемуарах Георгий Константинович Жуков, рассказывая об освобождении Болгарии, отметит: «Общую координацию

2-го и 3-го Украинских фронтов в это время успешно осуществлял Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко».

Семен Константинович пользовался высоким авторитетом в армии. Командуя фронтами и координируя боевые действия войск, он активно содействовал командованию фронтов в своевременном получении резервов, боевых и технических средств, без чего немислимы успешные действия. Семен Константинович Тимошенко — один из тех полководцев, которые на войне общались не только с генералами и офицерами, но и с рядовыми воинами. Его можно было видеть как на командных пунктах, так и в солдатских окопах.

В сложных фронтовых условиях он принимал смелые решения, брал на себя ответственность. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в своих мемуарах «Так начиналась война» вспоминает, как его под Полтавой вызвал главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал Тимошенко. Обрисовав тяжелейшее положение главной группировки войск фронта на Киевском направлении, он сказал, что единственное решение для войск Юго-Западного фронта — это организованный отход всеми силами на тыловой рубеж по реке Псел, и приказал лететь на самолете к командующему фронтом генералу Кирпоносу и передать его приказ на отход. Но у Ставки оказалось другое мнение: не оставлять Киевский укрепленный район. Это, в конечном счете, привело к тяжелейшим последствиям — окружению части войск фронта, гибели командующего фронтом.

После окончания Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко менее года командовал войсками Барановичского военного округа. С 1946 г. по 1949 г. он возглавлял Южно-Уральский военный округ, образованный еще в ноябре 1941 г.. Семен Константинович считал своим родным Белорусский военный округ. Приняв этот округ в 1949 г., он руководил им 11 лет подряд. Под его руководством здесь проводились многие учения войск, командно-штабные игры, полевые занятия в условиях применения атомного оружия.

Как член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР он оказывал реальную помощь Белоруссии в решении многих экономических задач.

Маршалы не уходят в отставку. В апреле 1960 г. Семен Константинович в возрасте 65 лет зачислен в Группу генеральных

инспекторов. С.К. Тимошенко активно участвовал в работе по изучению и обобщению опыта Второй мировой и Великой Отечественной войн, рецензировании военно-теоретических и военно-исторических трудов, чем значительно способствовал разработке вопросов военной теории.

Восемь лет — с 1961 по 1969 г. — С.К. Тимошенко возглавлял Советский комитет ветеранов войны. За это время им было немало сделано для улучшения материально-бытовых условий жизни участников и инвалидов войны, семей погибших воинов. Он внес свой вклад в разрядку напряженности, сотрудничество и дружбу народов, выступал против пропаганды войны, гонки вооружений, организации военных агрессивных и реваншистских союзов и блоков. Выступая в печати и на военных конференциях, он решительно разоблачал фальсификаторов истории Второй мировой войны.

Увлекался Семен Константинович верховыми прогулками, охотой и книгами.

18 февраля 1970 г. Маршал Советского Союза Семён Константинович Тимошенко отметил своё 75-летие. Вся огромная советская страна чествовала в тот день юбиляра, одного из своих славных полководцев. Маршал Г.К. Жуков вручил Семёну Константиновичу дарственный экземпляр своей книги «Воспоминания и размышления» с надписью: «Я многому от Вас научился. Это дало возможность мне овладеть оперативно-стратегическим искусством, которое так пригодилось в Великой Отечественной войне...». Жить Семёну Константиновичу оставалось совсем немного — 31 марта 1970 г. он умер. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Заслуги этого полководца по достоинству оценены государством. Он дважды Герой Советского Союза, награждён пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом «Победа», пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, медалями, Почётным революционным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР и Почётным оружием, иностранными орденами и медалями. На родине Героя установлен бронзовый бюст.

Все, кому довелось общаться с Семёном Константиновичем, отмечали его глубокую порядочность, человечность. Маршал

К.К. Рокоссовский писал: «Вспомнилось мне начало 30-х годов — 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С.К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того — любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в общении и товарищескую доступность».

А ещё известна любовь маршала к своей семье, в которой было трое детей. Даже во время войны ему, постоянно недосыпавшему, удавалось написать хотя бы несколько тёплых строк для родных и передать письмо.

Для Семёна Константиновича Тимошенко были характерны доброжелательность к окружающим, моральная чистота, забота о подчинённых. Всё это отмечали в своих воспоминаниях многие военачальники. И не только маршалы и генералы. Бывший сержант-фронтовик Н.Г. Ляшенко с 1949 по 1958 г. часто встречался с маршалом. Николай Гордеевич работал начальником продовольственного снабжения в окружном санатории. Он особо подчёркивал, что за свежую рыбу, раков и свежее испечённый хлеб маршал обязательно расплачивался. В этих вопросах он был очень щепетилен. Однажды новый начальник санатория решил угодить командующему и существенно занижил счёт для оплаты за время пребывания в санатории маршала и трёх офицеров, которые были с ним. Порученец Тимошенко удивился дешёвизне и доложил об этом Семёну Константиновичу. Тот очень рассердился. Заплатил полную сумму, а с начальником санатория даже не попрощался. В дальнейшем льстец и не пытался даже заниматься подхалимством.

Чем не пример для нынешних руководителей — как военных, так и беспогонных? Вот на кого надо равняться власть предержащим. А ещё почаще задумываться над тем, как тебя оценят потомки. Именно такие честные люди, как маршал Тимошенко, остаются в памяти народной. Страшно подумать, что после Первой Мировой он мог вернуться на родину и, как земляки, заняться хлебопашеством. Но родина была занята врагами, и он выбрал военный путь. Судьба дала ему шанс стать великой, легендарной личностью, и он его использовал, оставшись при этом душевным, простым человеком.

Таким он был, Маршал Советского Союза Семён Константинович Тимошенко, отмечавший своё пятидесятилетие менее чем за три месяца до Великой Победы. Без него эта Победа могла отодвинуться на более поздний срок.

Имя Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко присвоено Военной академии химзащиты и противолодочному кораблю. На здании штаба Белорусского военного округа установлена мемориальная доска. В Военной академии химзащиты есть музей С.К. Тимошенко. В Москве его именем названа одна из улиц. В селе Фурмановка Килийского района Одесской области установлен бронзовый бюст Маршала Советского Союза Семёна Константиновича Тимошенко.

КИРИЛЛ СЕМЕНОВИЧ МОСКАЛЕНКО. МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Кирилл Семенович Москаленко родился 11 мая 1902 г. в селе Гришино Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в большой крестьянской семье. Окончил сельскую церковно-приходскую школу. По окончании школы поступил в министерское училище и с отличием его закончил.

Октябрьскую революцию встретил восторженно. В 1920 г. вступил в комсомол, а затем в красногвардейский отряд Куличенко. Участвовал в боях с бандами Махно. Затем действовал в составе частей регулярной Красной армии. После Гражданской войны, в 1922 г., Кирилл Семенович окончил Харьковскую объединенную школу красных командиров, был направлен в 6-ю Чонгарскую кавалерийскую дивизию командиром взвода конно-артиллерийского дивизиона. Через год Москаленко принял учебную батарею этого же дивизиона, потом несколько лет занимал должность начальника штаба полка. Затем Москаленко направили учиться на курсы усовершенствования комсостава. С окончанием курсов для прохождения службы он был направлен в Забайкалье начальником штаба полка, затем командиром полка, дальше последовал перевод в Приморье на должность начальника артиллерии танковой бригады. В 1932 г. Москаленко назначают начальником штаба полка в 1-ю кавалерийскую дивизию, через год он принял полк.

С Дальнего Востока К.С. Москаленко был переведен в Киев и назначен начальником артиллерии механизированного корпуса.

С этой должности его направили в академию им. Дзержинского на факультет комсостава. По окончании академии в 1939 г. Кирилла Семеновича направляют в Одессу начальником артиллерии стрелковой дивизии. Вскоре он становится начальником артиллерии стрелкового корпуса, а позднее, его переводят в Молдавию на должность начальника артиллерии мехкорпуса. Перед войной Москаленко был направлен в г. Луцк на должность командира противотанковой бригады.

В приграничном сражении бригада Москаленко прикрывала отход советских войск от Владимира-Волынского через Луцк, сдерживая силы танковой группы Клейста, и нанесла ощутимый урон немцам. В июле 1941 г. Москаленко был награжден орденом Ленина. В начале сентября 1941 г. генерал Москаленко был назначен командиром 15-го стрелкового корпуса, с которым попал в окружение под Киевом, но корпус, входящий в состав 5-й армии, разорвал кольцо окружения, вышел на реку Псел. Москаленко был назначен командующим конно-механизированной армейской группировкой 13-й армии и принял участие в разгроме Елецкой группировки врага в Московском сражении.

В начале января 1942 г. К.С. Москаленко назначают командующим 6-й армией Юго-Западного фронта, а в марте 1942 г. командармом 38-й. Армия принимала участие в сражении Юго-Западного направления под Харьковом. Операция оказалась неудачной, фронт потерпел поражение, 38-я армия вместе с другими частями и соединениями вынуждена была отойти от Дона. Началось Сталинградское сражение. К.С. Москаленко участвовал в этом сражении как командарм 1-й, вновь сформированной, танковой армии.

С завершением стратегической операции под Сталинградом Москаленко получает новое назначение на должность командующего 40-й армией Воронежского фронта. Армия принимала

участие в проведении Острогожско-Россошанской армейской операции. Затем 40-я армия совместно с 3-й танковой армией участвовала в Воронежско-Касторненской операции. В конце 1943 г. армия участвовала в сражениях под Белгородом, Харьковом, вышла к Днепру. С форсированием Днепра К.С. Москаленко было присвоено воинское звание генерал-полковника и звание Героя Советского Союза. При проведении Киевской операции Москаленко вновь принял под свое командование 38-ю армию, которая находилась на Лютежском плацдарме. Армия принимала непосредственное участие в освобождении Киева, с боями продолжала продвигаться вперед и в апреле освободила г. Каменец-Подольский. Армия была включена в состав войск, участвующих в Проскурово-Черновицкой операции. С окончанием этой операции 38-я армия совместно с Чехословацким 1-м армейским корпусом генерала Свободы повела наступление через Карпаты в Словакию. После Карпатско-Дуклинской операции армия провела Ясло-Горлицкую армейскую операцию. Свой боевой путь 38-я армия под командованием генерал-полковника Москаленко закончила в Праге. За заслуги при освобождении Чехословакии Кириллу Семеновичу было присвоено звание Героя Чехословацкой Республики.

После окончания Великой Отечественной войны, в 1948 г., К.С. Москаленко был назначен командующим войсками Московского военного округа. С 1960 г. по 1962 г. занимал должность командующего Ракетными войсками стратегического назначения и заместителя министра обороны СССР. Москаленко являлся членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. Звание Маршал Советского Союза Москаленко присвоено в 1955 г. В 1978 г. ему вторично было присвоено звание Героя Советского Союза.

Умер Кирилл Семенович Москаленко в 1985 г., похоронен в Москве.

ИВАН ДАНИЛОВИЧ ЧЕРНЯХОВСКИЙ. ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Иван Данилович Черняховский родился 16 июня 1906 г. в селе Оксанино Уманского уезда Киевской губернии (ныне это село Оксанина, Уманский район Черкасской области, Украина) в семье железнодорожника. С 1919 г. трудился пастухом, с 1920 г. — рабочим в железнодорожном депо станции Вапнярка, с 1923 г. — рабочим цементного завода в Новороссийске. С 1922 г. состоял в комсомоле.

ДОВОЕННАЯ СЛУЖБА

В 1924 г. вступил добровольцем в Красную Армию. В 1924–1925 г.г. — курсант Одесского пехотного училища, в 1925 г. перевелся в Киевскую артиллерийскую школу и закончил её в 1928 г. Член ВКП(б) с 1928 года.

С 1928 г. — командир учебного взвода, с 1929 г. — командир батареи 17-го корпусного артполка в Украинском военном округе. В 1931 г. поступил в Военно-техническую академию в Ленинграде. С 1932 г. — слушатель Военной академии механизации и моторизации Рабоче-крестьянской красной армии, которую окончил с отличием в 1936 г. в звании старшего лейтенанта. Во время обучения в академии был получен сигнал о том, что И.Д. Черняховский «скрыл социальное происхождение». Важную роль в судьбе молодого командира сыграло заступничество Марии Ильиничны Ульяновой — она была заведующей Объединенным Бюро жалоб Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР.

С 1936 г. — начальник штаба 2-го танкового батальона, с 1937 г. — командир 1-го танкового батальона 8-й механизированной бригады. Майор.

В 1938—1940 г.г. — командир 9-го отдельного легкого танкового полка в Белорусском Особом военном округе. Подполковник.

В 1940 г. — командир танковой бригады в Белоруссии, в том же году назначен заместителем командира 2-й танковой дивизии Прибалтийского особого военного округа.

11 марта 1941 г. назначен командиром 28-й танковой дивизии 12-го механизированного корпуса в Прибалтике.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В Великую Отечественную войну командовал 28-й танковой дивизией (в декабре 1941 г. переформирована в 241-ю стрелко-

вую дивизию) в оборонительных боях юго-западнее Шяуляя, на Западной Двине, под Сольцами и Новгородом. В первые месяцы войны ему присвоено воинское звание полковник.

5 мая 1942 г. полковнику И.Д. Черняховскому присвоено воинское звание «генерал-майор».

В июне — июле 1942 г. он командует 18-м танковым корпусом на Воронежском фронте.

С июля 1942 г. — до апреля 1944 г. — командующий 60-й армией, которая приняла участие в Воронежско-Касторненской операции, Курской битве, форсировании рек Десна и Днепр, в Киевской, Житомирско-Бердичевской, Ровно-Луцкой, Проскуровско-Черновицкой операциях. За операцию по освобождению города Воронежа представлен к ордену Красного Знамени. При этом все остальные командармы Воронежского фронта были награждены орденами Кутузова 1-ой степени. Это связано с тем, что командующему 2-ой немецкой армии генералу Г. фон Зальмуту удалось вывести большинство своих частей из окружения, в которое они попали в районе Касторного. Однако затем именно армия Черняховского сыграла решающую роль в стремительном освобождении Курска, нанеся неожиданный для противника глубокий фланговый удар.

14 февраля 1943 г. ему присвоено звание «генерал-лейтенант».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 г. за высокие организаторские способности при форсировании Днепра и проявленный личный героизм генерал-лейтенанту Черняховскому Ивану Даниловичу присвоено звание Героя Советского Союза.

5 марта 1944 г. ему присвоено звание «генерал-полковник».

С апреля 1944 г. Черняховский командует войсками 3-го Белорусского фронта. Из всех командующих советскими фронтами он был самым молодым по возрасту. Фронт под его командованием успешно участвовал в Белорусской, Вильнюсской,

Каунасской, Мемельской, Гумбиннен-Гольдапской и Восточно-Прусской операциях.

28 июня 1944 г. ему присвоено звание «генерал армии». Черняховский стал самым молодым генералом армии в Рабоче-крестьянской красной армии, ему было всего 37 лет.

Второй медали «Золотая Звезда» генерал армии Иван Данилович Черняховский удостоен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1944 г. за успешные действия его войск при освобождении Витебска, Минска, Вильнюса.

18 февраля 1945 г. генерал армии И.Д. Черняховский был тяжело ранен осколками артиллерийского снаряда на окраине города Мельзак в Восточной Пруссии (ныне Пененжно, Польша) и в тот же день скончался. Был похоронен в Вильнюсе на одной из центральных площадей.

Генерал Александр Горбатов, будучи на тот момент командующим 3-ей армией, переведённой в состав 3-го Белорусского, так описывает момент гибели комфронта:

«Утром 17 февраля генерал армии Черняховский вызвал меня к телефону, поздравил с успехом, ознакомился с обстановкой и спросил, не отстают ли командиры дивизий и корпусов от боевых порядков и где находится штаб армии. Ответив на его вопросы, я добавил:

— Только что вернулся от Урбановича, он находится от противника в полутора километрах. Из-за систематического артобстрела я с трудом выбрался от него. Остальные командиры корпусов в таком же положении.

— Через два часа я буду у вас, — сказал Черняховский.

Учитывая, что он поедет с востока, я предупредил его, что шоссе здесь просматривается противником, обстреливается артогнем, но Черняховский не стал слушать и положил трубку...

...Проехав город, я, чтобы не опоздать, поспешил к развилке шоссе в семистах метрах восточнее городской окраины. Не доехав туда метров полтора, я увидел подъезжавший «виллис» и услышал один выстрел со стороны противника. Как только «виллис» командующего очутился на развилке, раздался единственный разрыв снаряда. Но он был роковым.

Ещё не рассеялись дым и пыль после разрыва, как я уже был около остановившейся машины. В ней сидело пять человек: ко-

мандующий фронтом, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером, он склонился к стеклу и несколько раз повторил: «Ранен смертельно, умираю».

Я знал, что в трех километрах находится медсанбат. Через пять минут генерала смотрели врачи. Он был ещё жив и, когда приходил в себя, повторял: «Умираю, умираю». Рана от осколка в груди была действительно смертельной. Вскоре он скончался. Его тело увезли в деревню Хаинрикау. Никто из четверых не был ранен, не была повреждена и машина.

Из штаба 41-го корпуса я донес о случившейся беде в штаб фронта и в Москву. В тот же день к нам прибыл член Военного совета фронта, а на другой день приехали представители следственных властей. Потом тело генерала Черняховского увезли.

Имеются свидетельства, что И.Д. Черняховский был представлен к званию Маршала Советского Союза, но погиб до обнародования Указа.

О гибели командующего были извещены войска. Мы призывали беспощадно отомстить врагу за нашу большую утрату. Это была действительно тяжкая утрата для Красной Армии — Черняховский был молод, талантлив и мог ещё много дать нашим Вооруженным Силам.

В 1992 г. прах дважды Героя Советского Союза И.Д. Черняховского был перезахоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Памятник Черняховскому был установлен в Воронеже, который в конце 1942 г. обороняла, а в январе 1943-го освобождала 60-я армия под командованием И.Д. Черняховского. На памятнике была сделана надпись: «И.Д. Черняховскому от воронежцев».

И.Д. Черняховский Самый молодой генерал армии и самый молодой командующий фронтом в истории Советских Вооруженных Сил.

«В лице тов. Черняховского, — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совета народных комиссаров СССР и Наркомата обороны, — государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны».

Эта формулировка использовалась только дважды. Первый раз на похоронах Н.Ф. Ватутина.»

Артиллерийский шедевр

*Артиллерия не только грохот,
но и наука!*

Пётр I

Имя величайшего конструктора артиллерийского вооружения середины XX столетия, генерал-полковника технических войск, Героя Социалистического Труда, лауреата четырёх Сталинских премий первой степени, доктора технических наук, профессора Василия Гавриловича

Грабина (1899/1900—1980) неразрывно связано с разработкой многочисленных артиллерийских орудий.

Наиболее выдающимся его творением является самая знаменитая пушка Второй мировой войны — 76-мм дивизионная пушка образца 1942 года (ЗИС-3).

Первый опытный экземпляр ЗИС-3 был изготовлен в день начала Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года — и уже через месяц заводских испытаний показан в Москве представителям заказчика, Главного артиллерийского управления (ГАУ).

...Вечером 10 августа 1941 года Грабина срочно вызвали в заводоуправление. Вот как он сам описывает произошедшие дальше события.

И вот послышался спокойный голос Сталина:

— При переходе на увеличенную программу так организуйте работу, чтобы выпуск пушек непрерывно возрастал. Учтите, нам дорога каждая пушка.

К этому времени на фронте уже успешно воевало не менее тысячи ЗИС-3.

За годы войны на вооружение Красной Армии поступило более 100 тысяч пушек ЗИС-3.

Страна «Знание», №4, стр. 24-25,
д.т.н. И.О. Москаленок

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ! СВАРКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Все участники «патоновской команды» понимали, что Родина в опасности, что борьба с коварным и сильным врагом идет не на жизнь, а на смерть.

«Мы находились в тылу, в то время как наши товарищи сражались на полях войны. Это заставляло всех трудиться не жалея сил, преодолевая множество трудностей, решать основную задачу — быстро и качественно сваривать танки и другое оружие, стать органической частью заводского коллектива».

Е.О. Патон

Фронтовик-танкист: «Если случаем встретите его, передайте большую благодарность от танкистов и их матерей. Его сварка повышает живучесть машины, а следовательно, и наши шансы дожить до конца войны».

* * *

За три года войны Институт электросварки АН УССР выполнил работу, на которую в мирных условиях ушло бы восемь-десять лет. Скоростная сварка под флюсом не только получила всеобщее признание, но стала основным технологическим процессом в бронекорпусных цехах.

Десятки тысяч боевых машин вышли из цехов со швами, сваренными под флюсом. К концу войны на корпусах танков уже вообще не было швов, сделанных вручную. Выпуск танков для фронта увеличился в несколько раз. К концу войны их количество превысило 100 тысяч.

КОМАНДИРЫ 55-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

ИВАН ПАВЛОВИЧ ШЕВЧУК. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Шевчук Иван Павлович родился в бедной крестьянской семье в 1892 г. в с. Чапля, ныне Летичевского района Хмельницкой области, Украина. Член КПСС с марта 1917 г. Участник 1-й мировой войны 1914—1918 гг., награжден четырьмя Георгиевскими крестами, произведён в прапорщики. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в формировании и обучении красногвардейских отрядов в Хабаровске. Летом 1918 г. возглавлял красногвардейские отряды на Уссурийском фронте в сражениях против интервентов и белогвардейцев. По решению 5-го краевого съезда Советов Дальнего Востока и Урульгинской конференции партийных и советских работников в середине 1919 г. создал и возглавил Тунгусский партизанский отряд. Гражданскую войну на Дальнем Востоке хабаровский грузчик И.П. Шевчук прошел от начала и до конца. Первый же красногвардейский отряд, сформированный в Хабаровске после захвата Владивостока контрреволюционерами, повёл в бой Шевчук. Когда народоармейцы и партизаны «на Тихом океане свой закончили поход», среди них был и Иван Павлович. А между этими крайними датами — десятки сражений, больших и малых. После захвата Хабаровска калмыкавцами в сентябре 1918 г. Иван Павлович со своими красногвардейцами ушёл в тайгу и там, в родной Тунгусской волости, возглавил партизанское движение. Дерзкими и в то же время отлично продуманными были налёты партизан Шевчука на японские гарнизоны. В апреле 1920 г. участвовал в боях с японцами за Хабаровск. С июня 1920 г. — один из командующих 2-й Амурской партизанской армией. Окон-

чил курсы усовершенствования комсостава, командовал полком, участвовал в советско-китайском вооруженном конфликте на Китайско-Восточной железной дороге (1929 г.). Окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе в 1933 г.

Во время Великой Отечественной войны командовал 55-ой стрелковой дивизией с июня 1941 г. по август 1942 г. на Северо-Западном фронте. За месяц боев дивизия потеряла более половины своего состава. 8 мая 1942 г. был осужден за неподготовленность дивизии к наступлению. Был назначен на должность (с понижением) заместителя командира 141-ой стрелковой дивизии. Погиб в бою 30 октября 1942 г.

Похоронен в Берёзовском городище у деревни Залучье Осташковского района, Калининской области.

Награды: орден Красного Знамени (20.02.1928), орден Красная Звезда (21.02.1938), медаль XX лет Рабоче-крестьянской красной армии (1928). На основании Решения Исполкома Калининского Областного Совета народных депутатов от 30.04.1985 г. №116 улица Школьная в г. Осташков носит имя И.П. Шевчука.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАЙОУЛЬЕВ. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Зайюльев Николай Николаевич родился 1 ноября 1906 г. в селе Заполички (ныне Верхнеднепровского района) Днепропетровской области в семье рабочего. Жил в Кировоградской области. Украинец. Член ВКП(б) с 1927 г. В 1928 г. окончил совпартшколу, позже работал учителем. В 1928 г. становится заведующим отделом агитационно-пропагандистской работы Днепропетровского обкома комсомола. В РККА с 1928 года. Зайюльев служил в пограничных войсках в Закавказье, участвовал в ликвидации мусаватистско-дашнакских банд в районе города Джульфа, позже служил на иранской границе.

С сентября 1930 по ноябрь 1933 г. Николай Николаевич обучался в Закавказской пехотной школе имени 26 Бакинских комиссаров, после окончания которой продолжил службу в Забайкалье командиром взвода 108-го Белорецкого Краснознамённого полка Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА). Получил звание среднего командира, в течение шести лет служил в одной части, прошёл по служебной лестнице все ступени от командира взвода до командира батальона. В феврале 1936 г. ему присваивают звание старший лейтенант, а в мае 1939 г. — капитан.

БОИ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

Командир батальона 149-го мотострелкового полка, затем командир 603-го стрелкового полка 82-й мотострелковой дивизии, (1-я армейская группа) майор Николай Заиюльев в мае — августе 1939 г. участвовал в боях у реки на Халхин-Гол. Входя со своим батальоном в состав 149-го мотострелкового полка, которым командовал майор Ремизов Иван Михайлович, неоднократно поднимал бойцов в штыковую атаку. Во время одной из них со взводом бойцов разгромил группу японских милитаристов.

Из представления к званию Героя Советского Союза майора Н.Н. Заиюльева, командира 603-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии:

«Партии и социалистической Родине предан. В прошлом участник боёв на Афганской границе. В боях с японскими самураями держит себя смело, храбро, выдержанно. Неоднократно с подразделениями своего батальона (будучи командиром батальона на 149-го стрелкового полка) ходил в атаку. В одной из атак со взводом лейтенанта Морозова, Заиюльев организовал разгром группы самураев в количестве 24 человек, взводом уничтожено 23 человека. Как лучший авторитетнейший командир батальона

Заиюльев назначен командиром 603-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1939 г. за образцовое выполнение заданий командования в борьбе против японских милитаристов и проявленные при этом мужество и героизм Николай Николаевич Заиюльев был удостоен звания Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В 1941 г. окончил курсы «Выстрел». Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Командовал 55-й стрелковой дивизией на Северо-Западном, Центральном и Первом Белорусском фронтах. Дивизия полковника Заиюльева особо отличилась в ходе Черниговско-Припятской и Калинковичско-Мозырской наступательных операций советских войск, в освобождении городов Щорс Черниговской области Украины и Мозырь Гомельской области Белоруссии.

«Заиюльев был человеком впечатлительным.¹ Как ни сдерживал он себя, ярость иногда выплескивала через край. Порой ему мало было командовать дивизией, хотелось драться самому. Были минуты, когда он охотно отдал бы свое полковничье звание за солдатское, за право самому идти в атаку.

На окраине деревни мы увидели в дорожной пыли труп старика, раздавленного фашистским танком, рядом лежал его сын, красивый молодой парень, с головой, пробитой пулей. У тела сына на коленях стояла мать, ее распущенные седые волосы раздувал ветер. Заиюльев покинул «виллис», приблизился к ней. И тогда она сказала:

— Что ж вы стали!.. Что ж вы стали, сыночки! Что фашистов не бьете!..

Она подняла голову. Слезы текли по ее лицу.

Батальон вместо преследования противника окапывался. Комбат стоял рядом с комдивом. А вдали еще маячили фигуры бегущих гитлеровцев. По ним лениво постреливала наша артиллерия.

— За мной! — вдруг закричал Заиюльев.

Комдив побежал по дороге, и батальон, как один человек, ринулся за ним, преследуя врага.

¹ Н.Б. Ивушкин. «За все в ответе». Стр. 107-108

Я тоже был с батальоном, с Заиюльевым. Трудно бывает судить за неосмотрительность, когда сердце переполнено гневом.

Атака была успешной. Как это часто случалось у нашего комдива, сердечный порыв совпал с интуитивной, но точной по существу оценкой боевой обстановки: окапываться еще было рано.

На войне иногда трудно было определить, чем вызвано непосредственное участие командира в бою — необходимостью или велением сердца. Но во всех случаях оно производило огромное впечатление на бойцов, подымало у них дух и приносило командиру любовь и уважение.»

В 1944 г. учился на академических курсах при Высшей военной академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова. В 1945 г. командовал 4-й стрелковой дивизией на 1-м Белорусском фронте. В боях был трижды ранен.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После войны занимал ответственные посты в Вооружённых Силах СССР. С 1953 г. генерал-майор Н.Н. Заиюльев находился в отставке. Жил и работал в Москве.

Умер в Москве 25 сентября 1986 г. от фронтовых ран. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

КОРНЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АНДРУСЕНКО. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Корней Михайлович Андрусенко, гвардии полковник, командир 239-го гвардейского стрелкового полка 76-й гвардейской Черниговской стрелковой дивизии, впоследствии командир 55-й стрелковой дивизии, родился в 1899 г. в селе Парафиевка Ичнянского района Черниговской области в семье крестьянина. В 1946—1956 г.г. жил на территории Оренбургской области. Украинец. Член КПСС с 1925 г. Образование среднее. Работал токарем. В Красной Армии с 1918 г. Окончил Киевскую военную пехотную школу в 1924 г., Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1941 г. Участник гражданской войны. В боях Великой Отечественной войны с июля 1941 г., воевал на Западном, Брянском, Сталинградском, Центральном, 1-м Белорусском фронтах, участвовал в обороне Москвы, Сталинградской, Курской битвах, освобождении Белоруссии, разгроме империалистической Японии. Трижды ранен и контужен. Награжден двумя орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова 2-й степени, Александра Невского и многими медалями.

Звание Героя Советского Союза К.М. Андрусенко присвоено 15 января 1944 г. за отвагу и мужество, умелое командование полком при форсировании Днепра.

Когда началась Великая Отечественная война, К.М. Андрусенко был уже опытным, закаленным командиром. Девятнадцати лет он добровольно ушел в Красную Армию, защищал молодую Советскую республику на фронтах гражданской войны, прошел все «ступеньки» армейской службы от командира взвода до командира дивизии. Учился сам и учил подчиненных,

В ожесточенных боях первого периода войны, в Сталинградской битве закалялся офицер К.М. Андрусенко. В его боевых характеристиках старшие командиры указывали:

«Полковник Андрусенко технически грамотный, смелый, решительный командир. Во время боев по разгрому окруженной группировки немецких войск под Сталинградом показал себя знающим, умелым в вождении войск командиром».

А вот строки из наградного листа:

«Полковник Андрусенко, преследуя отходящего противника, 27.09.1943 г. вывел вверенный ему полк на восточный берег р. Днепр в районе с. Редьковка Любечского района Черниговской области. Умело руководил сбором и подготовкой подручных средств (лодок, плотов) для переправы. В течение 28 и 29 сентября 1943 г. с боем переправил на западный берег р. Днепр на лодках и плотках все подразделения полка. В течение 29 и 30 сентября отбил контратаки пехоты и танков противника и прочно закрепился на занятом рубеже.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий войсками генерал армии Рокоссовский».

...Есть люди, которые сразу завоевывают симпатии окружающих. Нет, не манерами, не улыбкой. Они нравятся своей простотой, сердечностью, открытой душой, готовностью прийти на

помощь товарищам, подчиненным. Именно за эти качества и уважали в дивизии Корнея Михайловича Андрусенко. Его любовно звали просто «батя». Подчиненные шли за ним и в огонь и в воду. Так было здесь, на Днепре, и в последующих боях по разгрому немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов.

В 1946 г. гвардии полковник К.М. Андрусенко уволен в отставку по болезни, жил в городе Сорочинск Оренбургской области, с 1956 г. — в Киеве. Умер в 1976 г. Его имя носит улица в поселке Парафиевка (Черниговская обл., Украина).

БЕЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ – КОМАНДУЮЩИЙ 61-й АРМИЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

П.А. Белов родился 6 (18) февраля 1897 г. в городе Шуя Владимирской губернии (ныне в Ивановской области) в семье служащего на Тезинской фабрике. Окончил городское училище. Работал весовщиком, табельщиком, телеграфистом на железнодорожной станции Иваново-Вознесенск.

С 1916 г. в Русской императорской армии, участник первой мировой войны, рядовой гусарского полка. В конце 1917 г. — юнкер, учащийся 2-й Киевской школы прапорщиков.

В Красной Армии с 1918 года — инструктор районного отделения Всеобуча в городе Иваново-Вознесенске. С июля 1919 г. участвовал в Гражданской войне: командовал кавалерийским взводом, эскадроном, был помощником командира 82-го полка 14-й дивизии.

В 1922—1926 гг. — командир 81-го кавалерийского полка. Член ВКП(б) с 1925 г. В 1927 г. окончил кавалерийские курсы усовершенствования старшего командного состава, и в том же году был назначен командиром отдельного кавалерийского эскадрона. С 1930 г. — помощник начальника отдела штаба Московского военного округа. С июня 1931 г. назначен для особых поручений при члене Реввоенсовета СССР С.М. Будённом, с сентября 1932 г. — помощник инспектора кавалерии РККА. В 1933 г. окончил Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе, после чего с 1934 г. служил помощником командира, а затем командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии. С июля 1937 г. — начальник штаба кавалерийского корпуса, с октября 1940 г. — командир горнострелковой дивизии. Участник похода советских войск в Западную Украину в сентябре 1939 г. С марта 1941 г. командир 2-го кавалерийского корпуса.

С началом Великой Отечественной войны 2-й кавалерийский корпус Белова участвовал в боях на Южном фронте по удержанию пограничного рубежа в районе Тирасполя. Корпус под его командованием сражался против 11-й немецкой и 4-й румынских дивизий под Кишиневом, Бельцами, Котовском, отбил удар 50-й немецкой и 5-й румынской пехотных дивизий под городом Оргеев. Прошел с боями от границы до Киева, передан Юго-Западному фронту.

Во время Киевской операции корпус Белова вел жестокие бои в районе городов Ромны и Штеповка. За 5 суток боев гитлеровцы потеряли до 8 тысяч убитых, 20 танков, 150 орудий, около 100 автомашин и другое вооружение. За эту операцию командир корпуса был награжден орденом Ленина. Корпус был переброшен на оборону Москвы.

С ноября 1941 г. — принимал участие в битве под Москвой на Западном фронте. Заслуги корпуса и его командира в Московской битве трудно назвать иначе, как исключительные. Практически в одиночку части корпуса отбили удар основных сил 2-й танковой группы Гудериана на Москву с юга под Каширой. За отличие в оборонительных сражениях летом и осенью 1941 г., 26 ноября 1941 г. корпус был удостоен звания гвардейского, став 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. В контрнаступлении и общем наступлении на западном направлении конники Белова не раз отличались в боях, в январе 1942 г. прорвали фронт и совершили глубокий рейд по вражеским тылам, а затем более 5 месяцев, находясь в окружении, сражались во вражеском тылу.

С июня 1942 г. П.А. Белов — командующий 61-й армией. Участник летних частных операций 1942 г. и Орловской наступательной операции в Курской битве, где армия Белова разбила крупную немецкую группировку у города Болхов и 29 июля 1943 г. освободила его. Проявил полководческий талант в битве

за Днепр. В период с 26 сентября по 1 октября 1943 г. части и соединения 61-й армии форсировали реку Днепр у села Любеч и захватили плацдарм на правом берегу, затем расширили его, освободив 21 населённый пункт.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. командующий 61-й армией генерал-лейтенант **Белов Павел Алексеевич** был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

За последующие годы Великой Отечественной войны 61-я армия под командованием П.А. Белова, которому 26 июля 1944 г. было присвоено воинское звание «генерал-полковник», участвовала в Калининковичско-Мозырской, Белорусской стратегической, Прибалтийской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

В послевоенные годы генерал-полковник П.А. Белов командовал войсками Донского военного округа (1945-1946 г.г.), Северо-Кавказского военного округа (1946-1948 г.г.), Южно-Уральского военного округа (1949-1955 г.г.). В 1949 г. он окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (Военной академии Генерального штаба). С мая 1955 г. П.А. Белов — председатель ЦК ДОСААФ. С 1960 г. в отставке. Депутат Верховного Совета СССР 2—5-го созывов (1946-1962).

Умер 3 декабря 1962 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награждён пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями, а также наградами Польской Народной Республики — орденами «За воинскую доблесть» («Виртути Милитари») и «Крест Грюнвальда», медалями «За Варшаву», «За Одру, Нису, Балтику».

В городах Иваново, Шуя, Чернигов именем генерала Белова названы улицы. Его имя увековечено на мемориале героев-ивановцев в областном центре и на стеле шуян — Героев Советского Союза, установленной на воинском мемориале на Троицком кладбище.

**БЕССМЕННЫЙ КОМАНДИР
84-го АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
55-й ДИВИЗИИ**

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЛЮБИМОВ

«Родился в 1900 г. в г. Москва, полковник, в Красной армии с 1918 г. — рассказывает Н.Б.Ивушкин, — Петр Андреевич — человек уже пожилой, участник революции и гражданской войны. Дело свое он знает превосходно, артиллеристы любят и уважают его за опыт, знания, за беспокойную душу. Невысокий, слегка сутуловатый, Любимов всех восхищал своей выдержкой. В самые трудные моменты он отдавал команды спокойным, невозмутимым тоном, только очки поправлял чаще обычного.»

О Петре Андреевиче лучше всего говорят его ордена, полученные на войне:

- Отечественной войны I степени. 1943 г.
- Красного Знамени. 1944 г.
- Суворова III степени. 1945 г.

Так славно завершилась военная часть жизни Петра Андреевича Любимова, прошедшего в составе 55-ой дивизии тысячекилометровый боевой путь.

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ ШАПРАНОВ, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Первый командир полка возрожденной морской пехоты СССР, гвардии полковник, в последствии генерал-майор. П.Т. Шапранов стал и первым командиром 55-й дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота.

Генерал-майор Павел Тимофеевич Шапранов родился 15 июня 1920 г. в селе Теличье Орловской области, в семье бедняка-крестьянина. По окончании в 1936 году Теличенской неполной средней школы поступил в техникум агромеханизации при зерносовхозе «Гигант» Сальского района Ростовской области. В 1939 г. по комсомольскому набору поступил в Одесское пехотное училище им. К.Е. Ворошилова. В 1940 г. в связи с войной с Финляндией Одесское пехотное училище было организационно переформировано в курсы младших лейтенантов со сроком обучения 6 месяцев — стране требовались командиры младшего звена. В 1939 г. 1-й курсантский батальон Одесского пехотного училища был переведен в Харьковское училище. В 1940 г. в Харьковском пехотном училище Павлу Тимофеевичу было присвоено звание заместителя политрука роты, а затем звание старшины. По окончании училища 20 мая 1941 г. было присвоено звание лейтенант. Из всех выпускников училища по приказу командования он один был оставлен в училище на должности командира курсантского взвода. Взводом курсантов пришлось командовать недолго, так как началась Великая Отечественная война.

В конце июня 1941 г. по приказу командования из ряда училищ Харьковского военного округа был сформирован отряд особого назначения. 1-й стрелковый полк отряда «особого назначения» формировался из курсантов Харьковского пехотного училища и добровольцев: рабочих и служащих предприятий города. Отряд «особого назначения» хорошо зарекомендовал себя в оборонительных боях в Украине, в Белгородской и Воронежской областях.

В сентябре 1941 г. Павла Тимофеевича назначили командиром заградительного отряда в составе стрелковой, пулеметной, саперной рот и взвода конной разведки. К концу сентября он уже носил

воинское звание — старший лейтенант. С выходом 40-й армии на рубеж Елец-Воронеж наши части перешли к обороне и враг преодолеть этот рубеж уже не смог. На этом рубеже наши войска оборонялись до перехода в контрнаступление. За оборонительные бои в Украине, в Белгородской и Воронежской областях старший лейтенант Шапранов был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Киева». Потери командного состава в этом периоде были очень большими. В 1-м стрелковом батальоне из 25 командиров осталось в строю только трое — среди них и старший лейтенант Шапранов. Для подготовки и пополнения командного состава Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин отдал приказ о выводе из боев всех военных училищ в тыл страны.

В начале 1942 г. Харьковское пехотное училище было выведено с фронта и направлено в Узбекскую ССР в город Наманган. Вместе с училищем оказался в Узбекистане и Павел Тимофеевич. В 1942 г. он командовал курсантской ротой, в 1943 г. назначен был заместителем командира батальона, затем старшим преподавателем по тактической подготовке. В этом же году ему было присвоено звание капитан. В конце 1944 г. училище возвратилось в Харьков.

С окончанием Великой Отечественной войны Харьковское пехотное училище было расформировано и Шапранов назначается старшим преподавателем по тактической подготовке Харьковского политического училища, ему присваивается звание майор. С 1946 по 1949 год Павел Тимофеевич проходит службу во Львовском политическом училище. В августе 1949 г. он поступает в академию им. М.В. Фрунзе, которую заканчивает в 1952 г.. В академии, в 1951 г. ему было присвоено очередное воинское звание подполковник. После академии продолжает службу на курсах «Выстрел» им. Маршала Шапошникова в Солнечногорске Московской области в должности преподавателя по тактической подготовке. В 1955 г. Шапранова переводят с курсов «Выстрел» на должность заместителя командира 334-го гвардейского мотострелкового полка 120-й гвардейской Рогачевской мотострелковой дивизии дислоцировавшейся под Минском в составе Белорусского военного округа. В этой должности Павел Тимофеевич провел множество учений и занятий с личным составом полка по совершенствованию боевого мастерства подразделений. Полк всегда при инспектировании оценивался на «хорошо».

В 1960 г. П.Т. Шапранов назначается на должность командира 336-го гвардейского Белостокского орденов Суворова и А. Невского мотострелкового полка 120 гвардейской Рогачевской дивизии. Этот полк всегда считался лучшим в дивизии по всем показателям. В 1960-1962 гг. полк удерживает ведущее место в дивизии по показателям боевой и политической подготовки. В 1961 г. Павлу Тимофеевичу присвоено очередное воинское звание полковник. Весной 1963 г. по возвращении командира из отпуска его заместители докладывают ему, что во время его отсутствия полк несколько раз посещала и осматривала группа флотских офицеров. Полковника Шапранова вызывают в штаб дивизии, где сообщает ему, что Министром Обороны СССР по ходатайству Главкома Военно-морского флота Адмирала Флота Советского Союза С.Г. Горшкова принято решение создать на всех флотах, и в первую очередь на Дважды Краснознаменном балтийском флоте (ДКБФ), части морской пехоты. Выбор флотского командования пал на 336-й полк. Подробности о передаче полка в полном составе флоту должны были поступить позже. Полк обещали доукомплектовать до полного штата, а устаревшую технику и вооружение заменить на новую.

В течение июня 1963 г. был сформирован 336-й отдельный полк морской пехоты на базе мотострелкового полка, сохранялись номер и наименование. Организационная структура полка морской пехоты оставалась прежняя, однако, были существенные изменения в вооружении и технике. Так, вместо батальона средних танков был сформирован батальон плавающих танков ПТ-76, дополнительно в штат была введена рота средних танков Т-54 в составе 10 единиц, батарея Противотанкового управляемого ракетного снаряда на БРДМ 1. Полк был оснащен современными зенитными средствами. На вооружение поставлены зенитные ракетные установки «Стрела-1» на БРДМ-2, старые бронетранспортеры БТР-152 были заменены на новые БТР 60П в количестве 87 единиц, которые были направлены прямо с завода железнодорожным транспортом в Балтийск. Передача полка прошла успешно, но в напутственной речи командующий Краснознаменным Белорусским военным округом сказал: «Отрежь любой палец руки, будет очень больно... И сейчас я ощущаю эту боль, и хочу сказать присутствующим здесь флотским товарищам, чтобы на флоте не

превратили наш лучший гвардейский полк в рабочую команду по подметанию дорог и наведению порядка в гаванях. Командиру полка мой наказ: не допустить этого, полк на должен потерять славу, которую он имел среди частей Дважды Краснознаменного балтийского округа». Выступивший затем адмирал ДКБФ заявил, что командование флота будет уделять огромное внимание обучению личного состава полка морской пехоты.

Перед дислоцированием полка из военного городка Уручье, расположенного под Минском, в город Балтийск, его командиру была предоставлена возможность слетать в Балтийск для ознакомления с военными городками и принятия решения по размещению подразделений полка. В первое пребывание в Балтийске произошла встреча с командующим вице-адмиралом. Было принято решение по размещению подразделений полка в городке, оставшемся от расформированной бригады ПВО. Танковый батальон решено было разместить в поселке Мечниково. Казармы, выделенные для полка, находились в запущенном состоянии, в неприглядном состоянии находились сами городки, для размещения техники не было ничего, жилья для размещения семей офицерского состава также не было. В Балтийск полк прибыл несколькими эшелонами, дружелюбно встречали вновь прибывших моряки и командование ДКБФ, в полевых условиях угощали морских пехотинцев флотскими обедами. В течение трех дней полк был переодет в форму морской пехоты, затем был проведен смотр полка Главкомом ВМФ Адмиралом Флота Советского Союза С.Г. Горшковым.

В такой сложной обстановке надо было готовиться к предстоящему учению под руководством Главкомандующего ВМФ. Была спланирована работа по подготовке полка к предстоящему учению, высадке морского десанта, наведению порядка в казармах и на территориях, а также организации внутренней службы войск. Благодаря длительным тренировкам личный состав уже через месяц получил первоначальную десантную выучку, командование полка и командование флота были уверены, что полк морской пехоты успешно справится с задачами, стоящими по высадке морского десанта на учениях. В ходе учений «Прилив» присутствовавшие офицеры и адмиралы были в восхищении от слаженных, четких действий морской пехоты и десантных кораблей на посадке.

Успешно справились морские пехотинцы в ходе суточного перехода морем, однако при подходе к району высадки начался сильный ветер, который поднял высокую волну. Высадка десанта оказалась под угрозой. Пришлось рисковать. Решено было как можно ближе подойти к берегу и в установленное время начать высадку десанта в сложной морской обстановке. По сигналу десантные корабли открыли носовые ворота, опустили аппарели и десант уверенно и смело устремился к берегу. Несмотря на все трудности, высадка в этой сложной морской обстановке состоялась успешно. Морские пехотинцы захватили побережье и начали развивать наступление в глубину обороны противника. На смотровой трибуне находился Главком ВМФ СССР и гости, представители Вооруженных Сил ПНР и ГДР. Главком одобрительно заслушал доклад командира полка. Наступать полку пришлось недолго — его остановили в глубине побережья, а затем дали сигнал об окончании учений. С поставленными задачами на всех этапах учений полк справился, Главком дал высокую оценку морским пехотинцам.

В последующие годы (1964-1967) полк упорно совершенствовал десантную подготовку и полевую выучку. Проводилось много учений с подразделениями полка, в том числе и с боевой стрельбой. Каждый год полк привлекался на учения совместно с частями Прибалтийского военного округа и каждый раз был в качестве авангарда мотострелковых частей. Все эти годы на всех учениях оценивался на отлично Министром обороны, Главкомом ВМФ или присутствовавшими на учениях заместителями Министра обороны СССР. Высоко оценивал полк морской пехоты Министр обороны Маршал Советского Союза А.А. Гречко, за хорошую подготовку морских пехотинцев полку дважды объявлялась благодарность. Главком ВМФ Адмирал Флота Советского Союза С.Г. Горшков считал балтийский полк лучшим среди частей морской пехоты по всем показателям. Полком были приведены в образцовое состояние военные городки, отремонтированы казармы, построены парки с пунктами технического обслуживания, решены вопросы жилья для офицерского состава.

В связи с осложнившейся обстановкой на Востоке правительством СССР было принято решение сформировать в составе Тихоокеанского флота дивизию морской пехоты. П.Т. Шапранов был вызван на беседу к Главкому ВМФ, где дал согласие о назна-

чении на должность командира этой дивизии. Главкомандующий поставил большие задачи: как можно быстрее сформировать дивизию, немедленно начать боевую подготовку в частях дивизии. Создать необходимую учебную базу для обучения подразделений, были даны указания по строительству военных городков, парков для техники и вооружения. В перспективе предполагалась организация строительства укрепленного района на рубеже Кневичи — гора Угольная. В августе 1967 г. было начато формирование 55-й дивизии морской пехоты на базе 390 полка морской пехоты КТОФ, дислоцировавшегося в поселке Славянка. В феврале 1968 г. П.Т. Шапранову было присвоено звание генерал-майора. К 1 декабря 1968 г. было закончено формирование управления дивизии, двух полков морской пехоты, танкового полка, артиллерии и других подразделений дивизии.

Каждый год с частями дивизии проводились полковые и дивизионные учения с высадкой десанта на остров Сахалин, Курильские острова, в бухту Ольга и на другие участки побережья. В 1968-1970 гг. по указанию Министра обороны СССР и Главкома ВМФ дивизия оборудовала укрепрайон на рубеже Кневичи — гора Угольная преграждающий путь вероятному противнику к Владивостоку. Было установлено до 800 железобетонных сооружений. Укрепленный район принимали лично Министр обороны СССР и Главком ВМФ. 336-й гвардейский полк морской пехоты и 55-я дивизия морской пехоты дали старт многим морским пехотинцам в продвижении по службе. Получил продвижение по службе и Павел Тимофеевич. В 1971 г. он назначается заместителем командующего — членом Военного Совета Армии в Прикарпатский военный округ в город Ивано-Франковск, где прослужил до выхода на заслуженный отдых в 1976 г..

В Вооруженных Силах Павел Тимофеевич Шапранов прослужил 40 лет. До своей кончины в 2000 г. проживал в Ивано-Франковске, где и покойтся теперь. Награждён: орденами «Отечественной войны» I степени, двумя «Красной звезды», «Богдана Хмельницкого» и 18 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Киева» и «Победу над Германией».

Артиллеристы – однополчане

*Н.А. Городиский.
Год рождения 1919*

*А.Д.Новиков.
Год рождения 1917*

*Г.М. Беляев.
Год рождения 1920*

*Н.Т. Мартынов.
Год рождения 1914*

Н.А. Портяной.
Год рождения 1923

П.Н. Кудинов.
Год рождения 1921

А.Е. Ипполитов.
Год рождения 1923

К.М. Лосев.
Год рождения 1922

М.Суриков (слева)
и И.Черноголовый.
Солдаты моего взвода

МОРСКАЯ ПЕХОТА. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

СТАНОВИМСЯ МОРСКОЙ ПЕХОТОЙ. НЕМНОГО ИСТОРИИ

Первое подразделение морской пехоты появилось не в Балтийском море, а на Тихом океане. В 1806 г. при Охотском порту была сформирована морская рота. Но в 1817 г. рота была упразднена, и в дальнейшем функции морской пехоты выполняли матросы флотских экипажей и кораблей. 18-24 августа 1854 г. они отразили английский десант на Петропавловский порт. Противник, имевший тройное превосходство, был разбит. В 1900 г. во время боксерского восстания в Китае моряки обороняли посольский квартал Пекина и захватывали морские порты. Десантные роты из моряков 1-й Тихоокеанской эскадры и Квантунского флотского экипажа покрыли себя неувядаемой славой при обороне Порт-Артура в 1904 г., отбивая атаки японцев на сухопутном фронте. В упорных боях из 11 тысяч моряков 3 тысячи погибли, 4800 получили ранения. Многие были награждены Георгиевскими крестами.

В 1935 г. морские силы Дальнего Востока были объединены в Тихоокеанский флот. Во время Великой Отечественной войны свыше 147 тысяч моряков-тихоокеанцев сражались с фашистами в составе морских стрелковых бригад под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, в Заполярье, на Кавказе. В боях они показали образцы воинской доблести, отваги и героизма. С началом военных действий против Японии морские пехотинцы высаживались в портах Северной Кореи, освобождали южную часть Сахалина, захватывали Курильские острова. За время боев одна бригада и два батальона морской пехоты ТОФ стали гвардейскими.

В августе 1963 г. в составе Тихоокеанского флота был сформирован 390-й полк морской пехоты. В 1967 г. началось формирование 55-ой дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота. К исходу 1967 г. в состав 55-й дивизии морской пехоты включен 390 полк морской пехоты. В период с августа 1967 г. по 1 декабря 1968 г. сформированы:

- управление 55-й дивизии морской пехоты;
- зенитно-ракетный дивизион;
- 390, 106 и 165 полки морской пехоты;
- реактивный дивизион;
- 150 танковый полк;
- самоходно-артиллерийский дивизион;

отдельные части:

- инженерно-десантный батальон;
- батальон связи;
- ремонтно-восстановительный батальон;
- разведывательный батальон;
- медико-санитарная рота.

Приказом Министра Обороны СССР от 22.02.1971 года № 007 — 1 декабря объявлено «Днем части».

Дивизию формировали:

Командир дивизии — генерал-майор Шапранов Павел Тимофеевич.

Начальник штаба — подполковник Бабенко Дмитрий Корнеевич.

Начальник политотдела — подполковник Кудаев Георгий Петрович.

Заместитель командира дивизии — полковник Савватеев Аркадий Ильич.

Начальник тыла — полковник Беляев Федор Ефимович.

Заместитель по технической части — полковник—инженер Соловьев Петр Георгиевич.

В первой половине 1990-х гг. в состав 55-й Мозырской Краснознаменной дивизии морской пехоты ТОФ входили 85-й, 106-й, 165-й полки морской пехоты, а также: 26-й танковый Ленинградский ордена Кутузова полк; 417-й зенитный ракетный полк; 84-й артиллерийский ордена Суворова полк.

В числе отдельных частей дивизии были: разведывательный, инженерно-десантный, ремонтно-восстановительный батальоны.

Полк морской пехоты включал: три батальона морской пехоты, танковый батальон, батарею реактивных установок, батарею противотанковой управляемой ракеты, зенитную ракетно-артиллерийскую батарею и другие подразделения.

Зенитный ракетный полк 55-й дивизии морской пехоты был полком зенитно-ракетного комплекса «Оса» соответствующей структуры.

В 1990-е гг. 55-я дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота была сокращена по личному составу соединения.

При этом одна из «развернутых» частей дивизии — 165-й полк морской пехоты — стал «базовой» частью для прохождения службы молодежью Уссурийского казачества.

После организационных изменений дивизия была переформирована в 155-ю отдельную бригаду морской пехоты ТОФ.

ВОЗРОЖДЕННАЯ 55-Я ДИВИЗИЯ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА СТАНОВИТСЯ НА БОЕВУЮ СЛУЖБУ

За период 1968–1995 г. морские пехотинцы дивизии свыше 52 раз несли боевую службу в зоне Тихого и Индийского океанов: оказывали помощь вооруженным силам НДР Йемен, участвовали в совместных учениях в Эфиопии и Вьетнаме, посещали Ирак, Иран, Индию, Шри-Ланка, Сомали, Гвинею, Мальдивы, Сейше-лы, Анголу, Мозамбик. Более 300 офицеров, прапорщиков, сержантов и матросов удостоены орденов и медалей.

Становление и развитие дивизии проходило в сложных между-народных условиях: шла война во Вьетнаме, прошли конфликты на границе с Китаем. Первый дальний морской поход был совершен десантной группой от 390 полка морской пехоты с 14.03.1968 г. по 25.07.1968 г. в количестве 23 человек под руководством командира ст. лейтенанта А.Б. Ландик на крейсере «Д.Пожарский» с заходом в порты стран: Пакистана, Ирака, Индии, Африки.

С 07.08.1969 г. по 13.02.1970 г. для несения боевой службы в Индийском океане, от 390 полка морской пехоты убыла усиленная рота морской пехоты командир десанта подполковник М.И. Николаенко.

В период с 1974-1976 г.г. личный состав выполнял специальные боевые задачи в Эфиопии и др. странах.

Две части дивизии награждены (150 танковый полк в 1972 г. и 390 полк морской пехоты в 1990 г.) вымпелом МО СССР «За мужество, воинскую доблесть и высокую морскую выучку». В феврале 1978 г. для обеспечения задач эвакуации советского дипломатического представительства была высажена усиленная рота морской пехоты с танковым взводом под командованием майора В.К. Ушакова в порт Массу (Эфиопия), которая успешно выполнила поставленную задачу. В 1978 г. подразделения морской пехоты обеспечивали эвакуацию советских специалистов, пункта материального-технического обеспечения и узла связи из Сомали.

Знаменательным событием в жизни личного состава соединения явилось торжественное вручение (в декабре 1969 г.) дивизии и ее полкам заслуженных в годы Великой Отечественной войны боевых знамен.

КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ “ОСОБАЯ ПАПКА «БАРБАРОССА»” Л. БЕЗЫМЕНСКОГО¹

Гитлеровский людоедский план нападения на Советский Союз и его разрушения. Вплоть до полного уничтожения советских людей.

«ДИРЕКТИВА № 21»

Теперь перейдем к более обширному документу покойного фельдмаршала, дающему представление о том, как же именно происходило военное планирование операции «Барбаросса». Паулюс начинает свой рассказ так:

«В конце июля 1940 года Гитлер сообщил штабу оперативно-го руководства ОКВ, а также главнокомандующим тремя видами вооруженных сил, что он не исключает возможности похода против Советского Союза, и дал поручение начать предварительную подготовку. Итак, хотя война на Западе еще не была закончена и ее исход не был окончательно ясен, Гитлер хотел отказаться от большого шанса ведения войны на один фронт и рискнуть вести войну на два фронта. Однако это характеризует его соображения только с военной стороны...

Генеральный штаб сухопутных войск воспринял агрессивные намерения Гитлера с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный факт открытия второго фронта, а также считал возможным и вероятным вступление Соединенных Штатов в войну против Германии. Он полагал, что такой группировке сил Германия сможет противостоять только в том случае, если она успеет быстро разгромить Россию.

Однако сила России представляла собой большую неизвестную величину. Считалось, что операции возможны только в хорошее время года. Это означало, что для них оставалось мало времени. Генеральный штаб считал своей задачей определить оперативные, материальные и людские возможности и их границы. Однако в остальном он исходил из того, что нужно подчиниться политическому руководству».

Действительно, единственный упрек, который нельзя сделать

¹ Л.Безыменский. Особая папка “Барбаросса”. Издательство Агентства печати Новости. Москва. 1972.

германскому генеральному штабу, это упрек в недостаточной подготовке. Ни один военный план вермахта не готовился столь фундаментально. Вот сравнительные данные:

Операции	Сроки разработки	Продолжительность разработки
«Вайс» (нападение на Польшу)	апрель 1939 – 1 сентября 1939 г.	5 месяцев
«Везерюбунг» (захват Дании и Норвегии)	декабрь 1939 – 9 апреля 1940 г.	4 месяцев
«Гельб» (нападение на Францию)	сентябрь 1939 – 10 мая 1940 г.	8 месяцев
«Марита» (вторжение в Грецию)	ноябрь 1940 – 6 апреля 1941 г.	7 месяцев
«25» (агрессия против Югославии)	март 1941 – 6 апреля 1941 г.	1 месяц
«Барбаросса» (нападение на СССР)	весна 1940 – 22 июня 1941 г.	Более 12 месяцев

Сохранились первоначальные наброски плана «Барбаросса», относящиеся к 22 июля 1940 года. Гальдер записал следующие директивы Гитлера и Браухича:

а) Развертывание продлится четыре — шесть недель.

б) Необходимо разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов авиации противника.

Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры.

в) Политические цели: украинское государство, союз прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия. Прибалтика — заноза в теле.

г) Необходимо 80—100 дивизий. Россия имеет 50—75 хороших дивизий.

Таковы были идеи, высказывавшиеся Гитлером и Браухичем. На этом основании Гальдер решил поручить первую разработку плана начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Эриху Марксу, способному генштабисту, сыну известного историка.

29 июля генерал Маркс принялся за работу и вскоре уже доложил о ее первых результатах. Его идея была такова: «наносить только один главный удар... из Румынии, Галиции и Южной Польши в направлении на Донбасс, разбить находящиеся в Украине армии и вслед за этим маршировать через Киев на Москву».

Параллельно с генералом Марксом работали генерал Грейфенберг и подполковник генштаба Фойерабанд, которые также пришли к мысли сделать центром тяжести южный участок и заставить стоящие перед Москвой войска принять бой «обратным фронтом». На карте этот замысел выглядел привлекательно: мощная стрела пронзала южную часть СССР, миновала Киев и выходила к Москве. А находившиеся в районе Минск — Смоленск советские армии оказывались отрезанными от собственной столицы. Неизвестно, докладывались ли эти первоначальные варианты Гитлеру (вероятнее всего — нет). Но 31 июля 1940 года Гитлер снова беседовал с руководителями ОКХ и дал такие установки:

«Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство. Одного захвата известной территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но потом, подготовившись, принять твердое решение уничтожить Россию. Это необходимо также сделать, учитывая положение на Балтийском море. Существование второй великой державы на Балтийском море нетерпимо.

Начало похода — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев. Лучше всего было бы уже в этом году, однако это не даст возможности провести операцию слаженно...

ДИРЕКТИВА №21 ПЛАН «БАРБАРОССА»

...Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

...Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие

просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

...Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся в Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри обраzuемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

— на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

— на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

...Число офицеров, привлекаемых для первоначальных пригтовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сто-

ронами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

...Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Гитлер».

ОБЩИЕ НАМЕРЕНИЯ И ЦЕЛИ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ В НАЧАЛЕ КАМПАНИИ 1941 ГОДА

Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы. На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем — Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКВ (нем. *Oberkommando der Wehrmacht*, ОКВ) придавалось взятию Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву.

Когда я говорю, что было принято решение, то этим я не хочу сказать, что во мнениях ответственных командиров и штабных офицеров было полное единство. Раздавалось много тревожных голосов — как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутривнутриполитических трудностей, организационных и материальных слабостей так называемого «колосса на глиняных ногах...»

Таково суждение фельдмаршала Паулюса. Оно дает возможность попятить всю авантюристичность замысла «Барбаросса», которую в глубине души понимали и германские генштабисты. Это, впрочем, не помешало им принять к неукоснительному исполнению директивы национал-социалистского руководства. Однако и самые опытные генералы германского генштаба не могли прыгнуть выше своей головы. Размер их собственных сил был ограничен: первоначально Гитлер «отпустил» на Восточную кампанию 80—100 дивизий. Затем (к началу 1941 года) речь зашла о 144 дивизиях (не считая дивизий Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии). Так примерно и осталось. 22 июня в бой вступило 153 немецких дивизии, 12 румынских, 2 венгерских, 3 итальянских, 18 финских — всего около 3,5 миллиона человек.

...Адольф Гитлер не раз упрекал свой генеральный штаб, что он мыслит чисто по-военному и не учитывает экономических потребностей Германии. Какую же он видел следующую экономическую цель? «Надо завоевать то, в чем мы нуждаемся и чего у нас нет. Нашей целью должно быть завоевание всех областей, имеющих для нас особый военно-экономический интерес».

...Совершенно секретный меморандум за № 3208/41 был составлен уже в ходе войны, а именно: 1 октября 1941 г., за день до начала решающего наступления на Москву. Учитывая это последнее обстоятельство, Военно-экономическое управление ОКВ составило оценку возможного сокращения военного потенциала Советского Союза. К меморандуму была приложена карта с четырьмя возможными рубежами продвижения немецких войск: Рубеж «А»: Захват Крыма, Харькова, Курска, Тулы, Москвы, Ленинграда, Кандалакши. Рубеж «В»: Захват всего Донбасса. Рубеж «С»: Захват Горького.

Рубеж «О»: Захват Кавказа, Баку, Грозного, Сталинграда, Западного Урала. Высказывались следующие предположения: Рубеж «А». Его достижение будет означать потерю Россией 2/3 производства стали и алюминия, что исключит увеличение нынешних мощностей. «Будет невозможно пополнение материальной части, даже если зимой наступит перерыв в боевых действиях. Тем не менее не следует ожидать решительного ослабления военного потенциала России».

Рубеж «В». Его достижение будет означать дополнительно потерю 2/3 угольных запасов. В конечном итоге военный потенци-

ал России «будет ослаблен таким образом, что до лета 1942 г. она не сможет собственными силами создать военно-экономические предпосылки для успешного возобновления военных действий западнее Урала».

Рубеж «С». Потеря Горького будет означать почти полное прекращение производства грузовых и легковых автомобилей, а также значительное ослабление авиационной промышленности. По отношению к общему потенциалу «значительных изменений по сравнению с достижением рубежа «В» не последует».

Рубеж «О». Произойдет дальнейшее значительное ослабление военно-экономического потенциала, хотя и не ведущее к полному краху. «Последний наступит после потери индустриальных районов Урала».

На чем может задержаться глаз при чтении этого документа? Я сейчас опускаю вопрос об оправданности прогнозов генерала Томаса (об этом речь пойдет ниже). Зато в меморандуме есть нечто ненаписанное: это, во-первых, сам дух расчета по поводу еще не достигнутых рубежей и еще не захваченных предприятий — вплоть до Урала, хотя немецкие войска стояли еще западнее Вязьмы. Во-вторых, не высказанная, но подразумевавшаяся проблема: ну, а что же будет со всей этой промышленностью?

...Передо мной лежит папка документов, связанных с постройкой одного из гитлеровских лагерей уничтожения — Бухенвальда. Бухенвальд мало чем отличался от Освенцима. У Освенцима был свой филиал — Моновиц, где заключенные работали на предприятиях химического концерна, а у Бухенвальда был филиал — Нойштасфурт, где заключенные трудились на подземных авиационных заводах.

Все было очень обыкновенно. Строительная группа при командовании ВВС, которой было поручено обеспечить подземные заводы рабочей силой, получила указание построить небольшой, совсем небольшой и очень обыкновенный концлагерь. Нашелся и архитектор-строитель, который взял в руки карандаш и создал вполне пристойный проект лагеря и бараков, в которых должны были жить заключенные. Спланирован был и барак для эсэсовцев, самый обыкновенный: высота 3,35 метра, ширина — 8,14. Ведь даже барак подлежит проектированию. А проект подлежит визированию. Виза стоит на документе и по сей день: «Любке».

Архитекторы строят для того, чтобы люди жили, а авторы проектов зданий концлагерей строили для того, чтобы люди умирали. Они являлись маленькими, но в то же время необходимыми шестеренками той гигантской машины смерти, которая была организована третьим рейхом.

Итак, пирамиду надо было построить. Те, кто пытается говорить о нападении на Советский Союз как об импровизации, забывают, что лучший контраргумент против их утверждений предоставил сам Гитлер. Не могло быть импровизацией уничтожение целых народов. Все это было заранее обдуманно, подготовлено и спланировано.

КАК СТРОИЛАСЬ ПИРАМИДА

«Антикоммунизм — вот основная глупость нашей эпохи», — эти слова Томаса Манна, сказанные много лет назад, сохраняют свою значимость и сегодня. Но великий немецкий гуманист, очевидно, не мог предвидеть, что на определенной стадии глупость станет преступлением. Фашизм довел антикоммунизм до своей абсолютной формы: сделал его заранее обдуманной системой антигуманизма. В этой форме, официально закрепленной на правах государственной доктрины, антикоммунизм просуществовал 12 лет. Именно он стал той основой, на которую опирались все античеловеческие планы, ставшие составной частью операции «Барбаросса».

30 марта 1941 года Гитлер решил просветить руководителей вермахта о подлинных целях нацизма. С этой целью было созвано совещание. Гальдер, аккуратный как всегда, записал слова Гитлера:

«Борьба двух идеологий... Речь может идти только о борьбе на уничтожение».

И дальше:

«Борьба с Россией. Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Надо воспрепятствовать тому, чтобы появилась новая интеллигенция».

Это указание фюрера, смысл которого не допускал двух толкований, генеральный штаб пропустил через свой механизм, как любое другое. Ему было безразлично, чем заниматься: планом разборки понтонных мостов или планом уничтожения коммунистической идеологии. Задание было получено, и вскоре появилась соответствующая инструкция.

Но чем объясняется сочетание в гитлеровской программе этих двух подлежащих уничтожению «объектов»: политических комиссаров и советской интеллигенции? Это сочетание глубоко коренилось в самой сущности нацистской идеологии.

Сначала об интеллигенции. Если можно найти такую идеологию, которая абсолютно отрицает всякую позитивную роль интеллигенции в историческом процессе, то таковой идеологией является нацистская. Однажды в беседе со своей свитой (это было 18 января 1943 г.) Гитлер признался: «Какое счастье для правительства, когда люди не мыслят. Мышление должно состоять только в отдаче или исполнении приказа».

С таким же упоением Геббельс любил повторять изречение: «Люди должны делать то, что мы им вложим в голову». Основная ставка нацизма делалась на то, чтобы околпачивать, одурманивать человека, заставить его забыть о своей человеческой сущности и покорно исполнять приказы, поступающие от фюрера Адольфа Гитлера и от фюреров самых различных рангов. Разумеется, для такого государства и для такого общества не нужна была интеллигенция...

...Рейхсфюрер СС Гиммлер в свою очередь интерпретировал идеи фюрера так: «Русские — это рабочий скот, у которого нет никакой культуры». Как видно, фюрер и рейхсфюрер СС несколько расходились во мнениях...

КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

...Что такое «генеральный план Ост»? Полный текст этого плана еще не найден. Он принадлежит к самым секретным документам третьего рейха, поскольку разрабатывался в недрах СС и под личным наблюдением Гиммлера. Пока обнаружено лишь несколько писем Гиммлера с изложением основных идей «генерального плана», а также записи чиновников СС и ведомства Розенберга, в которых излагались некоторые разделы плана. Однако достоверно известно, что еще в 1940 году Гиммлер поручил группе ээсовских чинов из IV управления Главного управления имперской безопасности СС разработать планы, предусматривавшие истребление славянских народов и онемечивание той части славян, которую ээсовцы собирались оставить в живых в качестве своих рабов.

...Вместе с тем каждый ознакомившийся с документом должен дать расписку в том, что ему известно, что данный документ яв-

ляется директивой, которая, однако, ни в коем случае не должна цитироваться или даже воспроизводиться по памяти в приказах по соответствующим главным управлениям.

Бригадфюреру войск СС Грейфельту разрешается ознакомиться с содержанием документа также бургомистра Винклера и своих ближайших сотрудников; выбор последних должен быть согласован со мной.

Один экземпляр документа я передаю лично начальнику охранной полиции с указанием довести его содержание до своих ответственных сотрудников в выше установленном порядке, без разрешения изготовления копий. Круг его сотрудников, подлежащих ознакомлению с документом, должен быть также согласован со мной...

Вот такая степень секретности «была предусмотрена для этого плана!

Впоследствии руководителем группы, разрабатывавшей «генеральный план Ост», был назначен профессор Берлинского университета д-р Конрад Майер, имевший чин штандартенфюрера СС. На примере разработки «генерального плана Ост» можно наблюдать органическое взаимопроникновение фашизма «необыкновенного» и «обыкновенного». Разумеется, сам план нельзя назвать обыкновенным: такой термин не применишь к документу, который предусматривал уничтожение десятков миллионов людей...

...Гиммлер был явно недоволен тем, что в его словах усомнились:

— Что, вы этому не верите? Будьте спокойны, об этом мне сказал сам фюрер! Не позднее 4 августа мы будем находиться в Москве, ибо это государство рассыплется, как карточный домик.

21 июня примерно та же сцена повторилась рядом с Принц-Альбрехт-штрассе — в здании министерства иностранных дел. Там Риббентроп собрал высших чиновников своего ведомства. Его инструктаж был краток:

— Фюрер заверил меня, что вермахт разгромит Советский Союз за 8 недель...

Сроки, названные Гиммлером и Риббентропом, соответствовали общему убеждению, господствовавшему в имперской канцелярии. Правда, когда летом 1940 года Гитлер в первый раз давал Браухичу общие указания о разработке «Барбароссы», то он не оговаривал

сроков. 31 августа 1940 года фюрер говорил: «5 месяцев на проведение». В разработках генштаба были названы такие сроки:

у Эриха Маркса — 9—17 недель,

у Зоденштерна — до 16 недель,

у Паулюса — 8—10 недель.

Чиано свидетельствовал, что «немцы думают, что все будет кончено за 8 недель», а Браухич считал, что война продлится 6—8 недель. Таким образом, Риббентроп не занимался «пропагандой», он только повторил данные генштаба. Остается лишь заметить, что и эта цифра вскоре была сокращена. Гитлер (в беседе с фон Боком) сказал, что война продлится только 6 недель, а Йодль говорил даже о 3 неделях! Сегодня все это звучит почти анекдотически, почти невероятно. Но любимым изречением Гитлера, в котором сосредоточилась вся нацистская премудрость, была фраза: «Нет ничего невозможного...».

...Что случилось бы, если бы в августе 1941 года группа армии «Центр», состоявшая из двух полевых и двух танковых армий, не прекратила своего движения на Москву? Этот вопрос я задал человеку, который мог считаться большим авторитетом по этому вопросу: Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков знает войну не по историческим трактатам, а по собственному опыту. День 22 июня 1941 года застал Г.К. Жукова на посту начальника Генерального штаба Красной Армии. Первый месяц войны он продолжал оставаться на посту начальника Генерального штаба, затем был переброшен на Ленинградский фронт, где командовал первыми этапами героического Ленинградского сражения, а в октябре 1941 года стал командующим Западным фронтом.

— Что было бы, если бы немецкие войска в августе продолжили наступление на Москву? — повторил он мой вопрос и задумался. Затем сказал:

— На этот вопрос ответить не так просто. Тут было много входящих, особых обстоятельств — как для нас, так и для противника. Как известно, по ряду причин война началась для нас в неблагоприятных условиях. Советские войска приграничных военных округов вынуждены были отступать, неся большие потери. Однако в июле советским фронтам все же удалось организовать оборону и на ряде участков нанести серьезное поражение противнику. В результате в августе у немецкого командования уже

не было сил и средств для одновременного наступления на всех стратегических направлениях. Советское же командование продолжало наращивать силы своей обороны, перебрасывая резервы из глубины страны.

Как в то время оценивались намерения противника? — спросил я у маршала.

В то время господствовало мнение, что немцы продолжат наступление на Москву. Лишь позднее нам стало известно, что главное командование немецких войск серьезно беспокоило обстановку в Украине, где группа армий «Юг» не смогла сломить оборону советских войск. Над группой армий «Центр» нависла серьезная опасность флангового удара со стороны войск наших Центрального и Юго-Западного фронтов. В это же время немецкие войска, встретив упорное сопротивление в районе Луги, не только не смогли прорвать оборону на Ленинградском направлении, но и получили сильный контрудар в районе озера Ильмень. Для противодействия нашему удару и для усиления группы армий «Север» немецкому командованию пришлось спешно перебросить из района Смоленска 39-й танковый корпус, что ослабило немецкие силы, действовавшие по Центральному направлению. Вынужденный поворот 2-й танковой группы и 2-й армии на юг и юго-восток, а также начавшиеся наступательные операции Резервного фронта (в районе Ельни) и Западного фронта (в направлении Духовщины) вынудили и группу армий «Центр» перейти к обороне и временно отказаться от наступления на Москву.

Резюмируя, Г.К. Жуков убежденно заявил: — Взять Москву с ходу, как об этом помышляли некоторые гитлеровские генералы, немецкие войска в августе не могли. А в случае наступления могли оказаться в более тяжелом положении, чем оказались под Москвой в ноябре — декабре 1941 года! Ведь помимо того, что группа армий «Центр» натолкнулась на ожесточенное сопротивление наших войск непосредственно по подступам к столице, она могла еще и получить сильный контрудар со стороны наших войск Юго-Западного направления. Поэтому все попытки немецких генералов и некоторых западных военных историков переложить вину за поражение под Москвой на Гитлера так же несостоятельны, как и вся немецкая военно-политическая стратегия...

«МЫ МНОГОЕ ПОНЯЛИ И ПРОСТИЛИ...»

Письмо профессора Б.Н.Малиновского канцлеру Германии Гельмуту Колю по поводу 50-летия нападения Германии на Советский Союз.

12 VI. 91. Глубокоуважаемый господин
канцлер Гельмут Коля!

Вам пишет бывший советский солдат, видевший вблизи ужасы и бесчеловечность войны, о чем свидетельствует посланная Вам книга. Я написал ее к 50-летию со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз. В годы войны я был дважды ранен, много раз встречался со смертью один на один, но остался жив. Мой старший брат погиб. Солдаты 1941-1945гг убивали друг друга. Сейчас мы многое поняли и простили. Но нельзя простить фашизм, развязавший Вторую мировую войну, как нельзя простить и сталинизм, причинивший столько горя и бед моей стране.

Сейчас наши народы хотят и могут жить в дружбе и согласии. Это великая цель, и я надеюсь, что 22 июня 1991г. станет началом отсчета мирной эпохи для наших народов и народов всего мира.

С уважением и признательностью за Ваши усилия в достижении этой цели.

Б. Малинов.

«ПУСТЬ У ВАШЕЙ КНИГИ БУДЕТ ШИРОКИЙ КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ»

BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND
DER BUNDESKANZLER

Bonn, den 23. Juli 1991

Herrn Professor
B. N. Malinowskij
K i e w

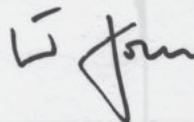
Sehr geehrter Herr Professor Malinowskij,

für Ihren Brief vom 12. Juni und für die Übermittlung eines
handsignierten Exemplars Ihres Buches zum 50. Jahrestag des
deutschen Angriffs auf die Sowjetunion danke ich Ihnen herzlich.

Ich begrüße es außerordentlich, wenn Menschen, die selbst unter den
fürchterlichen Ereignissen des Krieges zu leiden hatten, diese
Erfahrungen für eine Verständigung zwischen den Völkern nutzbar
machen.

Möge Ihrem Buch ein breiter Leserkreis beschieden sein.

Mit freundlichen Grüßen

Уважаемый профессор Малиновский,

сердечно благодарю за Ваше письмо от 12 июня и за переданный мне
экземпляр с автографом Вашей книги по поводу 50-летия со дня
наступления Германии на Советский Союз.

Я весьма приветствую стремление к тому, чтобы использовать свой
опыт во имя взаимопонимания между народами со стороны людей,
которые сами страдали в ужасных событиях войны.

Пусть у Вашей книги будет широкий круг читателей.

Науково-популярне видання

Малиновський Борис Миколайович

Через Вогонь, Воду і Мідні труби

Спогади. Документи. Особистості

(російською мовою)

Упорядник *Тамара Малашок*

Дизайн, верстка *Володимир Гурович*

Формат 60x90/16. Ум.друк.арк. 21,25

Print-on-Demand

travelbook.in.ua

Друк та політурні роботи

**МАЙСТЕР
КНИГ**

м. Київ, вул. Виборзька, 84

Свідоцтво про реєстрацію

ДК №3861 від 18.08.2010